

НЕ ПОКЛОНИТЬСЯ ТЕМ, КТО ВЫЖИЛ,
ВЫРВАЛСЯ И РАССКАЗАЛ СЛЕДУЮЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ
ОБ ЭТОМ ПОДВИГЕ, ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО

КОНСТАНТИН
ХАБЕНСКИЙ

СОБИВЬОР

ВОССТАНИЕ В ЛАГЕРЕ СМЕРТИ

Annotation

Это книга о силе человеческого духа, который невозможное сделал реальным.

Это рассказ о побеге из безвыходного пространства, о победе добра над злом, стремлении к жизни и свободе – над бесчеловечным механизмом машины уничтожения.

Это история о единственном за все время Второй мировой войны успешном восстании узников нацистского концлагеря.

Это роман о восстании в лагере смерти Собибор в 1943 году, организованном Александром Печерским (1909–1990) – советским офицером и всемирным героем.

- [Иван Беркутов](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Иван Беркутов

Собибор. Восстание в лагере смерти

© Беркутов И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Александр Печерский был истинным героем. Организованное им восстание в нацистском лагере смерти Собибор стало символом человеческого духа, готовности даже на краю бездны противостоять мировому злу. Символично и то, что единственным успешным массовым побегом из концлагеря руководил советский офицер – наш Александр Печерский.

После побега из лагеря смерти он прошел Белоруссию партизанскими тропами, потом – как офицер, попавший в плен, – воевал в штурмовом батальоне, был ранен. А после войны – незаметная жизнь в Ростове-на-Дону, работа на разных предприятиях.

Подвиг Печерского и его товарищей не был забыт, но и не получил тогда должного признания. Однако никто из тех, кто знал Печерского, не помнит его озлобленным, обиженным или раздраженным. Он знал, что его долг – сделать так, чтобы мир узнал правду о Собиборе, чтобы герои были награждены, а преступники не ушли от ответа. И вся его послевоенная жизнь представляет собой пример беззаветного служения. Десятки лет Печерский разыскивал боевых товарищей и бывших узников Собибора, помогал им, чем мог, давал показания на процессах против нацистских преступников и их пособников, писал статьи в газеты, выступал на самых разных площадках.

И при этом – испытывал чувство вины. Он, спасший десятки людей, мучился из-за того, что не смог спасти остальных: голландскую девушку Люку, с которой познакомился в лагере, трехлетнюю девочку, которую держал на руках в эшелоне, ехавшем в Собибор, и которая по прибытии туда сразу была отправлена в газовую камеру...

Я знаю, никакой моей вины

В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Хрестоматийные строки Александра Твардовского словно бы о Печерском.

Он был очень светлым и скромным человеком: любящим мужем, хорошим отцом и дедом, настоящим другом. Никогда не требовал ничего для себя лично, не пытался навязать свою историю окружающим. Зачастую люди, общавшиеся с ним, не знали о его героическом прошлом. А его подвиг и его пример особенно важен в наше время, когда массовая культура постоянно навязывает в качестве образца для подражания агрессивного, самовлюбленного, наглого супергероя.

Фильм «Собибор» дает совсем другой образ. Появление на экране такого героя – настоящего и при этом безоговорочно положительного, с которого действительно хочется «делать жизнь», – представляется мне событием значимым. Надеюсь, читатели этой книги и зрители фильма «Собибор» со мной согласятся.

* * *

Министр культуры Российской Федерации

В.Р. Мединский

Октябрь 1943 года. Красная армия, одержав победу в битве под Прохоровкой, уничтожив немецкие дивизии в районе Курска, быстро продвигается на запад. На другом краю Европы высадившиеся в Сицилии американские дивизии освобождают города южной Италии, приближаются к Риму. По всей Европе, оккупированной нацистами, набирает силу партизанское движение. А в глухом уголке восточной Польши, в странном поселке, состоящем из унылых бараков, окруженных колючей проволокой, встретились мужчина и девушка.

Девушку звали Люка. Она была молода и привлекательна; на улице на нее многие оглядывались. Впрочем, это было не здесь – в той, прошлой

жизни. Та жизнь кончилась навсегда. Люка приехала сюда из Южной Германии, где родилась и жила до последнего времени. И платье на ней было немецкое, сшитое по моде; правда, сильно поношенное.

А мужчину звали Александр Печерский. Суровое лицо с жесткими чертами, твердый взгляд – все говорило о том, что он немало видел и пережил. Это было лицо человека с характером таким же твердым, как его взгляд. Он был из Ростова, и он был военный – лейтенант Советской армии. Об этом говорила его потрепанная гимнастерка.

Они зашли за барак, где их никто не мог увидеть, сели на доски. Люка пытливо взглянула на Александра и сказала:

– Не знаю, что у тебя в голове, но ты стал другой. Это плохо.

Она говорила по-немецки. Это был единственный язык, на котором они могли общаться, понимать друг друга. Люка знала идиш – но его не знал Александр. А родным языком Печерского был русский. И только язык врага, это проклятое наречие служило мостом, на котором они могли встретиться. Хрупкий, ненадежный мост – но другого у них не было.

Услышав слова Люки, лейтенант вздрогнул, растерянно взглянул на нее. Она угадала! Да, за последние два дня он стал другой. Он больше не знал, что делать, он не руководил людьми. Из него словно вынули стержень. И, конечно, это было плохо. Куда уж хуже! А ведь его товарищи верили в него, ждали от него помощи.

Александр промолчал. Он ждал, что будет. И дождался: Люка повернулась к нему и стала нежно гладить его лицо. Это было так неожиданно! Ведь они встречались всего второй раз! Почти не разговаривали. Так неожиданно – и так приятно! Он сам не заметил, как взял ее руку, прижал ее к губам... И тут вдруг тот нарыв, что копился в его душе, прорвался, и он заговорил – заговорил по-русски, не надеясь, что она поймет, но стремясь выговориться хоть кому-то:

– Они ждут от меня чудес! Лео называет меня новым Моисеем, который выведет их из рабства. Но я не Моисей! И я не верю в Бога и не умею творить чудеса. Тогда, в Минске, я рискнул, пошел напролом, понадеялся на счастливый случай. В результате погибли люди. Я больше не могу этого допустить. Я больше не буду рисковать. Но ведь что-то нужно делать! Что? Что?

Люка молча слушала звуки чужой, непонятной речи, в которой даже знакомое ей имя «Моисей» звучало не так, как она привыкла. И вдруг рассмеялась. А затем прильнула к нему и поцеловала. Отодвинулась на миг, пытливо взглянула в глаза: так хорошо? так надо? – и снова прильнула к нему в долгом поцелуе. Потом вдруг отодвинулась, села рядом, как будто

ничего и не было. Было заметно, что она смущена. Заговорила, волнуясь:

– Ты, наверно, заметил, что я целуюсь с открытыми глазами? Заметил, просто не спрашиваешь, почему. Да, я не могу закрыть глаза, и это ужасно. Не могу закрыть, и все! Как закрою – передо мной сразу толпы голых людей, идущих в печь. А я стою рядом, у забора, со своими кроликами, и не могу крикнуть им: «Стойте!» Не могу, боюсь. Потому что знаю – после этого меня убьют. Я ведь откармливаю кроликов для немцев, поэтому еще живу. Ты ведь не знал об этом, правда? Саша, я не могу закрыть глаза – как я буду целоваться? И ведь это на всю жизнь, это теперь всю жизнь со мной будет, понимаешь?!

Солнце совсем скрылось за чертой горизонта, стало быстро темнеть. Им пора было прекращать свидание – скоро должно было наступить время, когда заключенным не разрешалось находиться за пределами своих барачков.

Да, заключенным – потому что и Люка, и Александр были заключенными нацистского лагеря смерти. А еще они оба были евреями. Именно поэтому они, выросшие в разных странах, в противоположных частях Европы, встретились здесь.

Закатное солнце озарило последним сиянием крыши барачков, деревья окружавшего лагерь леса. Озарило – и потухло. Золотистый солнечный блик ненадолго задержался на лагерьной вывеске, что поднималась выше крыш, даже выше лагерьных вышек. На этой вывеске было написано: «Собибор». В том году это название узнали люди из самых разных частей Европы. Самых разных...

Глава 1

Стоял в Голландии, на берегу моря, город Роттердам. Солидный торговый город. И в самом центре города жили две еврейские семьи, такие же солидные, как и сам Роттердам. Это были не простые евреи – не шорники, или сапожники, или мелкие торговцы. Да простые евреи и не жили в центре, вблизи ратуши. Такой простой люд теснился на окраинах, в маленьких домишках по берегам каналов. А те семьи, о которых мы хотим рассказать, с давних времен занимались ювелирным делом. А ювелиры, как известно, бедными не бывают.

Члены одной семьи носили фамилию Штайн, а другой – Френкель. Штайны и Френкели дружили меж собою, вместе встречали еврейскую Пасху и другие праздники, и юноши одной семьи иногда брали себе невест из соседней.

И так случилось, что в один и тот же день 1915 года по христианскому календарю в обеих семьях родились мальчики. На восьмой день по рождению, согласно предписанию Торы, оба ребенка были обрезаны и получили свои имена. Одного назвали Аксель Штайн, а другого – Якоб Френкель. Поскольку семьи были дружны между собой, то мальчики росли вместе, вместе ходили в школу, вместе играли, вместе учились ремеслу своих предков – этому лучшему в мире ремеслу, которое всегда даст достаток тому, кто им владеет.

Однако, хотя дети росли в сходных условиях, с самых малых лет выявилось, что они совсем разные. Аксель рос веселым, задорным, даже немного буйным. Никакого сладу с ним не было! Он был заводилой во всех играх и проказах. И совсем другой характер был у Якоба. Он был мальчиком тихим, даже робким – хотя в драке вполне мог постоять за себя. Еще Якоб был очень настойчивым и целеустремленным.

Акселю все давалось легко, будто играючи – и учеба, и овладение навыками ремесла. А к этим навыкам его стали приучать с детства. Когда же Аксель подрос, у него легко пошли знакомства с девочками. Можно сказать, ни одна девочка в округе не могла устоять перед балагуром и весельчаком Акселем – высоким, стройным, красивым.

Все думали, что когда настанет время жениться, Аксель непременно выберет себе в жены писаную красавицу. Но случилось иначе: он сошелся с такой же веселой простушкой Магдой. Ему был 21 год, когда они сыграли свадьбу.

С Якобом все обстояло сложнее. Он с трудом знакомился с девушками, робел перед ними. И при этом полюбил самую красивую девушку в их районе – красавицу Ханну. А она, можно сказать, даже не глядела в его сторону. Казалось, страсть Якоба так и останется мечтой – вроде тех случаев, когда подростки влюбляются в актрис или красивых дам, живущих по соседству. Однако Якоб был упорен и настойчив. Преодолев свою робость, он стал ухаживать за Ханной по всем правилам. Он закончил школу как первый ученик. И в ремесле он сравнялся с Акселем, а кое в чем и опередил товарища. И когда Аксель, уже женатый, решил создать собственное предприятие и подыскивал себе компаньона, он ни минуты не сомневался, кто должен стать этим компаньоном – разумеется, Якоб!

И вот выяснилось, что Якоб, несмотря на его скромную внешность и некоторую робость, является завидным женихом. Он был умен, он крепко стоял на ногах, отличался верностью... Чего еще нужно девушке? К тому же нужно учесть, что семья Ханны была совсем не богата. Короче говоря, прошел всего год после свадьбы Аксея и Магды, и состоялась другая свадьба – Якоба и Ханны.

Две молодые пары поселились по соседству. Они часто встречались, много времени проводили вместе. И вскоре выяснилось, что Аксель и Ханна нравятся друг другу. Они любили вместе танцевать; на прогулках, когда катались на лодках или гуляли, они, словно невзначай, касались друг друга... Но до поры до времени дальше этого отношения между ними не заходили. Они не торопили события.

Так они жили, легко и весело. Детей не было ни в той семье, ни в другой. В одной семье этому противился Аксель – он хотел пожить в свое удовольствие. В другой против была Ханна. Она никак не объясняла свое нежелание – просто не хотела ребенка, и все.

Вот так они и жили, весело и счастливо, в свое удовольствие. И думали, что и дальше смогут продолжать прежнюю, привычную жизнь. Однако прошло два года, и в их жизни произошла катастрофа. И не только в их жизни – сломалась, покатила в пропасть жизнь миллионов людей. Но они это не сразу заметили. Ведь та катастрофа была какая-то беззвучная, громко о себе не заявляла. Так что на нее не сразу обратили внимание. Во всяком случае, Аксель, Якоб, Магда и Ханна точно не обратили...

В сентябре 1939 года немцы вторглись в Польшу, началась мировая война. Однако жителей Голландии война на первых порах вовсе не коснулась – она шла где-то далеко. Но при этом некоторые евреи, самые предусмотрительные, начали по какой-то причине покидать страну. Они

уезжали во Францию или еще дальше – в Америку. Когда их спрашивали о причине отъезда (а ведь на такой отъезд надо было потратить много денег, изменить привычную жизнь, разорвать все связи!), они отвечали, что в Голландии оставаться опасно – Германия совсем близко. А в Германии евреев преследуют, всячески над ними издеваются, отнимают все имущество, запрещают работать вместе с немцами, жить на центральных улицах, а некоторых посылают в концлагеря. Так зачем ждать, пока эти германские порядки придут в тихую Голландию? Лучше приложить усилия и отправиться подальше, куда господин Гитлер не сможет ступить кованым сапогом своих солдат.

Впрочем, Аксель считал таких предусмотрительных людей паникерами. Сам он уезжать никуда не собирался. Ну, а Якоб брал с него пример – как во всем другом.

Разумеется, Аксель и Якоб слышали о так называемой «Хрустальной ночи» – чудовищном еврейском погроме в Германии в ночь на 10 ноября 1938 года. Десятки евреев погибли, тысячи были отправлены в концлагеря. Мостовые немецких городов были усеяны осколками стекла из разбитых окон и витрин еврейских магазинов и контор – отсюда и название «Хрустальная ночь». Но Аксель считал, что не стоит придавать значение всего одному погрому. И потом, слухи о жертвах могли быть преувеличены...

Да, в газетах писали и о том, что в Германии приняты специальные законы против евреев – Нюрнбергские законы. Им запрещалось заниматься адвокатской практикой, медициной, банковским делом, писать книги, преподавать, работать в газетах, держать аптеки... В общем, были запрещены все занятия, наиболее популярные у еврейского населения страны. Нацисты в то время еще не решили физически уничтожить всех евреев – они хотели выдавить их из Германии, а лучше – вообще из Европы. В умах нацистских руководителей даже созрел план выселить всех европейских евреев на остров Мадагаскар! Правда, по ряду причин этот план не осуществился.

Все это обсуждалось на страницах голландских газет. Однако Аксель не читал газет и не интересовался политикой. Он считал всю политику чушью, которая не должна интересовать таких практичных людей, как он сам и его друг Якоб. И уж тем более все эти страхи, описываемые в газетах, не должны интересовать их милых жен. Нет, они живут своей жизнью, которая протекает вдали от всякого рода расовых теорий и германских законов. И так они будут жить всегда!

Однако в мае 1940-го война пришла и в Голландию. Немцы в течение

нескольких дней захватили всю страну, двинулись дальше – во Францию. Улицы городов теперь патрулировали немецкие солдаты.

Аксель после оккупации страны вначале испугался и даже думал нанять лодку и бежать на ней в Англию – так делали некоторые. Но прошло несколько дней, и он решил, что спешить не стоит. Ведь для евреев ничего страшного вроде не произошло. Их никто не трогал, не сгонял с насиженных мест. Правда, немцы прошли по всем домам и всех евреев внесли в особые списки – всех, до последнего старика и только что рожденного малыша. Ну, и что тут такого? Внесли и внесли. Жизнь какой была, такой и осталась. И Аксель снова мог смеяться над паникерами, которые поспешили уехать. Он заявлял, что ни с ним, ни с его женой, ни с его другом Якобом ничего и не может случиться. Ведь Аксель и Якоб были ювелирами. Ювелиры всегда жили хорошо, они и сейчас не бедствовали. Им разрешили остаться на прежних квартирах, работать в своих мастерских. Новые хозяева Европы, немцы, так же нуждались в дорогих украшениях, как и голландцы. И они охотно давали заказы Акселю и Якобу. Их жизнь шла, как прежде.

Однако весной 1942-го режим в отношении евреев ужесточился. Их положение изменилось. Всем приказали нашить на одежду желтые знаки – «звезду Давида». Без этой отметки нельзя было появляться на улице – тебя сразу мог задержать патруль. В целом можно было сказать, что евреи превратились в людей второго сорта. Точнее, третьего: вторым сортом шли голландцы и французы. Голландцы, хотя и потеряли свой суверенитет, могли жить, как прежде. А вот избранный народ Божий, наследники царя Давида стали проклятыми.

Теперь стало ясно, что беглецы, те, кто покинул Европу до прихода нацистов, были правы. Теперь уже все говорили о том, как хорошо было бы заранее уехать. Жили бы сейчас где-нибудь в Нью-Йорке и горя не знали. Да, теперь Аксель и Якоб, а также их жены пожалели, что не последовали примеру некоторых соседей и не преодолели каких-то двести с небольшим километров, отделявших Роттердам от британского берега. Но что толку горевать, тосковать о том, что могло бы быть?

С лета 1942 года немцы начали грузить евреев в вагоны и куда-то везти. Куда? Этого никто не знал. На улицах то и дело происходили облавы – ловили тех, кто не явился в указанный час на вокзал. И настал день, когда Акселю и Якобу тоже пришло время уезжать. К ним домой явилась полиция и приказала им и их женам срочно собраться и явиться на вокзал. Надо признать, что в этот момент Аксель порядком струхнул. Даже его, весельчака и балагура, покинул природный оптимизм. Что с ними будет?

Куда их повезут?

Глава 2

И вот они, все четверо, собрались на вокзале. Там им сообщили, что их вывезут куда-то на восток. Куда – не говорили. Повели на перрон. Здесь их ждал поезд – обычный пассажирский поезд, вроде тех, что ходили в Брюссель или Гамбург. Они с опаской оглядывались по сторонам. Но все выглядело совсем не страшно.

Да, эта поездка совсем не была похожа на отправку в концлагерь! Никакого сравнения! И зачем только их пугали в Роттердаме, рассказывали всякие ужасы? Ничего страшного в их путешествии не было. Они ехали в комфортабельном вагоне пассажирского поезда. Сидели вчетвером в отдельном купе. И даже пиво у них было – большая бутылка, которую Аксель прихватил на вокзале. Говорили, что где-то, в другом вагоне, ехала немецкая охрана. Но здесь ее не было, здесь они были свободны. И даже желтые звезды, нашитые у каждого на одежде, не выглядели как знак беды. Эти куски нарядной материи из хорошей ткани скорее выглядели как украшения.

Поезд миновал границу, и теперь они ехали по территории Германии, все дальше на восток.

– Как называется это место, куда нас везут? – спросила Ханна. – Я так и не запомнила название...

– Я помню, – откликнулась Магда. – Это где-то в Польше. Представляете, в Польше! Такая дыра! А местечко называется Собибор. Кажется, это недалеко от города Хелм. А еще я запомнила, что сразу по прибытии немцы отделяют жен от мужей...

– О, прощай, Магда, прощай, Ханна! – нарочито трагическим голосом произнес Аксель.

Магда, глядя на своего веселого мужа, тоже отбросила мрачные мысли и решила ему подыграть.

– Прощайте, Аксель и Якоб! – так же трагически произнесла она.

Глядя на них, красавица Ханна усмехнулась. И только Якоб не понимал этой шутки.

– Чему вы смеетесь? – спросил он. – Ведь мы ничего не знаем! Надолго ли нас разделят? Как там вообще все будет?

– Нас разделят на целых три дня! – все так же шутливо ответила Ханна. – Вот и проверим наши чувства.

– Да, это их немецкий порядок, – кивнула Магда. – Насчет порядка они

сумасшедшие.

Однако Якоб не разделял их беспечности.

– Можно ли верить немцам? – спросил он.

Аксель покачал головой:

– Опять паникуешь! Какой у меня нервный компаньон! Якоб, мы будем работать, как всегда, и мы бессмертны.

– Это почему еще?

– Потому что мы ювелиры! – ответил Аксель, назидательно подняв палец. – А золото сильнее смерти.

– Держись его, он везучий, – посоветовала Магда Якобу, с любовью поглядывая на мужа.

А Ханна сообщила:

– Немцам можно верить. Знаю это из личного опыта.

– У тебя был роман с немцем? – оторопел Якоб.

Ханна не ответила. А Аксель засмеялся:

– Самое время признаваться! Перед Собибором...

– Мне рассказывала моя подруга Милка, – сказала Магда, – что она бывала в Польше. В восточной ее части – как раз там, куда нас везут. Там кругом леса, деревень совсем мало. Лесной край...

– Вот и отлично! – заявил Аксель. – Будем жить в лесу, дышать чистым воздухом! Это будет полезно для твоих легких, Магда, а то в последнее время ты жаловалась на насморк. Здесь ты сможешь его вылечить.

– Но если тут одни польские деревни, где мы будем работать? – спросил Якоб. – Крестьянам не нужны бриллиантовые кольца, ожерелья, подвески... Единственное, на что хватает их скудных сбережений – это заказать колечко на свадьбу, да и то серебряное.

– Но ведь нас везут не в польскую деревню, а в немецкий лагерь! – Аксель вновь назидательно поднял палец. – Там будет достаточно немецкого начальства, всяких офицеров. А уж им точно нужны украшения для их подруг. Конечно, немцы скуповаты, не то что польские паны. Вот уж у кого полно гонору! Но времена панов, как и наших голландских торговцев, как видно, миновали навсегда. Теперь нам придется жить под немцами.

Потом он похлопал себя по тугому животу и сообщил, что пойдет в туалет. Едва он вышел, красавица Ханна сообщила, что устала сидеть на одном месте.

– Мы уже три часа томимся в этом душном купе, – пожаловалась она. – Сколько можно? Пойду, пройду по вагонам. Погляжу, что и как. Потом вам расскажу.

Якоб хотел возразить жене, но не решился. Он вообще робел перед своей красивой женой. Это в мастерской он был хозяин, мастер, там он знал, что и как делать. А дома царила Ханна. Она была такая красивая, такая недоступная... Якоб до сих пор не понимал, как она согласилась выйти за него замуж, что нашла в нем, таком обычном, невзрачном...

...Между тем Ханна проследовала мимо туалета, открыла дверь тамбура... Как она и думала, Аксель был там. Они взглянули друг на друга... и кинулись друг другу в объятия. Оба не сказали ни слова, но думали и чувствовали они одинаково. Настал их миг! Сколько можно откладывать? Ведь неизвестно, что на самом деле ждет их впереди. Пока что у них не было подходящего случая, чтобы начать свой роман. И вот теперь, по пути в неведомый Собибор, этот момент настал.

Конечно, это было неразумно. Крайне неразумно! В любой момент их могли разоблачить; дверь могла открыться, и в тамбур могли войти посторонние. Или не посторонние, а свои – Якоб или Магда. И это было бы еще хуже. Но угроза разоблачения делала их любовь еще более бурной.

Аксель впился в ее шею, его руки стискивали ее бедра; вот он задрал ей платье... Его ласки становились все более страстными; Ханна не сопротивлялась. Только обручальное кольцо стащила с пальца – для очистки совести.

– Сейчас я выбью из тебя немца... – прошептал Аксель ей в ухо.

Вагон дернулся, заскрежетал на стыках – они уже въезжали на станцию. Однако это не остановило Акселя. Ханна почувствовала, что партнер оказался внутри нее. Она застонала... А Акселю хотелось кричать; ему надо было дать выход рвущейся из него страсти.

– Немец, пошел вон! – закричал он, не сдерживаясь. – Вон!

– Он ушел! – отвечала Ханна между стонами. – Только ты, ты...

Поезд приближался к платформе, за окном уже виднелись лица тех, кто ждал его прибытия; стали слышны звуки оркестра. Уже можно было прочесть надпись «Собибор» на здании станции. Однако они оба не помнили, где находятся. Им не было никакого дела до окружающего. Они находились в своей собственной вселенной, рассчитанной только для двоих.

Поезд уже почти остановился. Однако Аксель еще не закончил, и он не собирался останавливаться.

– Немец, пошел вон, вон! – крикнул он в экстазе и распрямился. Конец... Последние стоны... Ханна торопливо надела на палец кольцо, поправила платье. Один за другим они покинули тамбур. Лицо Ханны снова приняло присущее ей надменное выражение.

Теперь она снова могла видеть окружающее. И она увидела маленькое станционное здание, перрон, на котором выстроилось два десятка полицейских в синих мундирах, с винтовками в руках. Позади стоял оркестр, который играл одну веселую мелодию за другой. Тут же находились и хозяева, представители «расы господ» – трое немецких офицеров в мундирах мышинового цвета. Над зданием станции развевался нацистский флаг со свастикой. А дальше виднелись какие-то здания, окруженные колючей проволокой. «Значит, все-таки это лагерь, и тут совсем не санаторий», – подумала Ханна.

Впрочем, долго раздумывать было некогда: немцы поторапливали прибывших, просили их быстрее выходить из вагонов. Хотя никаких резких команд не было, все выглядело пристойно. К тому же Аксель, Якоб и Магда уже вышли и ждали ее на перроне. Ханна ступила на ступеньку вагона, и услужливый еврей в опрятном комбинезоне подал ей руку и помог выйти. «Как мило! – подумала она, поблагодарив мужчину кивком головы. – Давно мне никто не подавал руку. Разве что муж...»

Немцы строили вновь прибывших – мужчин отдельно, женщин и детей отдельно. Прежде чем стать в строй вместе со всеми, Ханна оглядела толпу прибывших. В купе они ехали одни, ни с кем не общались, не знали, кто едет в других купе, в других вагонах. Только теперь она оценила, как много их, оказывается, прибыло на этот маленький вокзал. И как много детей! Почти каждая женщина вела за руку ребенка; у некоторых было двое, трое детей. «Где же мы все поместимся? – подумала Ханна. – Кажется, тут не так много домов. Или есть другие, которых не видно с перрона?»

Тем временем один из немецких офицеров взял в руки мегафон. Его усиленный аппаратурой голос разнесся над толпой прибывших:

– Добро пожаловать в лагерь Собибор! Вы сможете здесь добросовестно работать и достойно жить в ожидании переселения на освобожденные рейхом земли.

«Ага, значит, мы здесь временно, – заключила Ханна. – Интересно, что это за освобожденные земли? Где-то в России, может быть? Но ведь кругом говорят, что русские наступают, земли, занятой немцами, все меньше...» Впрочем, думать было некогда – офицер говорил дальше:

– Просим вас правильно понять наши требования. Разделение мужчин и женщин – временное; просто в целях гигиены сейчас необходимо принять душ, во избежание эпидемии тифа...

«Какая чушь! – успела подумать Ханна. – Какой тиф? Все выглядят чистыми, опрятно одетыми... О чем он говорит?»

– А потом все встретятся! – продолжал офицер. – Сохраняйте ваши квитанции, чтобы без затруднений найти свой багаж для устройства в домах.

Стоявшая рядом с Ханной Магда прокомментировала выступление офицера:

– Немного занудный, но все по порядку, как мы и думали.

– О какой квитанции он говорил? – недоумевала Ханна.

Магда уже собиралась ответить, но ее опередил тот самый служащий в комбинезоне, который помог Ханне выйти из вагона:

– Вон квитанция на ваш багаж, мадам. Чемоданы получите чуть позже. Не волнуйтесь ни о чем, все будет в полной сохранности.

– Я и не волнуюсь, – ответила Ханна, и ее лицо приняло привычное надменное выражение. – Спасибо.

Между тем другой офицер – комендант так называемого Первого лагеря обершарфюрер Карл Френцель – в сопровождении автоматчика медленно двинулся вдоль строя вновь прибывших.

– Мастера есть? – громко спросил он. – Сапожники, плотники, кузнецы, шорники? Швеи, портнихи?

Акселя не требовалось приглашать дважды. Он быстро соображал, сразу понимал, где выгода, как нужно поступить. Он сделал шаг вперед и громко заявил:

– Я ювелир, господин офицер! И этот человек тоже, он мой компаньон! Якоб, не мямли, скажи! Мы хотим работать по специальности, господин офицер!

Якоб тоже шагнул вперед:

– Да, я ювелир. Вот кольцо, я его делал... обручальное кольцо моей жены. Ханна, покажи!

Стоявшая неподалеку Ханна услышала слова мужа и подняла вверх руку с кольцом.

Комендант слегка улыбнулся на такую непосредственность и одобрительно кивнул мастерам:

– Отлично! Ювелирам найдется дело.

И двинулся дальше вдоль строя. Ему надо было отобрать из присланного человеческого материала все ценное. Не должно было пропасть ничто, что могло пригодиться Германии! Обрадованный Аксель хлопнул друга по плечу:

– Говорил же я: держись за меня, Якоб!

Офицер с мегафоном в руках вновь заговорил:

– Соблюдайте порядок! Сперва в душ идут женщины. Мастерские

отходят в сторону, их поведут в душ потом.

Стоявшие вдоль перрона полицейские окружили женщин, велели им построиться по двое и повели прочь. Ханна с Магдой шли в хвосте колонны, их было хорошо видно, вплоть до момента, когда колонна вошла в ворота лагеря. Аксель и Якоб провожали жен взглядами.

– Не знал, что у нее был любовник, – с горечью произнес Якоб.

Он не знал и другой, более важной вещи: что он видит свою жену в последний раз...

Глава 3

Ханна узнала свою судьбу раньше Якоба. Когда колонна женщин вошла в ворота лагеря и свернула налево, к приземистому зданию с широкой трубой на крыше, офицер, командовавший колонной, остановил ее. Женщинам приказали раздеться догола и сложить одежду на специальные тележки. Когда кто-то попытался возразить, немец грубо прикрикнул на недовольных и пригрозил, что тех, кто не подчинится, будут бить и разденут насильно.

Всякая любезность из поведения охраны исчезла. Охранники нагло смотрели на раздевавшихся женщин, угрожающе поигрывая дубинками. Узникам ничего не оставалось, как подчиниться.

– Нет, это уже больше, чем просто немецкий порядок, – заметила Магда, которая по-прежнему старалась держаться поближе к Ханне. – Я о таком раньше даже не слышала.

– Но, может быть, все не так страшно? – сказала какая-то женщина рядом с ними. – Ведь они сказали, что нам надо пройти душевую. Значит, надо раздеться. Ну, а то, что они такие грубые... Что поделать, у них такая работа...

Ханна ничего на это не ответила. Она не знала, что и думать. По отдельности все, что происходило после отъезда из Роттердама, можно было объяснить и понять. Но когда она пыталась сложить все в целом, получалось нечто несуразное; кусочки не складывались в единую картину.

Но вот все женщины и дети разделись и сложили одежду на тележки. При этом Ханна заметила, что служащие в лагерных комбинезонах, которые принимали и складывали их одежду, вовсе не старались сохранить вещи каждой женщины отдельно. Наоборот, они тут же начали их сортировать – дорогие платья складывали в одну кучу, вещи попроще – в другую, детские вещи в третью... «Как же мы найдем наши вещи после душа? – подумала Ханна. – Или... или мы их больше не наденем? А взамен нам выдадут какие-то робы?»

Эта мысль была ужасна, но она постаралась не выказать страха. Когда немецкий офицер отдал приказ двигаться дальше, к душевой, она пошла с гордо поднятой головой, с привычным для нее надменным видом. Она не испытывала смущения оттого, что на нее пялились два десятка мужчин. Она считала, что не должна стесняться своего красивого тела. Что ее на самом деле стесняло – это присутствие множества детей, в том числе

мальчиков. Видно было, что мальчишки стесняются своей наготы, которую видят незнакомые тети. Да и вид голых женщин их пугал. Ханна видела, что многие дети с трудом сдерживают слезы. Вот это было действительно неестественно и гадко. «Неужели они не могли повести мальчиков в душ отдельно? – думала она. – Так было бы по-человечески...»

Позади себя Ханна все еще слышала звуки оркестра – он продолжал играть там, на перроне. Внезапно она подумала об оставшемся там муже. Подумала с нежностью, с тоской. Как она была виновата перед ним! Она никогда по-настоящему не любила этого неказистого увальня. Вышла за него по расчету, из выгоды. А ведь он ее боготворил, почитал, как христиане почитают свою Мадонну; готов был пылинки с нее сдувать. Сейчас она нуждалась в нем, в его поддержке. На Якоба всегда можно было положиться, он никогда не подводил. Как бы хотела она сейчас почувствовать его рядом! Не Аксея с его любовным пылом, с его обольстительной улыбкой, а именно недотепу Якоба. Внезапно Ханна поняла, что все-таки любит своего мужа. Она дала себе слово отныне быть с ним нежнее, заботливей. «Когда мы снова увидимся, надо будет обязательно сказать ему что-то нежное», – подумала она.

Они подошли к низкому помещению «душевой». Вдоль стен «предбанника» стояли длинные лавки, возле них застыли два десятка мужчин, державших в руках машинки для стрижки волос.

– Сейчас вам всем постригут волосы, – объяснил немецкий офицер. – Это необходимо в целях борьбы с насекомыми, чтобы предотвратить распространение болезней. Всем нужно сесть на лавки лицом к стене, чтобы нашим парикмахерам было удобней работать. Быстрее, пошевеливайтесь!

И снова в этом очередном приказании была своя логика. Да, Ханна знала, что в местах массового скопления людей часто возникают болезни, которые распространяют вши, блохи и прочая нечисть. Логика, порядок... Значит, нужно было смириться и с этим новым унижением, с утратой волос – этой части тебя самой. Такой же важной части, как одежда.

Однако у нее еще оставались силы, чтобы держаться с достоинством и делать вид, что ничего особенного не происходит. Она села на лавку, вынула из волос удерживавшие их шпильки, тряхнула головой. Никаких зеркал на стенах барака не было, поэтому она не могла видеть человека с машинкой, который сзади подошел к ней и начал стричь ее волосы. Поворачивая голову по его приказу то вправо, то влево, она видела лишь его ноги в грубых лагерных брюках, и такие же грубые ботинки на ногах. Да, ее стриг заключенный – скорее всего, такой же еврей, как она сама.

Впрочем, об этом можно было только догадываться: человек с машинкой молчал, за все время она услышала от него лишь несколько слов. И она знала, почему люди с машинками такие молчаливые: еще садясь на лавку, она заметила стоявшего у стены здоровенного полица в черной форме, с кнутом в руке. Вид у кнута был очень зловецкий, и не было сомнений, что полицейский привык им пользоваться.

Краем глаза она видела, как рядом стригут волосы у других женщин и детей. Роскошные шиньоны, рыжие и черные локоны, седые пряди, детские косички и мальчишечьи вихры перемешивались на полу. И снова она видела ту же картину, что возле тележек во дворе: лагерные служащие сноровисто собирали волосы вместе, складывали их в мешки.

Ханна провела ладонью по своей стриженной голове. Недалеко было окно, в котором кое-что отражалось. Она присмотрелась, и увидела собственное отражение. Повернулась так, сяк. С улыбкой сказала, ни к кому не обращаясь:

– А мне так даже лучше. Вот не знала...

Процедура стрижки подошла к концу. Под низкими сводами барака разнесся голос немецкого офицера:

– Теперь вы можете идти в душ и после этого пройти в отведенное вам помещение. Не спешите, вы все успеете помыться.

Эти слова оказали на женщин прямо противоположное действие. Они поспешили к дверям «душевой» – они виднелись в дальней стене помещения. Спешили так, словно давно мечтали об этом лагерном душе. Или они боялись, что на всех воды не хватит?

Возле дверей сразу возникла толчея. Самые нетерпеливые женщины спешили попасть внутрь, отталкивая остальных. Ханна, разумеется, не спешила. Шла, сдавленная телами соседок. Это было неприятно, даже противно, но она надеялась, что сейчас все закончится – они войдут в душевую, каждая встанет под свою струю воды...

И вот она оказалась внутри. Да, помещение было похоже на душевую. Вдоль стен располагались краны, тут же стояли бочки с водой. Испуг, сжавший сердце Ханны, немного прошел, и она смело направилась в глубину помещения. Тут она заметила маленькое окошечко под самым потолком. Интересно, для чего оно здесь? И где мыло? Или им мыло не положено?

Видимо, и остальные задавались теми же вопросами. Внезапно дверь заскрежетала и плотно закрылась; слышно было, как снаружи лягнул засов. Их заперли! И тут вдруг Ханна почувствовала, что ей трудно дышать. Воздух здесь был какой-то другой. И запах... Чем это пахнет? Так

пахло на узких улицах, если машины стояли в пробке...

Горло сдавило, она закашлялась. Дышать было так трудно! Тут она заметила клубы бурого дыма, которые расползались из углов помещения. Кашель раздавался со всех сторон. Она увидела, как одна девочка осела на пол. Ее мать пыталась удержать ребенка, но не смогла, и тоже упала.

И тут она поняла! Это не душевая! Это газ! Наверно, он поступает откуда-то снизу. Это газовая камера! Их всех хотят отравить! Они все умрут!

Она закричала – непонятно, что, непонятно, кому. И все вокруг кричали. А некоторые уже не могли кричать – они падали на пол, одна за другой. Первыми потеряли сознание дети, теперь умирали женщины. Вот и Магда упала... Ханна, как видно, была крепче других – она еще держалась. Последним усилием она подняла глаза к единственному светлему пятну в этой камере – к окошку. И увидела в нем лицо какого-то мужчины в очках. Он внимательно разглядывал все, что происходило в камере. Наверное, это был немец – кто же еще? Ханна хотела крикнуть ему последнее проклятие, но силы уже оставили ее. И она тоже свалилась на пол...

...Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер оторвался от смотрового окошка и повернулся к сопровождавшим его офицерам из охраны лагеря.

– Вижу, что ваша система работает без промедлений и сбоев, – сказал он, обращаясь к коменданту лагеря Францу Рейхлейтнеру. – И как потом происходит утилизация тел?

– В полу имеется люк, господин рейхсфюрер, – отвечал комендант. – Через него тела попадают на ленту конвейера, и по нему прямоком поступают в крематорий – вон туда, видите, трубы торчат? Как только печи загрузятся, их начнут сжигать.

– И сколько евреев ликвидируется за один раз?

– Камера вмещает 800 человек. Обычно с эшелонам прибывает как раз столько. Однако обершарфюрер Френцель отбирает несколько десятков для работ в первом лагере. Оставшиеся вполне помещаются в камеру. Во всяком случае, на тесноту пока что никто не жаловался...

Рейхсфюрер, как и окружавшие его офицеры, оценил шутку; раздался дружный смех.

– А откуда поступает газ? Ведь у вас, насколько я знаю, не используют газ из баллонов...

– Да, рейхсфюрер, мы обходимся более простыми средствами. Возле камеры установлены несколько старых танковых моторов. Они вырабатывают угарный газ, который поступает в камеру.

– Отлично, отлично, – заметил глава СС. – Что ж, пойдёмте дальше...

Рейхсфюрер Гиммлер совершал инспекционную поездку по лагерям уничтожения, расположенным на территории генерал-губернаторства (так немцы называли оккупированную ими Польшу). Он уже побывал в Хелмно, Белжеце, Майданеке, Треблинке. А из Собибора собирался ехать в Аушвиц. В целом он был удовлетворен увиденным. Созданная под его руководством и при его непосредственном участии машина уничтожения евреев работала без сбоев. Уже свыше трех миллионов евреев из стран Европы были убиты и сожжены в печах нацистских лагерей. Их одежда, их вещи поступили в распоряжение различных служб рейха. И не только одежда! Целые тонны женских волос шли на изготовление матрацев. Сотни килограммов золотых зубных протезов, украшений, браслетов поступали в казну. И нигде не было особо сильного сопротивления! Исключением стали восстания в Варшавском, Минском, Белостокском и Вильнюсском гетто, а также деятельность нескольких партизанских отрядов, состоявших из евреев. Но в целом сопротивление было слабым, и это позволяло держать на охране лагерей минимум бойцов СС. Например, здесь, в Собиборе, где после прихода каждого эшелона уничтожалось свыше восьмисот евреев и еще 550 находилось постоянно (они были заняты на различных лагерных работах), служили не более тридцати офицеров СС. Конечно, им помогали охранники, так называемые вахманы. Но это были уже не немцы; это были бывшие военнопленные, согласившиеся сотрудничать с оккупантами. В условиях, когда русские наступали и фронту требовалось все новое и новое новое пополнение, сокращение охраны лагерей было важным направлением политики Гиммлера.

Держать привозимый для уничтожения «контингент» в повиновении помогали и различные ухищрения. О, тут была разработана целая система обмана! К ней относилась и «торжественная встреча» на перроне – с оркестром и чуть ли не с цветами. И квитанции, выдаваемые вновь прибывшим, по которым они якобы могли получить свои вещи, тоже входили в систему обмана. И слова о «душе».

...Высокий гость прошел между бараками, вышел в лагерный сад. Позади шла свита – комендант лагеря Рейхлейтнер, его заместитель Нойман, комендант Первого лагеря Френцель, офицеры Вагнер, Бекман, Гринхаус. Дойдя до расцвеченных осенними красками деревьев, Гиммлер остановился. Он был человеком, чутким к красоте, и сейчас наслаждался красками осени, запахом осенних листьев, свежим ветром, дующим из леса... Заключение, работавшие в саду, при появлении немцев вытянулись и замерли по стойке «смирно». Но Гиммлер их даже не заметил.

Неожиданно из лагерных труб повалил густой черный дым. И тут же на головы людей стал сыпаться черный пепел. Это было все, что осталось от голландского эшелона – такого чистого, такого комфортабельного. Все, что осталось от Магды, Ханны, еще четырех десятков женщин и трех десятков детей.

Стоять под падающим пеплом глава СС не захотел. Надел фуражку и двинулся дальше. Прошел через плац, мимо вахманов и нижних чинов. Подошел к ожидавшей его машине. Пожал руки офицерам; с особой сердечностью – коменданту. Потом сказал:

– Друзья! Соратники! Буду говорить с вами совершенно откровенно. Между собой мы будем говорить открыто, хотя никогда не сделаем этого публично. Я имею в виду вашу работу по ликвидации еврейского населения Европы. Лишь немногие из немцев знают, что это означает, когда перед тобой лежит груда трупов – сто, двести, тысяча трупов. Выдержать все это и сохранить порядочность – вот что закалило наш характер! Это славная страница нашей истории, которая, к сожалению, никогда не будет написана. Вы делаете очень нужную работу! И я преклоняюсь перед вами. Так держать!

И, уже садясь в машину, обернулся к подчиненным и произнес:

– Больше праздника в душе, партайгеноссен, больше настоящего праздника!

Рейхсфюрер искренне считал, что делает нужную работу. И все руководство гитлеровской Германии, так называемого Третьего рейха, считало, что они должны выполнить свою историческую миссию – окончательно «решить еврейский вопрос», то есть поголовно уничтожить все еврейское население Европы. Именно на это были нацелены решения, принятые в начале 1942 года на секретном совещании нацистской верхушки.

Глава 4

После того как всех мастеров – ювелиров, сапожников, портных – отделили от остальных, обещали им работу, Аксель был полон бодрости.

– Вот увидишь, мы здесь нормально устроимся! – говорил он Якобу. – В любом новом месте трудно приходится лишь в первые дни. Трудно привыкнуть к новым условиям, новым порядкам. Потом ты притрешься и увидишь, что и здесь есть свои привлекательные стороны.

Правда, барак, в который их привели, в котором им предстояло жить, не выглядел привлекательно. Никаких отдельных комнат, где можно было бы жить с женами (на что надеялся Аксель) – общее помещение, где вдоль стен шли деревянные топчаны. И капо с кнутами в руках выглядели зловеще. Порадовала только ювелирная мастерская, в которой им предстояло работать. Здесь было все, что требовалось для изготовления красивых ювелирных изделий: столы с хорошим освещением, инструменты. И было очень много золота – в основном почему-то зубных протезов. Но Якоб не успел подумать, откуда они взялись.

В этот первый день новичкам объяснили устройство лагеря и его порядки. Лагерь Собибор делился на три части (их тоже называли лагерями). Самой оживленной частью Собибора был Первый лагерь, которым руководил обершарфюрер Карл Френцель. Здесь располагались мастерские – столярная, портняжная, сапожная, ювелирная. И здесь же находились бараки, в которых жили заключенные. Во Втором лагере находился только один производственный отдел, зато самый массовый – сортировка. Все, снятое с убитых людей, поступало сюда, на огромные столы в сортировочном бараке. Все эти вещи надо было разобрать – одежду отдельно, обувь отдельно; отделить взрослое от детского, мужское от женского. И, наконец, выделить из общей груды вещей то, что представляло ценность для нацистов. Это была ответственная работа! Ее выполняли в основном женщины.

Самой страшной частью Собибора был так называемый Третий лагерь. Здесь находились газовые камеры и крематорий; здесь происходило уничтожение вновь прибывших. Отсюда летел на лагерь и окрестные леса черный пепел...

На следующий день новичков с утра повели на работу. Но не успели они дойти до мастерской, как со стороны лагерного сада послышались крики, а затем и выстрелы. Колонну мастеров остановили и вернули назад в

барак. А спустя час вывели на плац.

Здесь уже собрался весь лагерь – как заключенные, так и надзиратели. Здесь Аксель и Якоб и узнали о том, что случилось утром. Оказалось, что группа заключенных, работавших в саду, воспользовалась тем, что часовые сквозь листву не всегда их видели. Трое узников смогли перерезать колючую проволоку, и вся группа бросилась бежать. Правда, убежали они недалеко. Часовые с вышек открыли огонь из пулеметов. А те, кто смог убежать от пулеметов и проник за второй и третий ряды проволоки, попали на минное поле. Все они подорвались на минах.

Побег не был никак подготовлен – решение о нем возникло внезапно. Если бы заключенные готовились заранее, они бы постарались узнать о том, как лагерь охраняется. Они бы узнали, что, кроме четырех рядов колючей проволоки, кроме часовых на вышках, существует еще одна угроза – мины. Они были густо заложены между третьим и четвертым рядами проволоки. Пространство за пределами лагеря, до самого леса, тоже было заминировано, правда, не так густо. А между вторым и третьим рядами проволоки ночами ходили патрули. Опушка леса по периметру лагеря была вырублена; получилась открытая полоса шириной около ста метров. Все это пространство было пристреляно из пулеметов, которые стояли на вышках. У тех, кто бежал днем, не было никаких шансов добраться до спасительного леса. А ночью охранникам приходили на помощь прожектора.

Беглецам надо было подумать и о том, что они будут делать, если уйдут за пределы лагеря. Куда идти? В деревню? Нет, надеяться на помощь местного населения не стоило – и польские, и украинские крестьяне, как правило, выдавали евреев немцам. Это была одна из причин, почему из немецких лагерей уничтожения, в которых содержались в основном евреи, за годы войны было так мало успешных побегов.

Людям, задумавшим уйти из лагеря уничтожения, нужно было составить такой план, который предусматривал бы путь до крупной лесной чащи, где можно было бы создать партизанскую базу. Или надо было добираться до какого-либо города – там польские патриоты из Армии Крайовой сотрудничали с евреями. Но не все, далеко не все. Некоторые из офицеров АК упорно отказывались хоть как-то помогать евреям, если даже те хотели сражаться с немцами. Так что правильнее было уходить на восток и пытаться добраться до Красной армии. Но она была еще далеко, очень далеко...

Нет, никаких подобных планов у двенадцати человек, бежавших в тот день из Собибора, не было. Их побег был просто актом отчаяния...

...Спустя час на плацу были выложены двенадцать трупов – все те, кто пытался совершить побег. Заместитель начальника лагеря Нойман вышел вперед и обратился к узникам:

– Убежать из нашего лагеря невозможно. Невозможно! Вас предупреждали об этом, господа евреи. Пусть каждый знает: беглецы неминуемо погибнут, а невинные поплатятся своей жизнью за их неповиновение. Так было и так будет всегда! Так что внимательно следите друг за другом и сообщайте своим еврейским капо обо всем подозрительном, господа евреи. А сейчас в наказание за попытку побега будет расстрелян каждый десятый из вас. Это обидно, но справедливо.

И тут же офицеры в сопровождении автоматчиков двинулись вдоль строя, выхватывая каждого десятого. Да, это были мастеровые люди, отличные специалисты. Но немцы не дорожили своими рабами. Они все еще были уверены, что смогут захватить новых рабов, что на их век хватит ювелиров, сапожников и портных...

Выбранных заключенных отводили в сторону и тут же расстреливали. Стреляли в затылок. Подкатила телега, в которую вместо лошадей были запряжены узники. Лошадей в лагере почти не держали – зачем, если есть заключенные? Убитых стали грузить на телегу.

В той шеренге, где рядом стояли ювелиры Аксель и Якоб, жертв выбирал комендант Первого лагеря Френцель. До самого конца шеренги доносился его счет:

– Первый, второй... восьмой, девятый... десятый!

И эсэсовцы выхватывали очередную жертву и волокли ее в сторону.

Якоб прижался к другу:

– Я с тобой, Аксель, ты везучий...

Аксель ничего не ответил – он следил за счетом. Вот комендант выдернул из строя очередную жертву – близко, совсем близко от них. Но недостаточно близко, чтобы не тревожиться, чтобы ты стал шестым или седьмым. Неужели?.. Сердце Акселя сжалось от страшного предчувствия...

– Шестой, седьмой, восьмой... – отсчитывал Френцель.

Перед девятым он остановился и, улыбаясь, погрозил ему пальцем. Этот девятый был человек в гимнастерке советского солдата, с суровым, волевым лицом.

– Тебе повезло! – сказал ему эсэсовец, повернулся к стоявшему рядом Акселю и провозгласил:

– Десятый!

Аксель мотал головой – он не мог, не мог поверить в случившееся! Неужели это все? Неужели судьба от него отвернулась? Его удивление было

так велико, так искренне, что Френцель рассмеялся. Все так же смеясь, он выдернул «счастливчика Акселя» из строя и стал считать дальше:

– Первый, второй, третий...

Якоб стоял, все еще не веря в случившееся. Он жив! Он жив, а его друг и компаньон Аксель – вон там, у стены! И вот уже слышен выстрел, и вот тело Акселя грузят на телегу... Как же так? Как это могло случиться?

Когда экзекуция была закончена, заключенных развели на работы. Человека в солдатской гимнастерке, стоявшего в строю перед Акселем и чудом избежавшего смерти, отвели в столярную мастерскую. Капо, руководивший работой мастерской, дал заключенному задание – делать сервант для господина коменданта лагеря, выдал инструменты. Однако, как только капо ушел, человек в гимнастерке отложил рубанок в сторону и подошел к одному из старожил лагеря. Он заметил этого человека еще раньше, на построении. Заметил, с каким уважением смотрели на него другие заключенные. И сделал вывод, что этот лагерный старожил – тот, кто ему нужен.

– Надо поговорить, – тихо сказал военнопленный по-русски. – Как тебя звать?

– Лео, – ответил старожил, внимательно глядя на новичка.

– А меня Александр. Александр Печерский. Давай отойдем вон туда, в угол, где нас никто не услышит.

– А о чем будем говорить?

– Там все скажу.

– Кажется, это будет интересный разговор. Тогда я приглашу друзей.

Лео сделал знак другим заключенным, и еще трое работников мастерской присоединились к нему. Александр удовлетворенно кивнул – на это он и надеялся.

Когда они отошли в угол и другие не могли их слышать, Печерский заговорил:

– Я хочу рассказать вам о себе. Скажу все, ничего не утаю. Откуда я, чем занимался, что успел пережить, как сюда попал. Для чего такой подробный рассказ? Думаю, вы поймете.

И Александр начал рассказывать...

Глава 5

Он родился в 1909 году в Полтавской губернии, в городе Кременчуг. Спустя шесть лет родители вместе с маленьким Сашей переехали в Ростов-на-Дону, столицу Войска Донского. А еще спустя два года началась революция. Надо ли говорить, что родители Саши Печерского, как и миллионы других евреев, встретили ее с одобрением и надеждой? Ведь старая Россия, Россия царей и дворян, ставила перед евреями множество преград. Молодым людям из еврейских семей трудно было получить хорошее образование, специальность, право жить в больших городах. Черта оседлости обрекала молодежь на прозябание в местечках, отделяла от большой жизни. Поэтому большинство евреев приветствовали Октябрьский переворот. Они охотно вступали в Красную армию, становились командирами, комиссарами. Не щадя своей жизни, они сражались с защитниками старой, имперской России – с теми, кто примкнул к генералам Краснову и Деникину.

В итоге власть большевиков устояла, пришла на Дон, на весь юг России. И вся дальнейшая жизнь Саши Печерского протекала уже в стране, получившей название СССР. И Саша целиком и полностью принял идею строительства социализма и включился в это строительство. Он закончил семилетнюю школу, а попутно и другую школу – музыкальную. Еще учась в школе, начал участвовать в самодеятельности. А после школы это стало его профессией – он руководил кружками в рабочих клубах. В свой срок отслужил в армии, закончил там командирские курсы. Женился, в 1934 году у него родилась дочь.

И вот началась война... В первый же день войны, 22 июня, Печерский, как младший командир, был призван в Красную армию. Участвовал в обороне Смоленска, отступал вместе с армией к Москве. В сентябре, уже на фронте, был аттестован как техник-интендант второго ранга, служил в штабе батальона, затем в штабе полка.

Служить в штабе – не то же самое, что воевать в пехоте. Штабные редко попадают в серьезные переделки. Но, видимо, судьба готовила Александру испытания более суровые, чем выпадали на долю обычного делопроизводителя. Испытания ему выпали не по должности, а по характеру. А характер, как вскоре выяснилось, позволял ему решать задачи более сложные, чем заниматься бумажками и подсчитывать солдатские кальсоны и шинели.

...В начале октября 1941 года немцы прорвали советскую оборону под Вязьмой. 596-й полк 19-й армии, в котором служил Печерский, с боями пробивался из окружения. Комиссар полка Михаил Тишков был тяжело ранен. Политрук четвертого дивизиона Федор Пушкин получил приказ вынести раненого командира из окружения. Он взял с собой восемь бойцов и офицеров, среди которых был и Печерский.

Несколько раз маленькая группа пыталась проложить себе дорогу огнем, но успеха не добились. Патроны кончились. Осколками мины были убиты комиссар Тишков и один из бойцов. Товарищи похоронили их, положив на могилы две солдатские каски.

Произошло еще несколько столкновений с врагом. Группа отстреливалась теми немногими патронами, что удавалось найти в окопах. И хотя бойцов мучил голод, эти найденные патроны казались им дорожке хлеба.

И вот, ослабевшие, расстрелявшие последние боеприпасы, они попали во вражескую засаду. Произошло самое страшное, о чем никому не хотелось и думать, – они попали в плен.

Но это было лишь первое испытание, которое судьба приготовила для Александра. Его ждало еще одно, более суровое. В плену он заболел сыпным тифом. Это был практически приговор – больных тифом немцы обычно убивали. Однако Александр сумел скрыть свою болезнь и каким-то чудом остался в живых. И вот, едва встав на ноги, лейтенант Печерский вместе с четырьмя другими пленными совершил побег. Свой первый побег...

Однако побег был плохо подготовлен, и беглецов поймали. Их отправили в штрафную команду в город Борисов, а оттуда в Минск.

Печерского привезли в Минск в конце лета 1942 года. И с первого дня он начал думать о новом побеге. Ведь за то время, пока они пробивались из окружения, Александр понял про себя одну вещь: его место совсем не в штабе. Он создан, чтобы воевать. И он может воевать хорошо! Пока они выходили из окружения, он как-то сам, без всяких наставников, понял, как организовать разведку, когда надо принять бой, а когда лучше отступить. За эти тяжелые недели он стал солдатом. И теперь хотел как можно скорее вырваться из лагеря и снова воевать, применять на деле то умение, которое приобрел за время боев в окружении.

Лагерь, в который привезли пленных, располагался в лесу. Охранялся он кое-как, так что бежать было можно. И Печерский решил, что в ближайшие дни пустится в бег. Однако случилось иначе...

На следующий день заключенных построили и произвели

медицинский осмотр. Александр не сразу понял, что искали нацисты, но потом стало ясно – они искали евреев. И нашли девятерых. В том числе Печерского...

Их сразу отделили от остальных военнопленных и повели в другую часть лагеря. Здесь все было гораздо страшнее. Сразу, как только привели, пленных начали бить. Избивал их здоровенный полицаи. Он погнал вновь прибывших к глубокому подвалу и велел спускаться. Спускаясь, Александр насчитал 24 ступеньки лестницы. Очень глубоко! А сверху, в качестве напутствия, доносились слова полицаи:

– Отсюда лишь одна дорога – на тот свет! Это прихожая преисподней. В настоящий ад вы попадете попозже. Другого пути из этого погреба нет!

После чего захлопнул крышку и запер ее.

В подвале царил кромешная тьма. Спустившись вниз, Александр нащупал головы, плечи, спины сидящих и лежащих там людей. Что это за люди, сколько их – понять было невозможно. Но было ясно, что людей много, подвал был забит до отказа. Кто-то из узников нашел доски и подстелил их под себя, остальные сидели и лежали на сырой земле. Слышалось тяжелое дыхание, кашель, стоны...

Печерский на ощупь пробрался к стене, отыскал пяточок и присел. И потекли часы, похожие один на другой; часы, которые было невозможно сосчитать. Тут быстро утрачивался счет дням.

Но вот сосед справа от Александра пошевелился и произнес:

– Что же дальше с нами будет?

– Ты разве не слышал, что сказал полицаи? – отозвался Печерский. – Это дорога в ад...

– Как тебя звать? – поинтересовался сосед.

Этот был хороший признак, этот его вопрос. Признак того, что человек не впал в окончательное оцепенение, что сохраняет интерес к окружающему.

– Саша, – ответил Печерский.

– Откуда ты?

– Из Ростова.

– А я из Донбасса, – сообщил сосед. – Зовут меня Борис Цыбульский.

– Ну, вот мы и познакомились, – заключил Печерский. – Где там твоя рука? Давай сюда.

Их руки встретились в рукопожатии. Рука у Бориса оказалась здоровенная и очень крепкая. Такими руками можно замки ломать!

Спустя некоторое время Борис сказал:

– Давай, Саша, спать, что ли. Разве от мыслей польза будет?

– Я уже пытался уснуть – не получается, – пожаловался Печерский.

– А ты представь, что летишь между облаками, – посоветовал Борис.

Печерский услышал, как новый знакомый перевернулся на другой бок и через минуту засопел во сне. «Крепкие у него нервы, однако!» – с уважением подумал Александр о своем соседе. Самому ему не спалось...

Раз в день открывалась крышка подвала. Полицаи спускали вниз котел с баландой и пайку хлеба – сто граммов на каждого. А наверх подавали отхожее ведро и еще... трупы. Каждый день умирали несколько человек. А полицаи сверху кричали:

– Долго еще ждать, пока вы все сдохнете? Вы нам уже надоели! Жаль, не дают приказа вас расстрелять. Может, хватит вам мучиться? Давайте, давите друг друга!

Александр услышал, как его сосед пробурчал:

– Этого вы не дождетесь, гады!

По этим диалогам с охранниками заключенные вели счет времени. Люк открыли – значит, еще один день прошел...

На второй день Печерский спросил соседа:

– Борис, ты как, спишь?

– Нет.

– Давай разговаривать. И вы, товарищи, присоединяйтесь, – обратился Александр к другим людям, невидимым в темноте. – Пусть каждый расскажет что-нибудь о себе. Историю какую-нибудь, байку. Можно и анекдоты травить.

Борис поддержал его:

– Ребята, вы чего носы повесили? Еще не вечер! А чем журиться, лучше языки почесать. А если кто завираться начнет, тоже не страшно – в темноте не видать...

– Вот, тоже придумал! – ворчливо отозвался кто-то. – На душе и так тошно, а тут еще и ты со своими разговорами. Вот сейчас откроется дверь – и всех нас к стенке...

– А ты, братишка, не думай об этом, – сказал Александр. – Возьми хоть меня, к примеру...

И он, не дожидаясь приглашения, начал рассказывать историю о том, как однажды чуть не утонул. И тут же еще два случая – как однажды чуть не сгорел во время пожара, а в другой раз выпал из окна третьего этажа.

– И, как видите, остался жив, – закончил Печерский свой рассказ.

Люди вокруг оживились. Последовали рассказы обо всяких необычайных случаях, затем последовали анекдоты.

Так прошло десять дней. На десятый день крышка подвала открылась

в неурочное время.

– Чего развалились? – послышался голос полица. – А ну, выходи! Быстрее, быстрее!

Тут же неподалеку стояли и немцы, заключенные слышали их понукания:

– Schnell, schnell!

Заключенные стали подниматься с пола. Многие были испуганы, другие, в том числе и Печерский, были рады этой перемене. Так надоело сидеть в земляной яме!

Некоторые заключенные так ослабели, что не могли подняться по крутой лестнице. Печерский помогал таким подниматься. То же самое делал и его сосед, Борис Цыбульский. Только теперь Александр смог его разглядеть. Борис был рослый, широкоплечий, с грубоватыми чертами лица. Из его рассказов Александр уже знал, что его новый товарищ работал возчиком, мясником, шахтером. Впрочем, его грубоватость была напускной, за ней скрывалась душевная теплота. Когда Александр лучше узнал Бориса, он понял, что он всегда готов прийти на помощь другим.

И вот они вышли из подвала! Свет дня ослепил их, грудь с наслаждением вдохнула свежий воздух. Неподалеку заключенные увидели грузовик, стоящих рядом двух немецких офицеров и десяток охранников.

– Значит, нас пока не расстреляют, – тихо сказал Печерский на ухо Борису. – Слышал, что полицаи говорили? Они отвезут нас в трудовой лагерь. Может, в пути удастся напасть на охрану и бежать?

– Нет, Саша, бежать нам пока нельзя, – здоровяк покачал головой. – Мы ослабели в этом подвале и далеко не убежим.

Да, он был прав. И Александр решил немного потерпеть.

Заключенные влезли в кузов и сели вдоль бортов. Вслед за ними влезли охранники. Поехали через центр Минска. По дороге Александр смог разглядеть, что стало с городом. Минск был разрушен. По развалинам бродили сгорбленные люди, что-то искали среди обломков.

Заключенных привезли в лагерь на улице Широкой. По дороге эсэсовцы расстреляли пять человек, которые стали отставать. В лагере первым делом вновь прибывшие должны были пройти регистрацию в канцелярии. Регистрацию вела молодая красивая женщина. Впереди Печерского стоял парень, который говорил с кавказским акцентом. Когда подошла его очередь, и надо было назвать имя, парень сказал:

– Александр Шубаев, из Дагестана.

– Кто вы по профессии? – спросила регистраторша.

– Я транспортный инженер, – отвечал парень.

Тогда женщина понизила голос, чтобы их не слышали немцы, и почти шепотом сказала:

– Лучше запишитесь разнорабочим.

Инженер молча кивнул. Печерский понял смысл этого диалога. Очевидно, немцам не нужны были инженеры и вообще специалисты, им нужна была простая рабочая сила. Людям с профессиями инженера, врача, учителя, а тем более дирижера или режиссера грозило быстрое уничтожение. И регистраторша, дав парню совет записаться разнорабочим, тем самым спасла ему жизнь.

Поэтому, когда подошла его очередь, Александр записался столяром – хотя до этого никогда в жизни не держал в руках рубанка...

...Печерский собирался рассказать еще многое, но тут один из евреев – друзей Лео – перебил его. И стал что-то говорить ему, сердито и зло. Александр не мог его понять – тот говорил на незнакомом ему языке. В разговор вступили и остальные двое – и их тоже он не понимал. При этом эти трое все сильнее возбуждались; они уже чуть ли не с кулаками лезли на Печерского. Но тут Лео поднял руку, и все трое сразу замолчали.

– Похоже, ты не знаешь идиш? – спросил Лео по-русски.

– Похоже, ты тут главный, вот что я знаю, – парировал Печерский.

– Зачем ты нам все это рассказываешь?

– Чтобы ты мог на меня рассчитывать, – объяснил Александр. – Да, я говорю вам вещи, которые никому не рассказывал. Но если мы с вами задумаем важное дело, мы должны друг другу доверять.

И тут один из друзей Лео, которого звали Шмуэль, обнаружил знание русского.

– Мы мирные люди, мастеровые, – заявил он. – Мы живы потому, что соблюдаем все правила лагеря. А ты – провокатор!

– А если мы на тебя донесем? – спросил еще один из троих, Янек.

Однако Печерский покачал головой:

– Не донесете. Я вам нужен.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Лео задержал его:

– Почему тебя не расстреляли в Минске? Братья думают, что ты не еврей...

Александр не знал, что ответить на первый вопрос. Почему не расстреляли? Ведь он пытался совершить побег – об этом он как раз собирался рассказать Лео и его друзьям. Решения нацистов подчас было трудно объяснить. Возможно, в тот момент, летом 1943-го, было решено, что нужно сохранять пленных как рабочую силу. Может, сработало какое-то другое соображение. Он не собирался оправдываться; он и так сказал им

слишком много! Разве должен был он рассказывать этим незнакомым людям все, что он пережил с октября 1941 года, с того дня, когда попал в плен? Вряд ли этот рассказ мог их в чем-то убедить. И тем более он не знал, как ответить на второе обвинение. Впрочем, одно доказательство его еврейского происхождения существовало. И его он мог предъявить в любой момент, раз уж им так хочется...

Александр расстегнул ширинку и вытащил это свое последнее доказательство:

– Смотрите, радуйтесь! Я такой же обрезанный, как и вы. Такой же еврей – но только не раб, как вы!

Трое евреев, уже начавших читать кадиш – поминальную молитву по погибшим утром товарищам – были шокированы. А Александр, не обращая больше на них внимания, быстро вышел из столярной мастерской.

Глава 6

Для специалистов в Собиборе действовал не такой строгий распорядок, как для тех, кто был предназначен к немедленному уничтожению. В частности, рабочие могли выйти из мастерских покурить. Этим и воспользовался Печерский. Выйдя из мастерской, он обогнул жилой барак и сел на досках в глухом углу, куда редко заглядывали надзиратели. Надо было обдумать случившееся. Итак, эти люди, которых он приметил за первый день, которые, как видно, составляли подпольную группу этого лагеря, ему не поверили. Даже не захотели выслушать весь его рассказ до конца! И что теперь делать? Можно ли организовать побег без их помощи? Причем это должен быть успешный побег, немцы не должны их поймать. У него уже был опыт неудачного побега, нельзя было его повторять.

Может, надо снова собрать группу Лео и рассказать им свою историю дальше? Или только одному Лео – кажется, он умнее и храбрее остальных. Ведь ему, Александру, есть что рассказать. Например, он кое-что знает о лагерных капо и других людях, которые помогают гитлеровцам. Далеко не все эти люди являются предателями. И это может сильно помочь при побеге. Ведь вот как было в Минском лагере...

Когда в 1941 году немцы организовали этот лагерь, им понадобился человек, умеющий вести документацию и печатать на машинке на немецком и на русском языках. Они стали искать такого человека. Об этом узнало минское подполье. И руководство подполья решило направить на работу в лагерь Софью Курляндскую. Это и была та молодая женщина, которую Печерский увидел в канцелярии. Через нее подпольщики узнавали обо всем, что происходило в лагере.

Софья Курляндская принимала активное участие в подготовке побегов. Осенью 1942 года по заданию подпольного комитета она обеспечила нужными документами и переправила к партизанам две группы заключенных. Они вошли в отряд имени Фрунзе, входивший в состав Барановичского партизанского соединения.

В декабре в лагере появился еще один человек из подполья, он занял должность капо. Звали его Блятман. И перед самым Новым годом он вместе с Софьей организовал бегство из лагеря коммуниста Голанда, который содержался в камере смертников. В лагерных списках появилась отметка о смерти Голанда, а сам он оказался среди партизан.

В дальнейшем Софья Курляндская и Блятман отработали эту методику. Люди, намеченные к побегу, вначале отправлялись в лагерную больницу. Там им ставили «смертельный» диагноз, а спустя короткое время врач выписывал свидетельство о смерти заключенного. После этого его тихо переправляли в лес.

Начальником минского лагеря был ээсовец Лёкке. У начальства этот нацист был на хорошем счету – ведь он руководил самой первой акцией по массовому уничтожению евреев в Белоруссии, состоявшейся 7 ноября 1941 года. А у Лёкке на хорошем счету был подручный из числа заключенных по фамилии Кагельман. И нацисту было невдомек, что Кагельман тоже является человеком подполья! Гитлеровцы настолько ему доверяли, что разрешали выезжать в близлежащие села для закупки продуктов.

Курляндская и Блятман решили воспользоваться этой возможностью. С помощью Кагельмана из лагеря было вывезено немало беглецов. Разумеется, такую смелую деятельность нельзя было долго держать в тайне. Поэтому вскоре Кагельман и сам ушел к партизанам. Он добрался до партизанской бригады имени Чкалова и спустя несколько месяцев героически погиб в бою с немцами.

С помощью 17-летней партизанской связной Тани Бойко (подпольная кличка Наташа) Софье удалось организовать бегство из лагеря Семена Ганзенко. Он стал командиром партизанского отряда имени Буденного, а потом бригады «25 лет Советской Белоруссии». Вот какие кадры ковались в минском лагере под носом у гитлеровцев! Может, надо было в первую очередь об этом рассказать старожилам Собибора – Лео и его товарищам? Но как можно называть имена подпольщиков людям, в которых ты не уверен? Это значит обречь Софью Курляндскую на верную гибель!

Так ничего и не решив, Печерский вернулся в мастерскую. Вскоре рабочий день закончился, и он направился в жилой барак. Здесь его ждали друзья – те, с кем он приехал в Собибор из Минска. Их было четверо. Все они были военнопленные, как и он сам, и все евреи; потому и попали в Собибор. Один – горский еврей Александр Шубаев – тот самый транспортный инженер, которому Софья посоветовала записаться разнорабочим. Александр дал себе прозвище Калимали, и многие его только так и называли. Его принимали за дикого горца, не подозревая, что перед ними – человек с высшим образованием. Второй – сосед Печерского по минскому подвалу, биндюжник Борис Цыбульский, добродушный могучий великан. Еще были Семен Розенфельд и Аркадий Вайспапир. И был еще Шлейме Лейтман – не военный, мирный человек, и не из СССР, а из Польши. Среди друзей Лейтман был самым опытным, и Печерский

всегда прислушивался к его советам.

Увидев ожидавших его друзей, Печерский сделал им знак, и все они по очереди вышли из барака. Оставался еще час до отбоя, и можно было собраться в укромном уголке и поговорить. Такой уголок они нашли за дровяным складом. Здесь лежала куча досок, на которых было удобно сидеть. Друзья уселись на доски, и Цыбульский тут же нетерпеливо спросил:

– Ну, как? Поговорил с местными заговорщиками? Ты угадал и они правда замышляют побег?

– У них тут, конечно, подполье, как я и говорил, – сообщил друзьям Печерский. – Но подпольщики они так себе. Поджилки у всех трясутся.

– Я же говорил! – откликнулся Лейтман. – Местечковые ни на что не годятся.

Сам он был не местечковый и не жил в еврейской среде с ее специфическими обычаями. Он был коммунист, рабочий из Варшавы и больше общался с поляками, чем с евреями.

– Труссы! – поддержал его Шубаев-Калимали. – Идут, как бараны на бойню.

– Слабаки! – откликнулся Цыбульский. – А мы уйдем без них! Вот так охрану свернем...

И он обхватил щуплого Лейтмана, показывая, как он свернет шею охране.

– Одной рукой шею сверну!

Однако Лейтман не разделял его энтузиазма. Освободился из объятий здоровяка, сердито буркнул:

– А тебя с вышки пулеметом!

Семен Розенфельд заметил:

– Даже если они согласятся с нами сотрудничать, они всегда будут думать только о том, как тебя использовать. Постараются с нашей помощью вырваться из лагеря, а потом бросят. Они тут все знают, могут найти убежище в любую минуту.

Его поддержал Аркадий Вайспапир:

– Да, товарищи они ненадежные. И это еще если согласятся.

Теперь все высказались и смотрели на Печерского в ожидании – что скажет он? Лейтман выразил общую мысль, когда спросил:

– Что ты решил, Саша?

Александр оглядел друзей, сказал:

– Да, мы силачи. Мы намного сильнее их. А без этих слабаков – нам никуда. Семен прав – мы тут всего два дня, а они здесь уже все знают – и в

лагере, и вокруг него. Так что это не они нас, а мы их используем.

Остальные молча кивнули. Они доверяли своему командиру. Главным фактором была их решимость – бежать во что бы то ни стало. Они не собирались ждать, когда эсэсовцы решат их судьбу и поведут в газовую камеру. И они, в отличие от своих более робких товарищей, не строили иллюзий, что, дескать, «хорошие специалисты немцам всегда пригодятся». Они уже поняли, что нацисты стремятся уничтожить всех евреев поголовно. Правда, им не была известна в деталях нацистская доктрина уничтожения «расово неполноценных» народов и групп населения. Они не знали, что их приравняли к цыганам или к безнадежно больным людям. Но одно они знали твердо – что рассчитывать могут только на себя.

И после обеда им, словно нарочно, напомнили, что их ждет. Прибыл новый состав откуда-то из Западной Европы. Снова играл оркестр, снова комендант торжественно встречал «гостей» на вокзале. А спустя полчаса толпу голых людей уже загоняли в «душевую». Печерский и его товарищи наблюдали за этой сценой из сада, куда их привели работать. Отсюда было хорошо видно, как прибывшие заходят в «душевую». Спустя несколько минут оттуда донеслись крики детей и взрослых. Но их заглушал гогот гусей, которых как раз в это время выгнали во двор.

– Нарочно гусей выгоняют, чтобы крики заглушить, – сообщил Лейтман. – Мне земляк сказал, он на кухне работает.

– Все продумали, дьяволы! – зло сказал Калимали. – Орднунг!

– Орднунг-то орднунг, а наблюдение сейчас ослаблено... – заметил Лейтман и выразительно посмотрел на Печерского – что он скажет?

А поскольку руководитель пока молчал, Цыбульский добавил:

– До леса здесь двести метров. Немцы заняты. Охрану у ограды уложим топорами...

– Саша, ты что, не хочешь? – наседал Лейтман. – Думаешь об остальных? А они о нас думают? Сложили ручки: «Вот ваша квитанция, пан...» Тьфу!

Цыбульский снова заговорил:

– Дело к зиме. Зимой следы на снегу остаются, и вообще зимой труднее в лесу. Надо сейчас!

И они снова в ожидании смотрели на своего командира. Тогда он наконец открыл рот и сказал:

– Если вы мне доверяете – ждите и молчите. Придет время – все скажу.

Печерский понимал нетерпение, владевшее товарищами. Но в то же время помнил, что произошло накануне с людьми, пытавшимися бежать из лагерного сада. Да, они могли бежать в любой момент – но что толку? Они

погибнут, не успев даже глотнуть желанной свободы. С таким же успехом можно кинуться на эсэсовцев в самом лагере. Может, кого-то из них и удастся убить. Но остаться в живых – точно не получится. Чтобы побег был успешным, к нему надо готовиться...

Глава 7

На следующий день на станцию пришел не комфортабельный пассажирский поезд, а товарный состав из северной Польши. Оттого и встречали его совсем по-другому. Не было ни оркестра, ни квитанций на сданные вещи. Когда открыли двери, капо и вахманы кнутами стали выгонять из вагонов грязных, обессиленных, измученных жаждой людей. Особо усердствовали толстый капо Берлинер и великан Отто. Но и офицеры-эсэсовцы не отставали. Вагнер и Нойман с пистолетами в руках ходили из вагона в вагон и добивали выстрелами тех, кто уже не мог встать. А один из офицеров, белокурый красавец Зигфрид Гринхаус, в элегантном мундире и зеркально начищенных сапогах, развлекался – наугад, не целясь, стрелял по толпе евреев. От него с ужасом шарахались.

Комендант Первого лагеря Френцель по обыкновению, шел вдоль строя приезжих, отбирая мастеровых. Перед ним выскочил бойкий энергичный Шимон:

– Я сапожник, господин офицер! Делаю модельную обувь. И починить могу...

– А я портной! – вторил ему Юзеф. – Спросите любого в Избице – он вам скажет, какой Юзеф портной!

И в доказательство он распахнул полу пиджака, демонстрируя набор инструментов – игл, ножниц.

– Самые лучшие шляпы, котелки, кепи! – рекламировал себя Ицхак.

– А я шорник, у меня все работы с кожей, – раздался голос Мойше.

Френцель кивал головой, делал знак мастеровым отойти в сторону. Эти люди пока избегали уничтожения. Они были нужны великому рейху.

Обершарфюрер сделал еще шаг, миновал какую-то девушку, которая стояла молча и ничем себя не рекламировала... и вдруг замер на месте. Обернулся. Теперь он оценил красоту девушки. Кажется, именно такую он видел в своих мечтах! Да, именно такую! И вот теперь этот идеал женской красоты явился ему в лагере уничтожения. Явился в образе еврейки. Какое издевательство для него, преданного идеалам национал-социализма!

– Кто ты? – спросил Френцель девушку.

Девушка не успела ответить – к коменданту подошел Зигфрид Гринхаус. Заметив, что комендант застыл, будто замороженный, он похлопал его по плечу, возвращая к реальности. И Френцель, чтобы не давать повода к насмешкам (установился на еврейку, надо же!), прошел

вместе с Гринхаусом дальше. Но, уходя, сделал знак девушке, чтобы она присоединилась к отобранным мастеровым.

А тут, в рядах мастеровых, происходило прощание. Те, кто был отобран комендантом, прощались со своими родственниками. Правда, прощались не навсегда, а на какое-то время. Никто не знал, что им уготовано. Пока что речь шла о том, чтобы провести порознь несколько дней.

Шляпник Ицхак расставался с сестрой, худощавый портной Юзеф – со своей полной женой и целым выводком детей. А ювелир Шломо, совсем еще мальчишка (ему недавно исполнилось пятнадцать) – с отцом и маленькой сестренкой Ривкой. Ривка повисла у брата на шее.

– Я с тобой! – заявила она. – Не пойду никуда, не пойду! Папа, ты иди один, а я останусь со Шломиком.

– Ривка, веди себя хорошо, – уговаривал ее брат. – А то папа рассердится. А я сделаю тебе красивые сережки и принесу завтра. Маленькие такие, с красными камушками.

Пожилой отец покачал головой:

– Ты ее избаловал, сынок. Ривка, брату нужно собираться. Мы расстаемся совсем ненадолго. Шломо доверили работу. Это очень важно!

Шломо в ответ обнял отца. И вдруг поцеловал ему руку, чего раньше никогда не делал.

– Ты с ума сошел? – удивился отец. – Ведь сказано было – прощаемся ненадолго. Будь уже взрослым!

Отец с Ривкой уже направились туда, где строилась колонна; вдруг Ривка повернулась и крикнула:

– Не с красными, а с синими! Хочу с синими камушками, с синими!

...Юный Тойви, выбранный в обслугу, прощался с матерью. Ему не терпелось начать взрослую жизнь, и он немного стеснялся того, что мать обращается с ним, как с маленьким. Вот, надумала гладить его по голове... Да еще заявила:

– Не чеши прыщик! Останется след. Я завтра смажу тебе его скипидаром.

Но вот наконец немцы выстроили основную массу приехавших в колонну, и она двинулась к воротам. Все шли послушно. Как вдруг движение замедлилось: это в середине колонны кто-то начал читать поминальную молитву – кадиш:

– Шмей рабо... викорев мешихей... веимру омейн...

Окружающие поддержали читавшего:

– Кадиш ятом! Помянем наших братьев! Веимру омейн!

Крики усиливались, к молитве присоединялись все новые евреи. Толпа остановилась... и вдруг повернула в обратную сторону. Люди побежали назад, к вагонам, словно там их ожидало спасение.

Немцы не стали никого поворачивать назад, к воротам лагеря – они начали стрелять. Люди падали со словами молитвы на устах. Тот еврей, кто первый начал читать кадиш, получил уже несколько пуль, но все еще был жив.

– Сразу видно: плохи у них дела на фронте! – прошептал он.

В этот момент офицер Вагнер выстрелил ему в голову, и человек упал. Мастерские, которых еще не успели отвести в бараки, с ужасом смотрели на эту бойню...

...В сумерках Лео подстерег Печерского за бараками.

– Иди за мной, – скомандовал.

Они зашли за барак. Лео еще раз оглянулся – вокруг никого не было. И тогда он заговорил – быстро, стремясь успеть сказать как можно больше:

– Да, ты прав: у нас есть своя группа. И мы стремимся бежать из лагеря. Уже сделали несколько попыток. Но все они оказались безуспешными. Первое, с чего мы начали, – это подкоп. Мы рыли тоннель из нашей столярной мастерской к лагерной ограде. Все делали вроде правильно: землю незаметно выносили и выбрасывали, стены тоннеля укрепляли, днем закрывали подкоп досками... Но капо все равно его заметили. Тогда мы решили бежать на поезде, но только один сумел уйти. Остальных, кого поймали, забили насмерть. Был среди нас голландец Йозеф Джейкобс – морской офицер, храбрый парень. Шла подготовка к массовому побегу, Йозеф ее возглавлял. Но капо Берлинер разнюхал и донес. Голландца пытали два дня, он никого не выдал. Но все равно немцы расстреляли 76 человек, и мои евреи совсем пали духом. А уж после сегодняшней бойни на вокзале...

И он с сожалением покачал головой.

– Поэтому теперь ты мне доверяешь? – спросил Печерский.

– Да, – ответил Лео. – Я с самого начала тебе доверял, но мои друзья – люди недоверчивые. Нам нужно объединить наши усилия. И нам нужен командир с военным опытом.

Но теперь настала очередь Печерского сомневаться.

– Я тебе не верю, – заявил он Лео. – Почему ты еще живой, если уже год в Собиборе?

Лео собрался отвечать, но тут неожиданно на них налетели пять фигур, едва различимых в темноте. Зло шипя что-то на идиш – похоже, какие-то угрозы и проклятия, – они принялись избивать Лео и Печерского.

Повалили обоих на землю, пнули несколько раз ногами. Затем, проговорив на прощание что-то злое, пятеро вновь скрылись в темноте.

Александр поднялся, помог встать более слабому Лео. Тот объяснил:

– Они говорили, что донесут на нас Берлинеру, если еще раз увидят вместе. Они не хотят нового побега. Боятся новых расстрелов.

Неожиданно он рассмеялся и обнял Печерского.

– Что ж, с боевым крещением тебя, командир!

...Игнорировать угрозу слишком осторожных лагерников было глупо. И с этого дня Лео и Печерский больше не встречались в свободное время.

На следующий день после «боевого крещения», как его назвал Лео, заключенных погнали на разгрузку кирпичей. Это была тяжелая работа. На нее согнали всех заключенных лагеря, и мужчин, и женщин. Надо было разгрузить целый состав с кирпичом, восемь больших платформ. Кирпич был нужен для строительства – немцы задумали построить в Собиборе цеха, в которых бы заключенные разбирали трофейное советское оружие, выбирали то, что могло еще пригодиться вермахту.

Каждый заключенный брал стопку кирпичей, шесть-восемь штук, и бегом относил их к складу, на расстояние в двести метров. И так же бегом возвращался обратно. За малейшую задержку капо тут же били заключенных кнутами. Каждую платформу обслуживало по 70 заключенных. Это было слишком много, возникала толкотня, люди наступали друг другу на ноги, некоторые падали. Но немцев это только забавляло. Они и не подумали как-то улучшить организацию труда, увести часть заключенных на другие работы. Пусть они толкаются, пусть им будет неудобно! Так даже лучше.

Били не только за задержку. Не поймаешь брошенный с платформы кирпич – снова удары кнутом. В воздухе только свист стоял от непрерывно «работающих» кнутов. Все вспотели, тяжело дышали. Некоторые, не в силах выдержать такого темпа, падали. Их пристреливали.

Спустя час все платформы были разгружены. Заключенных построили и повели на другие работы. Пустой состав отогнали в тупик, перрон подмели – ожидалось прибытие очередного состава откуда-то из Западной Европы...

После этого несколько дней подряд группу столяров, в которую был включен Печерский, выгоняли к сараям, на рубку дров. Дрова – здоровенные чурбаки – заранее пилила специальная группа пильщиков.

И здесь выяснилось, что не один только Лео обратил внимание на советского военнопленного с командирской выправкой. Были и другие заключенные, которые расценили Печерского как возможного руководителя

для борьбы с эсэсовцами. К Александру подошел незнакомый лагерник и без долгих разговоров заявил:

– Ты меня не знаешь, зато я знаю, кто ты. Ты – русский военный. Слушай: я и мои друзья решили сейчас бежать. Ты пойдешь с нами?

– Вы решили бежать? – удивился Печерский. – Как?

– Очень просто. Видишь, нас охраняют всего пять вахманов. Мы их перебьем и уйдем в лес.

Печерский встревожился. Подошедший лагерник не шутил. Он и правда собрался бежать прямо сейчас. Такой легкомысленный шаг, конечно, не принес бы ничего хорошего. А запланированному Печерским побегу большой группы заключенных мог сильно повредить.

– Послушай, ты плохо придумал, – начал он объяснять парню. – Гляди: охранники не стоят рядом. И они сегодня вооружены не кнутами, а автоматами. Если вы убьете одного, остальные тут же поднимут стрельбу. На звуки выстрелов прибегут эсэсовцы и всех нас убьют. И потом, чем вы перережете проволоку? Как пройдете минное поле? К побегу нужно заранее готовиться. Надо подумать о своих товарищах. Допустим, кому-то из вас удастся бежать. А что будет с теми, кто работают в бараках? Их построят, и расстреляют каждого десятого, а может, каждого пятого. Видишь – у тебя плохой план. А при хорошей подготовке можно сделать больше. Запретить тебе сейчас бежать я не могу и мешать не буду. Но и помогать не стану.

Видимо, слова Печерского произвели впечатление на парня. Он отошел к своим друзьям, что-то им объяснил. В этот день никто не пытался бежать.

На следующий день Лео и Печерского снова повели рубить дрова для кухни. Горячего парня и его друзей уже не было, а охранников стало вдвое больше. Возможно, накануне кто-то слышал обрывки из разговора Александра с человеком, задумавшим побег.

Громкий стук топоров заглушал звуки, и Лео с Печерским могли было разговаривать.

– Нам нужен новый Моисей, который выведет нас из рабства, – заявил Лео. – Это ты!

– Сколько квитанций ты выдал на вокзале прибывшим людям? – парировал Печерский. – Скольким ты обещал, что все будет хорошо?

Мимо шел капо Берлинер. Этот здоровяк был, как ни странно, евреем. Но при этом он обожал фюрера и был предан идеям нацизма. Берлинер служил нацистам не за страх, а за совесть. Он уже выдал десятки заключенных, которые, на его взгляд, вели себя подозрительно. Он никогда

не забывал прислушиваться и присматриваться к тому, что происходит вокруг. Вот и теперь он постарался услышать, о чем там Лео разговаривает с новичком в красноармейской гимнастерке. Однако, завидев его, Лео и Печерский сразу замолчали. И продолжили разговор, лишь когда Берлинер отошел подальше.

– Мы стараемся выжить, чтобы отомстить! – внушал товарищу Лео.

Однако Печерский покачал головой:

– Нет, вы стараетесь просто выжить. Выжить любой ценой. И в любой момент вы струсите и будете спасать себя.

– Людям это свойственно, Саша... – сказал Лео.

– Если быть евреем – значит дрожать и бояться, то да, я не еврей, – заключил Печерский. – Я солдат!

Тут он заметил, что снова надвинулась опасность, причем более грозная, чем капо Берлинер. К дровоколам незаметно подошел комендант Первого лагеря Френцель. Он помахивал плеткой и подгонял заключенных:

– Шнель! Шнель!

Сосед Печерского, высокий голландец, на мгновение отложил топор, чтобы протереть очки – и тут же над его головой свистнула плеть Френцеля, очки упали и разбились. Голландец схватил топор и начал вслепую, почти ничего не видя, колотить по чурбаку. Естественно, он не мог расколоть крепкое дерево, у него ничего не получалось. Тогда Френцель еще раз стегнул его плетью. Голландец застонал, но даже не оглянулся. А комендант, пьянея от наслаждения, от своей власти, продолжал наносить все новые удары.

Печерский, стоявший в пяти метрах от них, видел все происходящее. В какой-то момент, не в силах спокойно глядеть на это зрелище, он опустил топор. Френцель моментально это заметил и подозвал лейтенанта:

– Ком! Ком!

Печерский двинулся к эсэсовцу, не сводя с него глаз. А тот вдруг улыбнулся и произнес на ломаном русском языке:

– Русский солдат! Тебе не нравится, как я наказываю этого лентяя? Так вот, я даю тебе пять минут, чтобы ты расколол этот чурбак. – И он указал на особо суковатый, кряжистый пень. – Расколешь – дам пачку сигарет. Опоздаешь – получишь двадцать пять ударов плетью. Двадцать пять, понял?

Френцель снял с руки свои золотые часы и показал Печерскому.

– Фюнф минутен! – скомандовал он. – Алзо, ком! Начинай!

Печерский посмотрел на немца... Казалось, что сейчас он взмахнет топором и кинется на немца. Кинется, чтобы убить садиста на месте – или

быть убитым самому.

Но Печерский сдержался. Ведь он был не один – на него надеялись, его ждали его товарищи. Тогда он отвел глаза от врага и взглянул на пень. Сразу было видно, какой он прочный, как переплетены, сплетены в узел его волокна. И Печерский переместил всю свою ненависть к немцам на этот пень. Теперь он стал его врагом! Несколько секунд лейтенант разглядывал кусок дерева, намечая места, куда ударить. А потом с яростью обрушил на пень первый удар! Еще удар! Еще! Дерево закрипело – и треснуло, раскалываясь надвое. Однако лейтенант не остановился. Если это враг, то его нужно добить! И он бил, бил...

Тут его плеча коснулась чья-то рука в лайковой перчатке. Это был комендант. Печерский опустил топор, поднял голову. И увидел, что Френцель протягивает ему пачку сигарет.

– Четыре с половиной минуты, – сказал эсэсовец. – Получай.

Печерский протянул было руку, взглянул на сигареты... И сказал:

– Благодарю. Не курю.

Он отдернул руку, и пачка упала на траву. Немец мог счесть это оскорблением, мог избить Александра, а тот бы не сдержался... И тогда его поединок с пнем оказался бы напрасным. Лео кинулся вперед. Поднял пачку сигарет, услужливо протянул немцу. Тогда комендант сделал знак капо Берлинеру. Тот подскочил, подставил мешок, который держал в руках. Комендант достал из мешка полбуханки хлеба и кусок маргарина, протянул Печерскому:

– Русский солдат, бери!

И снова Александр покачал головой. Произнес, стараясь, чтобы в его голосе не было никакого вызова:

– Очень благодарен. Питания, которое я здесь получаю, мне вполне хватает.

Второй раз он отказывался! Нет, черт возьми, это все-таки был вызов! Усмешка сползла с лица эсэсовца. Он задумчиво взглянул на Печерского, спросил:

– Значит, не хочешь?

Что ответить? Согласиться, взять подачку он не мог.

– Благодарю, я сыт, – ответил Печерский.

Френцель сжал в ладони плетку. Теперь казалось, что он кинется на своего противника, начнет его избивать. Но вдруг вместо удара Френцель хлопнул Печерского по плечу:

– Ты молодец!

И ушел. Когда комендант скрылся за бараками, товарищи подбежали к

Печерскому, стали его упрекать:

– Чего не взял? Покурили бы, поели... Ты сам бы поел, и нам бы досталось...

Ничего не отвечая на упреки, Печерский опять взялся за топор. И вдруг получил хорошую затрещину! Он повернулся, возмущенный, готовый дать сдачи – и встретился глазами с Лео. Железным тоном руководитель подпольной организации сказал:

– Ты нарушил конспирацию! Он тебя запомнил. Смири гордыню!
Возразить Александру было нечего – Лео был прав.

Глава 8

Этим вечером Печерский и Лео договорились снова встретиться у барака. Оставалась, правда, угроза со стороны «слишком осторожных» евреев, которые грозили донести на двух друзей. Однако Лео заявил, что придумал способ, как обмануть своих трусливых соплеменников. А какой способ – не сказал.

Печерский сидел на бревне, курил – и тут увидел идущего к нему Лео. Но тот шел не один – с девушкой. Подойдя, сказал:

– Ее звать Люка. Ухаживай за ней, люби ее. Она будет твоей ширмой.

Это и был способ обмануть бдительных недругов, о котором он говорил.

– Красивая ширма, – заметил Печерский.

– При ней мы сможем спокойно обсуждать наши планы, – добавил Лео. – Она не понимает по-русски. Но надо делать вид, что ты за ней ухаживаешь. Ты умеешь галантно ухаживать? Поцелуй ей руку...

Печерский удивился такому предложению, но руку девушке поцеловал. Она с улыбкой посмотрела на него, спросила по-немецки:

– Как ваше имя?

– Александр, – отвечал Печерский. – Можно называть Саша. Извините, что плохо говорю по-немецки. В школе я не хотел его учить...

Люка пожала плечами:

– Сейчас все ненавидят этот язык... И не говорите мне «вы». Я такая же заключенная, как вы... Как ты. Скажи, Саша, ведь ты из России?

– Да. Хотя правильной говорить – из СССР.

– Ну да. Просто у нас все говорят – Россия, русские. Саша, расскажи мне, что делается на фронте. А я расскажу другим в женском бараке. У нас многие хотят знать, что происходит в мире. Но откуда мы можем получить эти сведения? Мы слушаем только немецкое радио. А там все время говорят о победах немцев...

– Какие там победы! – усмехнулся Печерский. – Уже год, как немцев бьют по всему фронту. Первое поражение они потерпели под Москвой; это было еще два года назад. К сожалению, я не мог праздновать эту нашу победу – как раз тогда я и попал в плен. Ну, а в начале этого года немцев разбили под Сталинградом, окружили огромную армию во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Они ушли с Волги, бежали с Северного Кавказа. А уже в этом году наши войска разбили их под Курском.

Советские дивизии вышли к Днепру, а в некоторых местах форсировали его. В тылу у немцев – в Белоруссии, на Украине, в Польше – действуют партизанские отряды. А в Варшавском гетто было восстание!

– Правда? – Люка не могла поверить в услышанное. – Настоящее восстание?

– Да, оно продолжалось целый месяц, с апреля до мая. Хотя у восставших было мало оружия, они храбро сражались. Правда, в конце концов немцы его подавили...

– Но скажи – если на Украине и в Польше много партизан, почему они не нападут на наш лагерь? Почему не освободят нас? Ведь здесь кругом леса, партизанам легко подобраться к лагерю...

– Не забывай, что немецкая армия еще сильна, – принялся объяснять Печерский. – У партизан свои задачи – бить фашистов, нападать на их коммуникации, собирать информацию для советского командования. Вывести тысячи заключенных из оккупированных районов партизаны не могут. Мы сами должны о себе позаботиться!

Но тут Лео прервал их диалог:

– Довольно! Ты и так сказал ей слишком много. Давай теперь мы с тобой побеседуем. В прошлый раз ты не закончил свой рассказ. Сделай это сейчас. Расскажи больше о себе, что ты видел, что узнал в плену. Слушаю тебя, Александр, говори. Только все-таки обними женщину.

Печерский послушно обнял Люку, но той не понравился этот жест, и она сбросила его руку.

– Прояви настойчивость! – посоветовал Лео. – Ведь кругом стукачи...

– Но это неуважение к женщине! – возмутился лейтенант.

Однако все-таки снова положил руку на плечи девушки. И на этот раз она не стала отказываться. Как раз в этот момент мимо проходили двое вахманов. И один вдруг подмигнул Печерскому: мол, давай, парень, будь настойчив, и она уступит!

– Говори, у нас мало времени, – повторил Лео.

И Печерский продолжил свой рассказ:

– Когда мы вышли из канцелярии, нас повели в баню. По дороге капо Блятман расспрашивал, где и как каждый попал в плен. После бани прошли в большой жилой барак. Во всю его длину тянулись четыре ряда нар. Блятман крикнул старшего одного из отсеков, показал на меня и сказал: «Этого положишь рядом с собой».

Распоряжение капо меня удивило. Зачем он приказал старшему положить меня рядом? Чтобы он за мной присматривал? Но я вроде ничем себя не выдал. Да и тон у него был добродушный...

Старший подвел меня к моему месту, дал немного соломы для подстилки, угостил куском хлеба и остатками баланды. Это тоже показалось мне подозрительным. Откуда такая забота?

С того дня мы каждый день ходили на разные работы: копали траншеи, кололи дрова, работали в мастерских, которые обслуживали лагерное начальство. Работали до позднего вечера. А вечером выстраивались в длинную очередь, чтобы получить свои двести граммов хлеба. Однако в очереди нельзя было расслабляться, чувствовать себя в безопасности. Был такой помощник начальника лагеря, русский, по фамилии Городецкий. Он всегда ходил с пистолетом. И если ряд заключенных был хоть немного неровный, он вставал в начале ряда и стрелял вдоль него. Пуля доставалась кому-то, кто высунулся из ряда...

Получив хлеб, заключенные расходились по своим местам. Тут, в бараке, завязывались разговоры. Меня, как новенького, стали спрашивать о боях под Москвой, о поражении гитлеровцев. И я с удовольствием рассказал.

Капо Блятман тут же узнал об этом рассказе. На другой день старший по отсеку передал мне распоряжение капо несколько дней не выходить на работу. «Утром возьмешь метлу и будешь подметать в бараке», – сказал он. Я был в недоумении. Отлучение от работы было мне не по душе. Я мечтал о побеге, но для этого надо было выходить из лагеря. И спустя несколько дней я обратился к старшему, чтобы тот позволил мне работать вместе со всеми. Вечером он сообщил, что Блятман позволил мне выйти на работу. «Будешь работать на строительстве дачи для эсэсовцев, – сказал он, внимательно глядя на меня. – Это за городом, возят туда на грузовике. Но выбрось из головы всякие мысли о побеге! На даче есть собаки, они сразу возьмут твой след. И вообще, Блятман, возможно, сам поговорит с тобой».

После этих слов я все понял. Я понял, что Блятман заодно с нами и что он отстранил меня от работы, чтобы я не наделал глупостей.

– Ты хочешь сказать, что этот капо был подпольщиком? – недоверчиво спросил Лео.

– Да, так и было! И я узнал это спустя несколько дней. У меня был откровенный разговор с Блятманом. Он признался в том, что он – участник подполья. Во время беседы предупредил меня: «О побеге пока не думай. Это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Такое дело нужно так подготовить, чтобы комар носа не подточил. Человек должен сперва перейти из списка живых в список умерших. Так что имей терпение. Придет и твой час».

Но я все-таки до конца не верил ему, поэтому сказал: «Герр Блятман, а

почему вы решили, что я вообще собираюсь бежать?» Он в ответ прищурился: «Какой я тебе «герр»! С чего взял, спрашиваешь? Да это за версту видно. И советую тебе быть осторожнее в разговорах. Это не значит, что нужно сторониться людей. Но собирать вокруг себя слушателей и произносить зажигательные речи нельзя. Нельзя, запомни это! Разные есть люди. Если чувствуешь, что человеку можно доверять, вызови его на откровенную беседу, а уж потом рискуй. Ведь ты отвечаешь не только за себя, но и за общее дело».

«Так вот какой ты человек!» – подумал я. И с того дня я фактически вступил в группу, руководителем которой был капо Блятман. У него я постигал науку подпольной работы, науку выдержки и терпения. У него учился, как готовить побег...

– Ты что, хочешь сказать, что и у нас в лагере есть подпольная группа, которой руководит кто-то из капо? – спросил Лео.

– Не знаю, – отвечал Печерский. – Я тут всего несколько дней, а уже год ты имел возможность приглядеться к каждому капо и вахману, узнать, что это за люди. Вот и скажи мне: нет ли среди них подпольщика?

Лео задумался, потом решительно покачал головой:

– Нет таких. Есть более жестокие, есть менее. Есть глупые, есть поумнее. Но таких, кто вели бы работу против немцев, нет. Я бы наверняка заметил.

– Значит, нам остается надеяться только на себя, – заключил Александр. – На свою наблюдательность и умение находить слабые места противника.

– И что, ты нашел такое место?

– Да, кое-что я высмотрел, – сказал Печерский. – Есть участок, свободный от мин. Он находится за хозблоком.

– А часовые? – спросил Лео.

– Мои ребята рассчитали: там пулеметы не достают, если не вставать в полный рост.

– Слава богу! – воскликнул Лео.

– Скажи, – спросил Печерский, – команда, что в саду работает – там есть твои люди?

– Да, там работает Рувим, – кивнул Лео. – Завтра он принесет садовые ножницы – столько, сколько нужно.

Печерский удовлетворенно кивнул и заключил:

– Завтра ночью перережем проволоку и побежим к лесу.

Он собирался еще что-то сказать, и тут заметил, что Люка положила голову ему на плечо и даже прикрыла глаза – будто спит. Со стороны они

правда выглядели влюбленной парочкой...

Глава 9

В тот день заключенные получили еще одно доказательство жестокости гитлеровцев – как будто этих доказательств было еще недостаточно. В мужских бараках за неделю заболели 18 человек. Они уже несколько дней не выходили на работу, и для выздоровления им требовалось еще несколько дней. Однако этого времени им не дали. Капо доложил коменданту Первого лагеря Френцелю о наличии больных, и тот приказал всех ликвидировать.

После обеда в барак явилась расстрельная команда – двенадцать охранников, вооруженных автоматами. Они начали пинками поднимать больных людей с нар и выгонять их наружу. Все понимали, куда их поведут, что ждет больных.

К одному из больных пришла навестить его жена. Она была хорошей портнихой и потому не была уничтожена вместе с остальными женщинами. Увидев, что ее мужа повели на уничтожение, она закричала:

– Убийцы! Я знаю, куда вы его ведете! И меня заберите с ним. Не хочу жить без него! Слышите, подлецы, – не хочу!

Ее желание выполнили – их увели вместе. Спустя короткое время со стороны крематория донеслись выстрелы...

...В сортировочном бараке разбирали вещи убитых за день евреев. Барак выглядел, словно какой-то склад или магазин: повсюду высились горы одежды, обуви, сумок, зонтиков. А на столах лежали драгоценности, часы и более мелкие вещи, вроде перчаток. В углу горела небольшая жаровня – на ней сжигали фотографии и документы; немцам они были не нужны.

В барак то и дело заходили эсэсовцы. Заходили по делу и без дела. Их тянуло сюда, будто магнитом. Многие из этих новых «властителей мира» в прошлом вели довольно бедную жизнь. Им были недоступны такие дорогие, красивые вещи, которые они видели здесь.

Вот и сейчас огромный, краснолицый обершарфюрер Вагнер рассматривал щегольские кожаные перчатки. Взял их со стола, натянул... Но было заметно, что перчатки не лезут на его огромные руки.

А вахман Отто, расставшись на минуту со своим бичом, надел на каждый палец по золотому кольцу. Он шевелил пальцами и любовался...

– Моя мама такие только на витрине видела, – сообщил Отто сослуживцу. – Мы к этой витрине и подойти боялись. А у жидов вон

сколько такого добра! Как говорится, с собой на тот свет не заберешь. Вот и не забрали...

– Уже не у жидов, – поправил его оберст Бекман. – Уже у великого рейха.

Он отобрал у Вагнера перчатки, надел их сам.

– Не порть вещь, Вагнер. Вот мне они как раз. На мои аристократические ручки...

– Опять мимо меня... – с сожалением произнес Вагнер.

Тут Бекман заметил на столе серебряный могоидовид – цепочку с шестиконечной звездой Давида. Подкрался к Вагнеру и надел тому цепочку на шею. И воскликнул:

– Да ты просто красавчик! Еврейский красавчик! «Пожалте, господин, в Третий лагерь, на дезинфекцию...»

Все немцы, находившиеся в бараке, рассмеялись этой шутке, найдя ее очень остроумной. Один только Вагнер не смеялся. Сорвал с себя цепочку со звездой, швырнул на стол. Зло сказал Бекману:

– У тебя аристократические ручки? Откуда? Ты же на стройке работал с моим братом?

...А Френцеля в эту минуту не интересовали ни перчатки, ни драгоценности, снятые с убитых евреев. Он пришел в этот барак, чтобы вновь увидеть девушку, встреченную на вокзале. Девушку своей мечты... Вот она, стоит возле огромной кучи одежды, сортирует ее согласно полученной от капо инструкции. Лицо ее серьезно, на нем не выражаются никакие чувства – не видно ни страха, ни раздражения, ни усталости. Такое бледное, такое прекрасное лицо...

Тут девушка почувствовала устремленный на нее взгляд, подняла глаза – и увидела коменданта. Френцель шагнул к ней, спросил:

– Как тебя зовут?

– Сельма, – ответила она.

Френцель подошел к ней вплотную. Взял ее ладонь в свою руку, легонько сжал.

– Сельма... Сельма... – повторял он услышанное. – Разве это еврейское имя?

– Я не знаю, – ответила девушка.

– Как оно переводится?

Сельма слегка помедлила с ответом, и Френцель начал стискивать ей пальцы. Сжимал все сильнее и сильнее – и делал это с серьезным лицом, словно был занят нужным делом. Сжал еще сильнее, и девушка вскрикнула от боли. А по лицу коменданта пробежала судорога удовольствия. Девушка

выдохнула:

– Тишина! Сельма означает тишина!

Карл Френцель отпустил ее руку, погладил ее как ни в чем не бывало.

Сказал:

– Работай хорошо, Сельма.

И вышел.

...А рядом, возле стола с драгоценностями, трудился ювелир Якоб. Работы для него как ювелира пока не было, и его послали в сортировочный барак отбирать золотые изделия. Якоб разбирал кучу вещей, складывая золото с драгоценными камнями отдельно, без камней отдельно, серебро и мельхиор в особые кучки. Он трудился без остановки и вдруг замер. Из груды вещей он выудил обручальное кольцо. Такое знакомое... Он повернул его, посмотрел внимательнее... Нет, сомнений быть не могло – это кольцо делал он сам. Это было кольцо его жены, кольцо Ханны. Но Ханна никогда не снимала кольцо в душе! Она и на ночь не всегда его снимала. Ей нравилось это колечко, сделанное руками мужа. И вот это кольцо лежит здесь, среди сотен чужих вещей. Но это значит... значит...

Внезапно Якоб осознал страшную реальность: кольцо лежит здесь, потому что Ханны больше нет. Ее убили – скорее всего, еще вчера, сразу после приезда. А все эти квитанции, и оркестр, и слова о душе были просто обманом. Ханна мертва... мертва...

Якоб замер, пораженный этой мыслью, потрясенный несчастьем. Вахман Отто, заметивший, что работник сидит без дела, шагнул к нему и обрушил на плечи Якоба удар кнута. Все в лагере боялись кнута Отто – от его ударов оставались шрамы, которые долго не заживали. Однако в эту минуту Якобу было все равно. Он не чувствовал боли, он был равнодушен к ударам вахмана. Его рука сжимала кольцо Ханны... Наконец, после какого-то удара, он осознал, что его бьют, и снова повернулся к разложенным на столе вещам. Снова принялся раскладывать их на отдельные кучки. Но теперь он делал это уже совершенно механически. Он мог бы и не выполнить приказания Отто, мог кинуться на вахмана, чтобы погибнуть от пули. Но оставалась еще маленькая надежда, что Ханна все-таки жива, что ее просто заставили снять кольцо. Надо будет вечером, после работы, сходить в женский барак и проверить. Да, проверить... Утвердившись на этой мысли, Якоб стал работать быстрее.

Между тем, пока вахман сосредоточил свое внимание на Якобе, другой заключенный, сидевший поодаль, незаметно взял со стола могоновид – ту самую звезду на цепочке, которую Бекман нацепил на другого эсэсовца, Вагнера. Отброшенная Вагнером в сторону, цепочка так и валялась на

столе. Теперь этот символ иудейской веры, побывавший в руках нацистов, был осквернен. Очистить его мог только огонь. И еврей повернулся к печке и все так же незаметно швырнул могоендовид в пылавшее в печке пламя...

Вечером Якоб, как и намечал, явился в женский барак. Барак был маленький – женщин в лагере было совсем немного. Они использовались в основном на обслуживающих работах. И долго они в бараке не задерживались – их уничтожали и набирали новых из очередного эшелона.

Якоб обошел весь барак, поговорил со всеми его обитательницами, и убедился, что ни Магды, ни Ханны здесь никогда не было. Да, они были убиты! Убиты в первый же день! Зачем же тогда ему оставаться в живых? Жизнь теряла для Якоба всякий смысл. И тем более невыносимо ему было смотреть на то подобие жизни, которое устроили себе заключенные. В гости к женщинам пришли мужчины, и кое-кто уже забрался на второй этаж нар и занимался там любовью. Капо этого не возбраняли – они тоже пользовались ласками живших в лагере женщин. Кстати, некоторые капо сидели тут же, ели принесенные с собой консервы, пили шнапс, угощали своих подружек. Слышались оживленные разговоры, взрывы хохота.

Две пары танцевали на пятачке между нарами – без музыки, но все-таки танцевали. Хаим, неловкий молодой парень, робко подошел к Сельме. Она ему так нравилась! И ему хотелось пригласить девушку.

Сельма заметила Хаима, заметила его робость – и сама пошла навстречу ему. Положила его руку себе на талию и двинулась в ритме фокстрота. Тут Хаим наконец смог заговорить.

– Меня зовут Хаим, – представился он. – А тебя?

– Сельма, – отвечала она.

Обитатели барака не заметили, как в него зашел Карл Френцель. Да в его приходе и не было ничего особенного, ничего пугающего – обитатели барака не делали ничего, что было запрещено лагерным распорядком.

Якоб тоже не заметил Френцеля, но по другой причине – ему было все равно. Горе подступило ему к горлу, его душили рыдания. Нужно было выкрикнуть, выплеснуть это горе, высказать свои обвинения этим людям! И он заговорил...

– Что вы творите, евреи?! – закричал он. Так закричал, что его крик заставил затихнуть весь барак; танцевавшие пары остановились.

– Вы достойны своей участи! – кричал Якоб. – Пепел ваших родных летит вам в лицо, а вы жрете! Будьте вы прокляты!

Он не ждал ответа; ему не нужен был ничей ответ. Но ему ответили. И это сделал не Френцель, не капо Берлинер – это сделал юный заключенный Шломо, такой же ювелир, как и Якоб.

– Неправда, моя сестренка жива! – выкрикнул он, подбежав к Якобу. – Я сделал ей сережки с синими камушками. И мой папочка жив! Мне обещали это немцы, а немцы держат свое слово!

И подросток Тойви решил поддержать Шломо.

– Зачем вы врете, дяденька? – спросил он. – Это просто смешно, что вы говорите! Ведь моя мама жива!

Якоб безумными глазами смотрел на этих мальчишек. Что он мог им сказать? Да он и не собирался с ними спорить! Тут он наконец заметил черный мундир Френцеля и развернулся к немцу.

– Где моя жена?! – крикнул он в лицо эсэсовцу. – Отдай мою жену!

И раскрыл перед самым лицом Френцеля ладонь, на которой лежало обручальное кольцо Ханны.

Комендант Первого лагеря не стал отвечать заключенному. Он не вступал в дискуссии с евреями. Ответ мог быть только один... Френцель достал пистолет и выстрелил прямо в лицо Якобу...

По приказу капо несколько заключенных вытащили тело Якоба, отнесли его в крематорий. Постепенно жизнь в женском бараке вернулась в привычное русло. И только Шломо не находил себе места. Слова, сказанные этим медлительным, неуклюжим ювелиром из Голландии, все вертелись в мозгу у парня. «Пепел ваших родных летит вам в лицо...» – кричал этот человек. И немец ничего ему не ответил, ничего не возразил. А это значит... это значит...

Страшная правда вошла в сознание Шломо. Он прав, этот человек, да, он прав! Его сестра Ривка мертва! Напрасно он старался, делал для нее сережки, подбирал камешки, какие она хотела! И отец тоже мертв! Он никогда больше не увидит своих родных!

Не в силах находиться в бараке, Шломо выбежал наружу. Крематорий снова работал, светилась в черном небе его труба, и с неба опять падал пепел. Черный пепел...

Глава 10

Следующий день был намечен Печерским и Лео для побега. Однако утром всех заключенных, входивших в строительный отряд (а там был сам Печерский и все его товарищи), построили, роздали им лопаты и под усиленной охраной повели куда-то за ограду лагеря.

– Куда это нас? – спросил Цыбульский у капо Бжецкого. – Вроде не за дровами – лес в другой стороне...

– Будете работать за хозблоком, – отвечал капо.

– За хозблоком? – встревожился Цыбульский.

Ведь именно там находился участок, свободный от мин! Там они наметили бежать из лагеря!

– И что там делать? – продолжал он допрашивать капо. – Там же нету леса...

Его услышал другой капо – гигант Берлинер.

– А чего ты так всполошился? – спросил. – Будем класть там мины.

Военнопленные переглянулись. Ничего себе подарок! Немцы словно подслушали их разговор накануне! Не успели они найти участок, свободный от мин, как его закроют. И что самое обидное – это будет сделано их же руками...

– Укрепление безопасности, – объяснил Берлинер. – Чтобы какие-нибудь несознательные элементы не думали о побеге.

– Мины? – с тоской спросил горец Калимали. – Зачем мины?

Но ему уже никто не отвечал. Заключенных привели на место, и капо начали расставлять заключенных согласно плану.

– Встать в шахматном порядке! – командовал Бжецкий. – Копать здесь, здесь и здесь. Ямы глубиной полтора метра, шириной полметра. Все поняли?

– Это что, мы сами будем минировать лагерь? – спросил Калимали.

Он только теперь осознал, что им предстоит делать. Но этот вопрос смахивал на открытое неповиновение, и Отто замахнулся на горца своим бичом. Тогда Печерский схватил лопату и со злостью воткнул ее в землю. Он сделал это с такой же злостью, с какой накануне колот огромный пень. Воткнул лопату в землю – и принялся копать.

Остальные последовали его примеру. Через минуту на всем участке, намеченном для минирования, слышался только стук лопат о камни, шорох выбрасываемой из ямок земли.

Лейтман, наклоняясь ближе к Печерскому, шепотом спросил:

– Саша, значит, сегодня ночью ничего? Сидим? А когда? Или получается, что никогда? Что скажешь, Саша? Что?

Остальные военнопленные прислушивались к их разговору. Они ждали, что скажет их руководитель.

Но Печерский молчал. Сейчас он ничего не мог сказать товарищам. Надо было придумать другой план побега. Но какой? Этого он не знал. Они вроде уже испробовали все варианты. А говорить просто так, произносить пустые слова утешения он не хотел.

Цыбульский подождал немного, понял, что руководитель пока ничего не скажет, и с горечью произнес:

– Вот оно, еврейское счастье! Сами себе дорогу отрезаем. У себя в Донбассе я бы с горя хлопнул стакан водки. Но я не в Донбассе...

– И я бы хлопнул в Херсоне, – отозвался Аркадий Вайспапир. – Но я не в Херсоне...

Калимали рассмеялся на эту шутку... и получил плетью по лицу от вахмана Отто – тот подошел неслышно. Горец с презрением взглянул на вахмана и только сплюнул кровавую слюну...

Ночь. В бараке строительной бригады все спали. Однако Печерскому не спалось. Он снова и снова обдумывал сложившееся положение. Последний участок ограды, где оставалась надежда прорваться, немцы сегодня укрепили. Причем укрепили руками самих заключенных. Подкоп люди Лео уже пытались делать, но его обнаружили. Теперь, как видно, вахманы и капо получили от немцев указание следить за тем, не готовят ли узники новый подкоп. За несколько дней, проведенных в лагере, Александр успел заметить, что надзиратели то и дело проходят по мастерским и баракам, заглядывают во все углы, смотрят под нарами. Ищут... Значит, этот вариант тоже отпадает. Тогда что же, что же?

Он искал и не находил выхода. И от этого его память, растревоженная его рассказом Лео, услужливо вернула его на несколько месяцев назад, в Минск...

...Спустя несколько дней после того памятного разговора Блятман вызвал его и сказал:

– Через пару дней перейдешь ночевать в столярную мастерскую. Это для того, чтобы тебя не видел Городецкий. Кто-то донес ему на тебя, что ты ведешь агитацию против немцев. Насколько возможно, старайся не попадаться на глаза помощнику коменданта. Может, позже он о тебе забудет... Если кто-то спросит, почему ты ночуешь в столярке, скажешь, что это я тебя перевел. Да, и вот еще что. В работе тебе будет помогать

Лейтман, польский коммунист. При Пилсудском он много лет отсидел в тюрьме. Он тоже ночует в мастерской. Когда ты понадобишься, я тебя разыщу.

Ночью Печерский снова и снова вспоминал этот разговор. Он был в восторге от того, как осторожно и в то же время смело и решительно Блятман ведет свою опасную работу.

Прошло несколько дней, но в столярную мастерскую Александра все не переводили. Он понимал, что у Блятмана есть важные причины, мешающие это сделать, и продолжал работать на даче эсэсовцев.

А работать приходилось в самых тяжелых условиях. Например, однажды весь день шел сильный дождь. Под дождем заключенные шли несколько километров до дачи, под дождем таскали тяжелые бревна и строили из них забор... Они промокли насквозь, однако немцы не давали даже минуты передышки. То и дело к заключенным подходил офицер, которого сопровождали две огромные овчарки. Казалось, немец только ждал повода, чтобы дать собакам команду и спустить их на заключенных. При виде этих собак Печерскому вспомнились предостережения старшего по бараку.

Через два дня Блятман перевел его в другую группу, которая работала в офицерском лазарете на улице Максима Горького. Здесь он и познакомился с Лейтманом. Тот подошел, представился и сказал:

– Давайте дружить! В столярке будем работать вместе. И питаться тоже вместе.

Пришлось Александру признаться, что в столярном деле он не разбирается. Лейтман махнул рукой:

– Это неважно, понемногу присмотритесь. А если войдет кто-то из немцев, начнете точить инструмент. Это вы умеете? Вот и прекрасно.

Они сразу подружились. Вслед за Лейтманом стали вспоминаться и другие друзья: Шубаев, Розенфельд, Эстрин... И вдруг из глубины памяти выплыли образы, которые он хотел забыть. Орлов, Каган... Люди, погибшие по его вине! Тот неудачный побег!

Эти образы были такие мучительные, что Александр застонал во сне, а затем из его горла вырвался крик. Проснулись его друзья – Цыбульский, Лейтман, Шубаев. Они трясли лейтенанта, пытались разбудить. Но он не просыпался и продолжал кричать. Он был во власти кошмара. Тогда Цыбульский своей огромной ладонью биндюжника закрыл лейтенанту рот и в то же время прошептал ему на ухо:

– Молчи, Саша! Молчи, а то услышит обер-ангел смерти Френцель!

Лейтман, следивший за этой сценой, заметил:

– Ну и лапа у тебя! Можешь и лошадь задушить...

– Я таки был когда-то возчиком, – отозвался Цыбульский. – И, кажется, единственным, кто обходился без кнута.

Под рукой биндюжника Печерский наконец перестал кричать и проснулся. Цыбульский тут же убрал руку, посмотрел на товарища с нежностью. Лейтман сочувственно спросил:

– Приснилось что-то? Опять Минск?

Лейтенант молчал. Желая как-то подбодрить, расшевелить его, Цыбульский сказал:

– Прошу, не тяни – только скажи, кто тебя напугал. И увидишь, как я их задушу.

А Лейтман заверил:

– Саша, если скажешь идти на мины – все пойдут на мины. Только скажи! Мы никуда без тебя. Скажи что-нибудь, не молчи! Ты что, руки опустил? Сдался? Не верю!

Однако Печерский так ничего и не сказал друзьям и снова закрыл глаза.

– Не хочет командир с нами разговаривать, – вздохнув, сказал Лейтман.

А Цыбульский с досадой выразился так:

– Взял бы и правда кого-нибудь придушил! Только кого?

И они оба снова заснули.

А Печерский не спал. Просто он не любил пустых разговоров и таких же пустых обещаний. По характеру он был молчалив, а война только усилила эту черту. Но если бы он захотел ответить друзьям, он бы сказал, что он, конечно же, не сдался и не сложил руки. С того самого момента, как их погнали минировать последний оставшийся свободным участок за хозблоком, с момента, когда сорвался подготовленный им план побега, он думал над новым планом. Один за другим перед его мысленным взором проходили все способы, которыми до них пользовались заключенные. Подкоп – пустой железнодорожный состав – какой-то не заметный с вышек участок ограды – выход в лес на заготовку дров... Что еще? Он просматривал эти способы один за другим – и отвергал.

Подготовка подкопа займет слишком много времени. И потом, сколько людей смогут уйти через земляной лаз? Ведь по нему можно идти только по одному. Кроме того, сооружение подкопа очень трудно скрыть. Куда девать землю? Как добиться того, чтобы никто не услышал, как они копают? Одна проблема за другой. Но самая большая проблема – время. Печерский ясно сознавал, что времени им отпущено совсем немного. Ведь

Собибор не обычный лагерь военнопленных; это лагерь уничтожения. Вся эта рабочая зона, Первый лагерь, которым заведует обершарфюрер Френцель – просто придаток к Третьей зоне, в которой происходит уничтожение вновь прибывших. И все они здесь временные – и сапожники, и столяры, и ювелиры. Сколько им отпущено? Этого даже Френцель не знает – только комендант всего Собибора.

Может, завтра они проснутся – а их барак уже окружен капо и эсэсовцами, и их всех поведут расстреливать.

Нет, думать так не хотелось. Печерский надеялся, что будут какие-то приметы, по которым можно будет догадаться, что нацисты задумали уничтожить всех постоянных обитателей лагеря и заменить их на других. Пока что он не видел таких примет. Сколько-то времени у них, наверно, было. Может, неделя, может, месяц. Но вряд ли больше.

Но тогда, может, бежать в пустом составе, который погонят назад, в Хелм? Или нет – не в пустом, а в составе с вещами. С теми самыми вещами, что сортируют заключенные. Спрятаться в грудях одежды...

Нет, это тоже не получится. Он уже наблюдал, как здесь готовят состав к отправке. Всю одежду тщательно проверяют. И в самом конце, уже перед отправкой, эсэсовцы еще раз проходят по вагонам, ведя на поводках собак. Собаки обязательно учуют людей, как бы они ни спрятались. И тогда – верная смерть.

Что еще? Какой-то участок ограды, который плохо видно с вышек? Да, есть такой участок, и там даже не было мин. Если бы они решились на побег прошлой ночью – ушли бы. Но теперь там все заминировано, ограда укреплена. Нет, там не пройдешь.

Что же делать? Ведь не будут они сидеть, как бараны, покорно ожидая своей участи? «Нет, не будем, – ответил он сам себе. – Товарищи мне не простят, если я не придумаю способа бегства. Да я сам себе не прощу. Способ должен быть, должен! Думай, Саша, ищи...» И с этой мыслью он наконец заснул...

Следующий день в смысле подготовки побега прошел впустую – Александр так ничего и не придумал. А вечером они с Люкой встретились на досках, за бараками, там же, где и в первый раз.

Присев на доски, девушка расправила платье, заглянула Александру в глаза, спросила:

– А где твой друг? Почему не с нами?

Отвечать правду, отвечать серьезно – значило рассказать девушке о плане побега, о том, что этот план рухнул; надо рассказать о своих сомнениях, мучительных размышлениях. Это было невозможно. Кто такая

эта Люка? Чужой человек. В сущности, он ее совсем не знал. Так, приятная девушка, которую привел Лео. Поэтому он сказал самую обычную вещь:

– Тут третий лишний.

Разговор у них шел по-немецки – ведь Люка не знала русского, а он не понимал идиш. Взаимное недоверие, общая подозрительность, свойственная всем людям в лагере, разделяли их. И язык оккупантов, язык врага, на котором они говорили, был не слишком надежным мостом через эту пропасть недоверия. Но другого моста у них не было. И Люка стала пользоваться этим. Выслушав Александра, она покачала головой, сказала:

– С каких это пор? Тебе больше нечего ему сказать?

Удивительная вещь! Ничего не зная о их с Лео отношениях, она сразу нащупала суть дела. Она была права. И Печерский не стал врать.

– Да, нечего, – ответил.

– И уже нет общих дел?

А вот это был уже совсем опасный вопрос. Лишний вопрос. Что можно было на него ответить? Ничего нельзя. И Печерский промолчал. Подумал: «Если она снова станет спрашивать про наши отношения с Лео, про то, какое у нас с ним дело, – надо будет закруглить разговор и уйти. И никогда больше с ней не встречаться. Потому что такие вопросы настойчиво может задавать только провокатор».

Однако Люка не стала спрашивать об их отношениях с Лео, о самом Лео. Она вообще больше ничего не спросила. Увидев, что Александр не собирается отвечать, она вздохнула, сказала:

– Не знаю, что у тебя в голове, но ты стал другой. Это плохо.

И это опять было правдой! Она вновь угадала! Да, за последние два дня, после минирования участка за хозблоком, он стал другой. Он больше не знал, что делать, он не готовился к побегу, он не руководил людьми. Из него словно вынули стержень. И, конечно, это было плохо. Куда уж хуже!

Он снова промолчал. Но теперь в его молчании уже не было подозрительности. Он ждал, что будет. И дождался: Люка повернулась к нему и стала нежно гладить его лицо. Это было так неожиданно! Так приятно! Он сам не заметил, как взял ее руку, прижал ее к губам... И тут вдруг тот нарыв, что копился в его душе, вдруг прорвался, и он заговорил – заговорил по-русски, не надеясь, что она поймет, но стремясь выговориться хоть кому-то:

– Они ждут от меня чудес! Лео называет меня новым Моисеем, который выведет их из рабства. Но я не Моисей! И я не верю в Бога и не умею творить чудеса. Тогда, в Минске, я рискнул, пошел напролом, понадеялся на счастливый случай. В результате погибли люди. Я больше не

могу этого допустить. Я больше не буду рисковать. Но ведь что-то нужно делать! Что? Что?

Люка молча слушала звуки чужой, непонятной речи, в которой даже знакомое ей имя «Моисей» звучало не так, как она привыкла. И вдруг рассмеялась. А затем прильнула к нему и поцеловала. Отодвинулась на миг, пытливо взглянула в глаза: так хорошо? так надо? – и снова прильнула к нему в долгом поцелуе. Потом вдруг отодвинулась, села рядом, как будто ничего и не было. Было заметно, что она смущена. Заговорила, волнуясь:

– Ты, наверно, заметил, что я целуюсь с открытыми глазами? Заметил, просто не спрашиваешь, почему. Да, я не могу закрыть глаза, и это ужасно. Не могу закрыть, и все! Как закрою – передо мной сразу толпы голых людей, идущих в печь. А я стою рядом, у забора, со своими кроликами, и не могу крикнуть им: «Стойте!» Не могу, боюсь. Потому что знаю – после этого меня убьют. Я ведь откармливаю кроликов для немцев, поэтому еще живу. Саша, я не могу закрыть глаза – как я буду целоваться? И ведь это на всю жизнь, это теперь всю жизнь со мной будет, понимаешь?!

Она не могла больше говорить, она плакала. И тут внезапно за бараки зашла стая гусей. Они искали что-то на земле, размахивали крыльями... И гоготали, гоготали, перекрывая все звуки. Они делали ту работу, для которой немцы их держали в лагере. Все живые существа здесь делали свою работу, продляя свое существование. И только немцы, «раса господ», не должны были оправдывать свое существование. Это они решали, кому здесь жить, а кому уже пора умирать.

В груди у Печерского горячим комом стала набухать давняя ненависть. И одновременно с ней вдруг появилась мысль – новый план побега. Простой и необыкновенно дерзкий. Дерзкий, несбыточный – но единственно возможный.

Печерский еще гладил руку девушки, но уже не смотрел на нее. Он думал. Тут все надо было хорошенько продумать, прежде чем предложить этот план товарищам. Ничего, он продумает. Во всяком случае, ему больше не нужно сторониться своих друзей, сторониться Лео. Ему есть, что им сказать...

Глава 11

Однако, вернувшись в барак, Александр не стал собирать друзей и излагать им свой новый план. Надо было все хорошенько обдумать, взвесить. Не в его характере было пороть горячку. Хватит, один раз напорол...

Когда объявили отбой и все забрались на нары, друзья вначале снова пристали к нему, требуя изложить новый план побега. Но, видя, что командир не отвечает, они отстали от него и уснули. А Печерский лежал и продумывал новую мысль, которая сегодня пришла ему в голову. Обдумать все, до последней детали...

А потом, когда он продумал, кажется, уже все, снова нахлынули воспоминания...

Жизнь в минском лагере никак нельзя было назвать спокойной. Хотя это не был лагерь уничтожения, однако люди здесь то и дело погибали. Немцы убивали их просто так, для развлечения. Например, однажды ночью эсэсовец Вакс, второй помощник Лёкке, гуляя со своей любовницей по лагерю, увидел заключенного, вышедшего из барака по нужде. Желая похвалиться перед женщиной своей меткостью, Вакс поднял автомат и короткой очередью убил человека.

Но это была одиночная смерть. А вот в случае побега немцы устраивали массовые казни. Известие об одной такой казни принес Цыбульский. Из группы, с которой он работал, бежали двое заключенных. И тогда немцы выстроили оставшихся в шеренгу (их было сорок человек), пересчитали – и каждого пятого расстреляли. Борис рассказывал:

– Понимаешь, Саша, я был четвертым. И у меня все время стоит перед глазами сосед справа – тот, который стал пятым. Их по одному подводили к яме, которую они сами выкопали, и стреляли им в затылок...

Борис долго не мог успокоиться после этой казни. И когда Блятман распорядился положить его в медицинский изолятор, Печерский не удивился. Позже Цыбульского перевели в другую команду.

Блятман и для других заключенных делал все, что мог. Когда у Семена Розенфельда воспалилась фронтальная рана, Блятман устроил его в изолятор, и доктор поставил Розенфельда на ноги.

Семену и Аркадию Вайспапиру иногда удавалось проносить в лагерь листовки, которые печатали минские подпольщики. Из одной такой листовки в феврале 1943 года заключенные узнали о разгроме гитлеровской

группировки под Сталинградом, о том, что Германия потеряла огромную армию, что взят в плен фельдмаршал Паулюс. По этому поводу в Германии был объявлен трехдневный траур; заключенным не выдали пайку хлеба. Гитлеровцы ходили хмурые, злые. А узники переговаривались: «Хорошо бы, чтобы нам чаще не выдавали хлеб по таким причинам».

В один из этих «траурных» дней обозленные немцы забили насмерть одного заключенного только за то, что он в окно махал рукой своей группе – звал ее на обед. Немцы заявили, что заключенный подавал какие-то тайные знаки, и начали пытаться несчастного. Его били до тех пор, пока он не умер...

А в начале июня у немцев снова случился траур, хотя и меньшего масштаба. В тот день Блятман приказал всем столярам бросить свои дела и заняться изготовлением гробов. Выяснилось, что минские партизаны ночью провели удачную операцию и убили одиннадцать эсэсовцев, и еще многие были ранены. Нужно было срочно сколотить гробы для убитых. И опять заключенные, выполняя задание, перешептывались: дескать, почаше бы нам доставалась такая работа...

Прошел еще месяц, и от Блятмана поступила долгожданная весть: группа заключенных, в которую входил и Печерский, должна готовиться к уходу в лес. Как только Софья Курляндская внесет их в списки умерших, появится возможность уйти. Они уйдут из лагеря якобы для заготовки дров – и больше не вернутся...

Надо ли говорить, с каким нетерпением Александр ждал этого дня? Скорее бы...

Однако свобода, поманив его своей сладостью, в последний момент ускользнула. Накануне дня, назначенного для побега, в лагерь вдруг приехали гестаповцы. Даже немцы боялись этих людей в черной форме. Они вошли к коменданту лагеря, и потом послали за Блятманом. А спустя несколько минут его вывели из комендатуры уже связанного и втокнули в машину.

Это был крах всех надежд! Блятман был руководителем лагерного подполья. Без него заключенные не могли ничего сделать. Правда, Софья осталась на свободе – как видно, Блятман ее не выдал. Но одна она не могла организовать побег.

Печерского охватило отчаяние. Сколько же можно оставаться в лагере? Сколько быть покорным рабом нацистов?

Отчаяние – плохой советчик. Но другого у него в тот момент не было. И отчаяние подсказало ему путь, который показался самым правильным и коротким.

Во дворе, где они работали, находился склад оружия. Как-то раз, воспользовавшись тем, что охраны поблизости не было, Александр залез на чердак соседнего строения. Оказалось, что оттуда можно легко проникнуть на чердак склада. Прямо под собой Александр видел ящики с винтовками, патронами...

Вернувшись, он рассказал о своем открытии товарищам – Кагану, Аркадию Вайспапиру, Орлову и нескольким другим. Они сразу оценили открытие, сделанное Печерским. Одно дело – прийти к партизанам с пустыми руками, и совсем другое – прийти вооруженными. Это уже не просто несчастные беглецы; это настоящая боевая единица!

Следующие несколько дней заключенные залезали на чердак, спускались в склад и таскали винтовки и патроны. Оружие они прятали в разрушенном доме. Александр тем временем договорился с шофером одной из машин о том, что тот вывезет их в лес, к партизанам. Правда, Александру этот водитель не понравился – какой-то он был слишком болтливый и на словах неумеренно храбрый. Такие люди обычно не бывают надежными. Но что делать? Другого водителя на примете не было. Этого другого надо было долго искать, а Александра гнало вперед нетерпение. Они с водителем даже дату побега согласовали...

На счастье для Печерского и Аркадия Вайспапира, в тот день их с утра направили работать на другой объект. Александр переживал – что, если товарищи решат бежать без него? Но все оказалось гораздо страшнее. На вечернем построении, где встречаются заключенные из разных групп, Печерский узнал страшную правду.

Неизвестно, то ли водитель их выдал, то ли гитлеровцы заметили пропажу винтовок. Во всяком случае, во двор, где работала их группа, приехал целый грузовик немцев. Они оцепили двор и приказали всем заключенным спуститься в находившийся здесь котлован. А потом натравили на людей собак. Стояли и смотрели, как звери рвут заключенных на части.

Насладившись этим зрелищем, гитлеровцы погнали тех, кто еще мог ходить, назад в лагерь. Здесь прошла основная экзекуция. Заключенным велели раздеться и столкнули их в яму с кипятком. Этой акцией руководил сам комендант лагеря Лёкке со своими помощниками Ваксом и Городецким. Заключенных доставали из ямы, обливали холодной водой – и снова бросали в кипяток. Так делали, пока все они не погибли.

Печерский и Вайспапир тоже должны были попасть в эту яму, однако они вернулись в лагерь со своего объекта, когда экзекуция уже закончилась. Было ясно, что жить им осталось одну ночь, что на следующий день немцы

доберутся и до них. Но случилось чудо.

На следующий день, 18 сентября, ранним утром всем евреям велели выйти из барачных помещений, забрав с собой все свои вещи. Велели выстроиться в очередь за получением хлебной пайки – трехсот граммов хлеба. Никто не знал, что происходит, что их ждет. Предчувствия были самые тревожные. Хотя двор был заполнен людьми, но стояла полная тишина. Дети в страхе жались к матерям. И хотя в то утро никого не поролы, не обливали кипятком, не травили собаками, люди испытывали тревогу.

Помощник коменданта Вакс, играя плеткой, обратился к узникам с такой речью:

– Вам повезло! Сейчас вас отведут на вокзал, и вы поедете в Германию. Фюрер дарует вам жизнь. Вы будете работать в Германии как квалифицированные специалисты и честным трудом оправдаете свое никчемное существование. Вместе с вами поедут ваши семьи, и вещи можете взять с собой.

Позже оказалось, что вся эта речь представляла собой циничную ложь. Она входила в общую систему лжи, которую создало руководство нацистов вокруг программы уничтожения всех евреев Европы.

Впрочем, кое-что было правдой. Женщин и детей действительно погрузили в машины и повезли на вокзал. Мужчин построили в колонну и погнали туда же пешком. Но уже когда колонна проходила мимо гетто, его жители, сами изголодавшиеся, стали бросать через колючую проволоку хлеб, картошку, морковь и кричать:

– Вас ведут на смерть! Вы слышите? На смерть!

И вот колонна пришла в поле. Там, в тупике, вдали от вокзала, на рельсах стояли 25 товарных вагонов. В каждый загоняли 70 человек – мужчин, женщин, детей. В вагонах не было ни нар, ни скамеек. Да и зачем они? Ведь было так тесно, что даже присесть было нельзя. Стояли, прижатые друг к другу.

Так они ехали четверо суток, не зная, куда. За все это время им не дали ни крошки хлеба, ни капли воды. И из вагонов не выпускали, нельзя было справить нужду.

Рядом с Печерским оказалась молодая женщина с трехлетней девочкой на руках. Эту девочку – золотоволосую, с синими глазами – Александр заметил еще в лагере в Минске. Они разговорились. Мать девочки рассказала, что она студентка Политехнического института, а ее муж – военный врач. Где он теперь, она не знает. Хочет верить, что он жив.

– Как тебя зовут? – обратился Александр к малышке.

– Этеле.

– Иди ко мне. Ведь маме трудно держать тебя на руках.

Девочка доверчиво протянула ручки, перешла к Печерскому. Склонила голову ему на шею и сразу же задремала. Мать Этеле, видимо, чувствовала себя неловко и то и дело порывалась взять ребенка обратно. Однако Александр видел, что она сама едва держится на ногах, и каждый раз качал головой и говорил:

– Нет, я не устал, подержу еще.

Была одна причина, почему он так охотно взял на руки Этеле. Два года назад он ушел из дома на фронт, оставив там единственную дочь, Эллочку. И когда он держал на руках этого ребенка, ему казалось, что это голова его дочери лежит у него на груди...

Но вот ребенок проснулся и стал беспокойно оглядываться.

– Я здесь, рядом, – успокоила ее мать.

– Мама, мне жарко! – пожаловалась девочка. – И я хочу домой...

Что можно было ей ответить? В вагоне и правда царила ужасная духота. Но сделать с этим было ничего нельзя. И домой Этеле не могла вернуться, можно было только попытаться отвлечь ребенка от печальной действительности. И Печерский спросил:

– А где твой дом?

– В гетто, – ответила девочка. – Там у нас нары и много-много тряпок...

Тут Печерский вспомнил, что у него в кармане осталась вареная картофелина. А еще есть фляга, которую удалось спрятать под рубахой. Он достал то и другое, дал ребенку. Она поела, попила и немного повеселела...

От Печерского Этеле перешла на руки к Лейтману, от него – к портному Борису Эстрину, затем к экономисту Лейбе Сроговичу, Александру Шубаеву, Борису Цыбульскому...

Так, передавая друг другу ребенка, они доехали до конечного пункта. На пятые сутки, к вечеру, эшелон прибыл на заброшенный полустанок. На станционной вывеске заключенные увидели надпись: «Собибор». Тогда они еще не знали, что она означает, не подозревали, что их здесь ждет.

С одной стороны от станции простирался лес, с другой находился лагерь, обнесенный трехметровым забором из колючей проволоки в три ряда. Эшелон перевели на запасной путь. И здесь заключенным в первый раз за все время дали воду. Но по-прежнему – никакой еды.

На следующее утро эшелон подали на территорию лагеря. Появилась группа немецких офицеров, человек десять. Во главе шел плотный немец. Как позднее узнал Печерский, это был комендант Первого лагеря Френцель. Заключенным приказали выйти из вагонов и построиться.

Френцель вперил в них свои маленькие глазки и скомандовал:

– Столяры и плотники, вперед! И бессемейные тоже!

Вышли человек восемьдесят, большей частью – военнопленные. Люди из гетто остались на месте. Среди них не было столяров, и большинство были обременены семьями... Отобранных повели в лагерные мастерские. Уходя, Печерский оглянулся, пытаясь отыскать глазами маленькую Этеле и ее мать. Но не увидел. И вскоре он узнал, что в тот же день Этеле и ее мать, как и все остальные женщины, прибывшие с их эшелонам, были уничтожены в газовой камере. А Печерский, Цыбульский и другие военнопленные остались жить только потому, что объявили себя столярами и плотниками.

Все это вспомнилось Александру в ту ночь, когда он в последний раз обдумывал новый план побега. Видимо, его сознанию требовались эти воспоминания – чтобы предохранить его от возможных ошибок. А еще – чтобы отточить его ненависть...

Глава 12

Следующий день прошел без каких-либо происшествий. В течение дня Печерский то и дело ловил на себе вопросительные взгляды друзей. Они хотели узнать, надумал ли их командир хоть что-то. Но он пока молчал.

Тем же вечером обе группы, готовившие побег – люди Лео и люди Печерского, – собрались в слесарной мастерской. Инициатором собрания был Лео. Он решил, что раз Печерский не предлагает нового плана, то надо обсудить ситуацию и придумать такой план вместе. Он изложил эту идею Печерскому, и тот не стал возражать. План у него уже был. Но он готов был выслушать и другие предложения. Вдруг кому-то придет в голову что-то вовсе небывалое? В любом случае новый план люди должны были принять сообща.

Шмуэль и Лео, лагерные старожилы, выставили на общий стол добытую где-то муку и сахар, и кузнец Рейман принялся печь оладьи. Пек он их на кузнечном тигле, да так ловко, словно всю жизнь этим занимался.

Юный ювелир Шломо с раздражением смотрел на людей, нагрянувших в мастерскую. За последние дни Шломо очень изменился. Мальчишка, до этого не знавший вкус вина, теперь он каждый день доставал где-то водку и все время ходил пьяный. Иначе он не мог: только так он мог загнать куда-то на задворки сознания мысль о том, что его сестра и отец погибли. После их смерти жить вообще-то не стоило, но он почему-то еще жил. Шломо никак не мог решить – сколько времени он должен длить свое никчемное существование. Он находился в состоянии тягостного недоумения. Другие люди его раздражали. Поэтому ему совсем не нравилось это собрание в мастерской.

– Сейчас капо Берлинер учует запах ваших оладий и придет сюда, – заявил он подпольщикам. – Тогда вам крышка! И хорошо бы, потому что от вас много шума.

– Ты опять пьян, – заметил на это Рейман.

Шломо усмехнулся:

– Завидуешь?

– Тебе пятнадцать, а ты достаешь водку каждый вечер...

Теперь усмешка Шломо больше походила на гримасу. Пятнадцать? Разве ему всего лишь пятнадцать лет? Разве он еще совсем недавно ходил в школу, думал об оценках? За это время он сильно повзрослел. Он прожил целую жизнь...

- Мне сто лет... – произнес он в пространство.
- Что бы сказал твой отец! – привычно начал Шмуэль.

Но Шломо резко оборвал его:

- Он больше ничего не скажет!

Тут Лео, понимавший состояние парня, решил покончить с ненужными упреками. Он спросил о другом:

- Шломо, ты отремонтировал патефон?

А Печерскому объяснил:

- У парня золотые руки. Немцам нравится, как он работает.

Шломо и правда отремонтировал патефон. Однако он ничего не ответил – ни на вопрос Лео, ни на его похвалу. Отошел в свой угол, к тиглю. А Лео и Шмуэль стали накрывать на верстак, как на стол. В самую середину «стола» Рейман торжественно водрузил тарелку с оладьями.

- Надо поговорить, что дальше делать, – заявил Лео.

Открыв таким образом обсуждение, он отправил в рот первую оладью. Однако никто из советских военнопленных не потянулся к тарелке, и никто не хотел высказываться на предложенную тему. Вместо этого Лейтман спросил:

- Откуда мука и сахар?

– Среди отобранных вещей попадают продукты, – объяснил Шмуэль. – Иногда нам удается немного припрятать.

Лео придвинул к русским тарелку с оладьями:

- Кушайте!

Однако Калимали решительно покачал головой:

- Мы не можем это есть!

Старожилы лагеря удивленно переглянулись, и Лео сказал:

– А из чего, думаете, готовят обед, который нам дают? Из этих же продуктов. Другие продукты они на нас не расходуют.

Ему была непонятна эта позиция. Выходит, пусть эти продукты, отобранные у евреев, достанутся немцам? Как уже достались им одежда, обувь, украшения, женские волосы, мужские золотые коронки? Почему нельзя взять эту еду себе? Лео, как и Шмуэль, был уверен, что погибшие евреи, прежние владельцы этой муки, этого сахара, были бы рады, узнав, что это добро поедают не убийцы, а их братья-евреи.

Однако Лейтман стоял на своем:

– Казенный обед – другое дело. Может, вы и правы, но мы к такому не привыкли. Поэтому нам неприятно.

Биндюжнику Цыбульскому, который в лагере всегда ходил голодный, было бы, пожалуй, не так неприятно съесть пару оладий. Однако он

посмотрел на Печерского, который мрачно сидел, не притрагиваясь к угощению, – и тоже отодвинул тарелку.

Шломо, который из своего угла следил за тем, что происходит за столом, внутренне был согласен с русскими. Ему уже который день вообще никакая еда в рот не лезла. Однако он не мог сейчас говорить серьезно, без гримас. И он произнес:

– А нам приятно! Правда, дядя Лео? Ведь мы тут в безопасности – мы на немцев работаем! Нам хорошо! Чистим им ботинки, моем сортиры, подтираем им задницы. И за это получаем свою порцию муки и сахара.

Хотя есть ему не хотелось, он шагнул к столу, с показной жадностью схватил оладью и отправил ее в рот.

– Ммм, вкусно! Как мы все тут хорошо устроились! Вкусный оладушек! Прямо сейчас в третьем лагере сожгли сто человек. А нам вкусно! Вкусно!

Лео охватила ярость. Но ему страшно не хотелось раздувать этот скандал. Поэтому он перешел на идиш, приказал Шломо:

– Прекрати шута ломать! Мы пригласили гостей, чтобы обсудить дальнейшие планы. Это очень важно! И перестань пить!

Он повернулся к Печерскому и его товарищам, снова перешел на русский:

– Нужно обсудить ситуацию. Александр все время молчит. Все стоит на месте...

Однако Шломо не собирался слушать его приказаний, соблюдать его запреты. После гибели отца для него больше не существовало авторитетов. Лео? А что Лео? Он такой же человек, как и все остальные. Шломо был готов поверить только тому, кто предложит путь борьбы. Но никто из собравшихся этого не предлагал. Поэтому парень прежним глумливым тоном заявил:

– Нехорошо при гостях секретничать! Лео, ты обещал научить меня читать кадиш по моему отцу...

Лео, едва сдерживая раздражение против парня, который отвлекал их от обсуждения побега, процедил:

– Приди ко мне хоть раз трезвым, Шломо!

Однако Шломо не был трезвым, и он не мог молчать.

– Вагнер дал мне вчера золотые зубы, – сообщил он. – Золотые зубы, дядя Лео, понимаешь? Прямо с кусками челюстей. Хочет, чтобы я сделал ему булавку для галстука. И ты хочешь, чтобы я был трезвым? Как я могу быть трезвым?

Это был уже не вопрос, а крик о помощи. Но на этот крик никто не

ответил. В мастерской наступило гнетущее молчание. Тогда Печерский встал, подошел к патефону, который чинил Шломо. Завел его, включил: диск вращался, патефон работал. Шломо таки починил его – у него и правда были золотые руки. Александр перебрал стопку пластинок, выбрал нужную. Поставил ее, и под крышей барака зазвучал голос Вадима Козина, певшего о верности и дружбе.

– Под эту музыку я танцевал в Ростове, – сообщил Печерский, не оборачиваясь.

Затем повернулся, оглядел товарищей, сказал:

– Мальчик, сделай Вагнеру булавку из зубов убитых...

Он сделал паузу. Все ждали продолжения – они чувствовали, что должно быть продолжение. И очень важное продолжение!

– Сделай ему булавку, Шломо, – повторил Печерский, – и воткни ее Вагнеру в горло!

Те, кто ел, перестали жевать. Наступила полная тишина. Все смотрели на Печерского – ждали, что еще он скажет. Они видели перед собой прежнего Печерского – собранного, полного энергии. Их командира, руководителя побега. Они ждали разъяснения. И оно последовало.

– Мы их всех убьем! – заявил лейтенант. – Это и есть мой план: убить их. Зарезать, задушить. Их чуть больше дюжины. Вахманы и капо не в счет. Нам нужно убить офицеров, мозг врага. Открыть себе путь. И всем сразу бежать. Все очень просто. Мы просто их убьем.

Люди начали осознавать это предложение. Послышались возгласы одобрения; на лицах собравшихся появились улыбки. Люди переглядывались, люди хотели поделиться наполнившей их надеждой. Лейтенант дал им надежду, он придал смысл их тоскливому лагерному существованию.

Горец Калимали выразил общее настроение. Он сказал:

– Ты вернулся, командир!

Печерский шагнул к столу, сел на прежнее место. Свернул самую большую оладью и засунул ее Калимали в рот.

– Ешь! – приказал он. – Нам нужны силы. Много сил!

Его товарищи еще раз переглянулись – все ли они правильно поняли – и все принялись есть.

И только Шломо не принял участия в общем пиршестве. Ему уже не хотелось ерничать, выплескивать на окружающих владевшее им отчаяние. В первый раз за эти два дня он снова стал ребенком; в первый раз дал волю слезам.

– Папа был строгим, – сказал он. – Мне хотелось, чтобы он баловал

меня, как Ривку, но он все время говорил: «Будь взрослым, Шломо». Папа, я стал взрослым. Но ты меня уже не похвалишь...

Он вытащил из кармана сережки с синими камушками, протянул их Печерскому.

– Возьми их! – сказал. – Когда сбежишь, тебе пригодятся. Поляки жадные, поменяешь их на хлеб.

– А ты, Шломо? – спросил Лео. – Разве ты не бежишь с нами?

– Я не выйду отсюда, покуда не убью их всех, – ответил парень.

– Ты будешь жить, сынок, – сказал Печерский.

Встал, подошел к другому верстаку. Выбрал лежавшую там железную полоску и начал точить. Летели искры, визжал металл. Козин перестал петь – пластинка кончилась. Но Аркадий встал, поставил иглу в начало, и Козин снова запел о верности и дружбе.

Лейтенант закончил точить и протянул Шломо полотно самодельного ножа.

– Вот, держи, – сказал он. – Осталось только ручку сделать. Сделай ему хорошую ручку, Шломо, удобную – чтобы нож хорошо лежал в руке. Мы убьем их всех! А ты будешь жить.

Шломо взял заточку, взглянул на нее. Потом перевел глаза на Печерского. Сказал:

– Теперь ты мой отец...

Глава 13

Казалось бы, это была простая мысль – чтобы совершить массовый побег, нужно поднять восстание и расправиться с лагерной охраной. Почему же этот очевидный способ сразу не пришел в голову лейтенанту Печерскому? И почему до этого раньше не додумался никто из заключенных? Потому что, несмотря на малое число эсэсовцев по сравнению с заключенными, они оставались гораздо сильнее. Они были вооружены, обучены, они привыкли воевать и убивать. И они были организованы, спаяны армейским порядком, дисциплиной. Это были солдаты армии, прошедшей с победой через всю Европу. А толпы заключенных говорили на разных языках; они были сильно разобщены.

Надо было учесть и тот факт, что многие евреи не призывались на военную службу, не брали в руки оружие. Трудно было представить себе еврея с оружием в руках. И даже когда еврейское население Польши, Белоруссии, Украины стали сгонять в гетто, большая часть еврейской верхушки не готова была призвать соотечественников к сопротивлению. Некоторые даже послушно сотрудничали с оккупантами, подчинялись им. Во всех гетто были организованы «юденраты» – руководящие органы, которые осуществляли самоуправление жизнью гетто, поддерживали порядок. И нередко эти юденраты были не вместе с рядовыми жителями против нацистов, а вместе с нацистами против массы еврейского населения. Трудно было обозначить предел, до которого готовы были дойти члены юденратов в своем сотрудничестве с нацистами. Например, глава юденрата Лодзинского гетто Хаим Румковский призывал обитателей гетто добровольно отдать для уничтожения своих детей – якобы этой ценой можно было спасти остальное население гетто. А еврейская полиция под руководством юденратов помогала немцам сгонять людей для отправки в лагерь смерти.

Печерский не мог отдать своим товарищам приказ готовиться к восстанию, потому что они не готовы были такой приказ выполнить. До 1943 года примеры, когда евреи оказывали сопротивление нацистам, были единичны. Перелом наступил лишь в январе 1943 года, когда начались выступления в Варшавском гетто.

18 января еврейские повстанцы сумели сорвать организованную немцами депортацию жителей гетто в лагерь смерти Трешлинка. После этого в гетто были созданы подпольные группы, которые начали готовиться

к вооруженной борьбе с немцами. Польские патриоты передали бойцам гетто несколько пулеметов и автоматов, десятки винтовок, сотни пистолетов. Инструкторы Армии Крайовой учили бойцов гетто изготавливать бутылки с зажигательной смесью, мины, гранаты.

19 апреля немцы решили полностью ликвидировать гетто в Варшаве. Но когда войска под командованием генерала СС Юргена Штропа попытались войти на территорию гетто, их встретил плотный огонь. Два дня немцы не могли продвинуться ни на шаг. Но затем превосходство в вооружении и военной выучке дало себя знать. Немцы стали захватывать квартал за кварталом, уничтожая его защитников. Затем они перешли к тактике подрыва и поджога домов.

И здесь проявилось двойственное отношение поляков к евреям и их сопротивлению. Польская интеллигенция в большинстве помогала бойцам гетто, офицеры Армии Крайовой показали им подземные ходы, по которым можно было уйти из гетто. При этом варшавские обыватели зачастую просто глазели на горящие дома, на людей, которые выбрасывались из окон, чтобы спастись от огня. А иногда специально указывали немцам, где евреи пытались перебраться через стену гетто и бежать.

Восстание продолжалось до 16 мая 1943 года. Но и после завершения войсковой операции по подавлению восстания то тут, то там евреи совершали нападения на немецкие патрули.

Несомненно, евреи, находившиеся в Собиборе, знали о Варшавском восстании. Но они знали и о потерях среди восставших. А они были огромны. В ходе подавления восстания было убито свыше 7 тысяч его участников, еще 5–6 тысяч сгорели заживо, когда немцы сжигали квартал за кварталом. В то же время потери среди оккупантов были довольно малы. Генерал Штроп в своем отчете указал, что его войска потеряли всего 16 человек убитыми и 93 ранеными. Правда, в этом отчете не было указано число убитых восставшими еврейских полицейских, которые были пособниками нацистов.

Вот почему заключенные из группы Лео так неохотно пошли на сотрудничество с Печерским и его товарищами. Лишь постепенно они пришли к мысли, что лучше погибнуть с оружием в руках, чем ждать гибели в «душевой».

...В тот день в Собибор прибыл очередной товарный эшелон. Группы заключенных выстроили на перроне – встречать прибывающих, выгружать вещи, вытаскивать умерших в пути. И вот состав остановился, охрана открыла двери вагонов... и по рядам выстроенных на перроне заключенных пронесся стон. Вагоны были полны мертвыми телами. Здесь

вообще не было живых! Только трупы!

Капо, орудуя бичами, накинулись на заключенных, заставляя их вытаскивать убитых из вагонов и грузить их на телеги. Началась разгрузка эшелона. Вот отъехала в сторону крематория первая телега, вторая...

Калимали вынес из вагона тело красивой женщины, уложил на телегу. Снова забрался в вагон, подхватил молодого парня... И вдруг «труп» у него в руках ожил. Парень открыл глаза и возбужденно заговорил. Однако горский еврей не мог понять ни слова: оживший покойник говорил на идиш.

– Annemen aundz, bruder! – восклицал парень.

Калимали беспомощно обернулся, заметил Лео, подозвал его. Лео поспешил к ним, и не зря – парень, как видно, был сильно истощен. Он говорил все тише, и стоять уже не мог – присел тут же, на перроне. Подбежавший Лео вслушивался в его тихое бормотание. А Калимали тем временем достал фляжку с водой, протянул выжившему. Тот взял фляжку...

И тут за спиной у Калимали прогремел выстрел. Горец обернулся. Стрелял унтершарфюрер Берг. Выстрел выбил фляжку из руки выжившего. Эсэсовец улыбался – он был доволен.

– Хороший выстрел, а? – спросил он у Калимали и Лео. – Что молчите? А этот?

Он поднял пистолет – и выстрелил прямо в голову выжившему. Тот свалился на перрон.

– А этот? – угрожающе спросил унтершарфюрер и направил пистолет в голову Калимали.

Тут на помощь советскому военнопленному пришел Лео.

– Прекрасный выстрел, господин унтершарфюрер! – поспешно заверил он. – Он просто не понимает по-немецки.

А сам по-русски скомандовал Калимали:

– Скажи ему про его чертов выстрел, если хочешь жить!

Горец кивнул и произнес:

– Я этот выстрел запомнил на всю жизнь.

– Что? Что он сказал? – Берг вопросительно смотрел на Лео. Пистолет он так и не опустил.

Лео перевел слова Калимали. И эсэсовец неожиданно рассмеялся – он принял слова пленного за комплимент. И, продолжая смеяться, отошел к другому вагону. А Калимали бережно уложил тело убитого парня на телегу. Взглянул на свои руки – на них была кровь. Кровь только что погибшего человека...

...Вечером в бараке состоялось совещание. Когда все собрались, Лео

начал рассказывать, что успел узнать у парня, прибывшего с «эшелоном смерти».

– Он сказал, что их поезд пришел из Белжеца, – рассказывал Лео. – Там тоже был лагерь уничтожения еврейского населения, такой же, как наш Собибор. Белжец ликвидировали за один день. По приказу немецкого командования.

– А к нам прислали трупы на утилизацию, – кивнул Цыбульский. – Все продумано.

– Орднунг! – согласился Лейтман.

Лео повернулся к Печерскому, который мог не знать здешней обстановки:

– Белжец – это лагерь, как наш Собибор. Он расположен еще восточнее, еще ближе к фронту.

Калимали не давал покоя один вопрос.

– Что он говорил перед смертью? – спросил он у Лео. – «Анемен, анемен» – что это значит?

Лео нехотя объяснил:

– Он сказал: «Отомстите за нас, братья...»

Калимали схватился за голову:

– Но как отомстить, как? У них пистолеты, у них власть... Как нам до них добраться? Саша, как мы будем их убивать?

– Остынь, Калимали, – сказал ему Лейтман. – Белжец уничтожили, потому что советские войска идут на запад, к нам. Может быть, сейчас главное – дождаться Красной армии, выжить?

И тут вдруг раздался голос, который они никак не рассчитывали услышать.

– Не получится выжить! – со смехом произнес голос, который они привыкли слышать на плацу.

Заключенные обернулись. Сзади них, с кнутом в руках, стоял капо Бжецкий... Он незаметно вошел в барак, и теперь стоял на виду, не прячась, и усмехался.

Калимали, горячий, как все горцы, вскочил и кинулся на капо.

– Шпион! – кричал он. – Сел нам на хвост! Выследил! Убью! Вот тебе! Саша, его надо убить!

И остальные, подчиняясь этому призыву, набросились на Бжецкого, стремясь скорее задушить капо и тем спасти свою жизнь, пока тот не донес на них. Однако Бжецкий повел себя неожиданно. Он не стал сопротивляться и не попытался убежать. Он щелкнул своим кнутом (и этим сдержал бросившихся к нему людей), а потом отбросил его в сторону. И

остался безоружным. После чего заговорил, обращаясь в первую очередь к Печерскому:

– Да, Белжец уничтожили. Наш лагерь – следующий. Может, он будет ликвидирован уже через неделю, 15 октября, может, чуть позже. Я своими ушами слышал, как немцы обсуждали приказ об уничтожении лагеря. Они убьют всех, в том числе и нас, капо. Тот человек в поезде, которого застрелил Берг, был капо в Белжеце. Так что нас убьют вместе с вами.

Заключенные, окружившие Бжецкого, готовые его задушить, остановились. Они смотрели на капо – и словно видели его в первый раз. Сейчас это был совсем другой человек! И на его лице отражалось сильнейшее волнение. Бжецкий снова заговорил:

– Вы думаете, я шкура? А я учитель! Учитель физики из Лодзи! У меня всю жизнь указка была в руках. А теперь я здесь, я... Но я не собираюсь оправдываться. Я собираюсь... собираюсь примкнуть к вам. Я вам нужен. С моей помощью вы сможете проникнуть в самые разные помещения. Туда, куда заключенных никогда не пускают. Сможете получить важную информацию. Лейтенант Печерский! 15 октября – конец всему. И всем...

Бжецкий договорил, и наступила тишина, все молчали. Печерский внимательно смотрел на капо. Неожиданно он спросил:

– А ты эсэсовца убить сможешь?

Такого вопроса Бжецкий не ожидал! Вот так, сразу... Он растерялся и ответил:

– Я не знаю...

Печерский кивнул. Вид у него был удовлетворенный, словно он ждал именно такого ответа. Он сказал:

– Зато я знаю!

Среди гробового молчания он поднял отброшенный Бжецким кнут и отдал его капо. Сказал:

– Знаю, что ты не провокатор. Провокатор ответил бы: «Да, конечно, смогу!»

Потом повернулся к своим товарищам, оглядел их и произнес:

– Время пошло! Скоро ты получишь приказ, Калимали.

А сам он подумал, что сегодня к ним пришла настоящая удача. Такой удачей был переход на их сторону капо Бжецкого. Он действительно мог оказать восставшим неоценимую помощь.

А еще Печерский подумал, что переход Бжецкого на их сторону – хороший знак. Он говорил о том, что конец нацистского режима близок. Даже люди, которые в свое время дрогнули и согласились служить

нацистам, теперь меняли свое решение.

И еще Александр вспомнил капо Блятмана. Конечно, Бжецкому было далеко до того человека из минского лагеря. Блятман пошел на сотрудничество с нацистами по приказу подполья, а Бжецкий – спасая свою шкуру. Но именно знакомство с Блятманом расширило кругозор Печерского, привело его к мысли, что и среди капо могут найтись его союзники.

Глава 14

С того дня, когда оберштурмфюрер Карл Френцель впервые увидел прибывшую в лагерь Сельму, его неудержимо влекло к этой девушке. Он искал ее взглядом на утреннем построении; он специально чаще, чем нужно, заходил в сортировочный барак, где она работала. Но еще верней девушку можно было увидеть в женском бараке. И этим утром Френцель направился туда. И, как выяснилось, правильно сделал...

В ту ночь Сельму сильно знобило. По лагерю ходила лихорадка; организм заключенных, ослабленный из-за плохого питания, не сопротивлялся инфекции. А нацисты и не думали их лечить – заболевших попросту убивали и отправляли в печь. Болезнь означала верную смерть.

Утром Сельма, как всегда, попробовала встать, но голова сильно кружилась, ее охватила слабость, и она снова упала на нары. И там, лежа, увидела, как в барак вошел капо Берлинер. Это был настоящий садист, убийца. Как и все капо, он был евреем. Однако Берлинер отличался тем, что был истово предан идеалам рейха и политике фюрера. То есть он, еврей, всецело поддерживал политику истребления евреев.

Обойдя барак, Берлинер обнаружил двух заболевших женщин, которые не могли идти на работу. Обнаружил – и тут же с удовольствием задушил обеих своим кнутом. Двинулся дальше – и тут увидел Сельму, лежавшую на нарах.

– Ты что, больна? – спросил он, якобы даже с сочувствием.

Сельма не успела ответить, как капо хлестнул ее плетью и заорал:

– Вставай, жидовка!

Девушка напрягла все свои силы; она знала, что последует, если она не встанет. Но подняться она не могла... Берлинер удовлетворенно ухмыльнулся. Накинул свой кнут на шею девушки и начал ее душить. Сейчас он прикончит еще и эту красотку...

Но тут перед лицом Берлинера вдруг возникла рука в лайковой перчатке, которая махнула ему: «Прекрати!»

Капо немедленно подчинился, обернулся и увидел коменданта Первого лагеря Френцеля.

– Опять в женском бараке, маньяк? – спросил эсэсовец.

– Служу великому рейху! – ответил капо, вытягиваясь по стойке «смирно».

Немец усмехнулся:

– Еврей не может служить рейху. Только умереть может, чтобы не отравлять все кругом.

Однако у коменданта не было такого оскорбления, которое могло бы задеть покоренную душу Берлинера, этого верного подручного нацистов. У него и на это замечание был готов ответ.

– Готов умереть за рейх и за фюрера в любую минуту! – отчеканил он.

Обершарфюрер сделал успокаивающий жест:

– Все, Берлинер, можешь стоять «вольно». Я уже понял: ты тот еврей, который любит фюрера сильнее, чем немцы.

Капо встал «вольно» и уже другим, деловым тоном доложил:

– Я сегодня отбраковал двоих. Эта третья. Тиф, не тиф, а работать не может. Стало быть...

Вывод был ясен – девушка должна умереть. Таково было правило, и даже комендант не должен был его нарушать. Иначе у его подчиненных могли возникнуть подозрения в том, что обершарфюрер почему-то сочувствует «жидовке». Конечно, комендант, который был господином жизни и смерти заключенных, мог иметь какие-то личные пристрастия и чудачества. И все равно возбуждать подобные подозрения, позволять одной из заключенных нарушать правила было нежелательно.

Поэтому Френцель, которого все так же тянуло глядеть на Сельму, не сказал: «Можешь сегодня лежать. Пойдешь на работу, когда выздоровеешь». Вместо этого он произнес:

– Ведь ты же здорова? Капо ошибся? Вставай!

Это было сказано так властно и в то же время так доброжелательно, с таким желанием помочь, что Сельма не могла не попробовать. Словно загипнотизированная взглядом Френцеля, она ухватилась за верхние нары – и, пошатываясь, поднялась. Обершарфюрер удовлетворенно кивнул, сказал ей:

– Иди на работу. – А капо тихо сказал: – Не сегодня...

Он не собирался тушить излишнее рвение этого странного еврея. И почему надо было считать его излишним? Фюрер поставил задачу: уничтожить все еврейское население Европы до последнего человека. А уж где и как будет происходить это уничтожение, в конце концов, неважно. Пусть капо Берлинер душит, режет, забивает насмерть столько заключенных, сколько хочет. Просто для этой конкретно девушки срок еще не пришел. Не сегодня...

...Кое-как, с трудом Сельма добралась до сортировочного барака. Встала к столу, принялась разбирать вещи убитых. Было заметно, что она с трудом держится на ногах, что ей нездоровится. И это сразу заметил Хаим,

который за другим столом сортировал поступившие накануне украшения. Он с тревогой следил за неуверенными движениями девушки, с которой танцевал, которую успел полюбить.

Тут над ним склонился начальник сортировочного барака эсэсовец Бекман.

– Ну что, нашел? – спросил он.

Хаим сразу понял, о чем говорит немец. Тот еще два дня назад приказал ювелиру отыскать ему среди поступивших вещей золотые запонки поизящней. Вообще лагерные эсэсовцы беззастенчиво запускали руки в награбленное у убитых добро. Хотя все эти вещи были объявлены собственностью «великого рейха», присвоение украшений, часов, браслетов не считалось воровством.

– Простите, господин шарфюрер, – почтительно ответил Хаим. – Запонки, какие вы хотите, я еще не видел.

Эти слова расстроили Бекмана и разбудили в нем еще одну жившую в нем страсть, такую же сильную, как жадность. Это была страсть к мучительству, садизм. Садизм был очень распространен среди лагерной охраны. Можно сказать, это было почти всеобщее свойство эсэсовцев, охранявших лагеря. Неограниченная власть пьянила их, будила самые низменные инстинкты.

– Плохо смотришь! Ленишься! – заявил Бекман.

Выговаривая Хаиму, он сознательно распалял себя.

– Ты очень ленивый! Думаешь, мне нравится тебя бить?

Честный ответ на этот вопрос был «да». Но Бекман не ждал ответа, ему не был нужен ответ.

– Снимай штаны! – приказал он.

Но у Хаима было припасено кое-что, чтобы задобрить палача. Он протянул Бекману бумажник, выбранный им из кучи вещей.

– Вот что было во вчерашнем поступлении, – сказал он. – Это вещи с парижского поезда.

Глаза у эсэсовца загорелись. Он обрадовался новой вещи, как ребенок.

– Ух ты! – воскликнул он, вертя в руках бумажник. – Вещь – как у банкира! Вагнер обоссется от зависти! Ведь у Вагнера такого нет?

Хаим покачал головой:

– Конечно, нет. Я такую вещь первый раз вижу. Смотрите, какая дорогая кожа! Дом «Шанель».

Бекман развернул бумажник, поднес к лицу.

– А как пахнет! Как, *лядь, пахнет! Ты слышал, чтобы кожа пахла, как цветы? Понюхай!

И он сунул бумажник в нос Хаиму. Он уже чувствовал себя хозяином новой вещи. И как хозяину, ему важно было с кем-то поделиться ее замечательными качествами. Даже такой ничтожный лагерный раб, как этот Хаим, годился – он должен был засвидетельствовать успех эсэсовца как обладателя этого замечательного бумажника.

Хаим понюхал и с важностью подтвердил:

– Пахнет прекрасно!

Бекман улыбнулся. Он был счастлив.

– Ну, за хорошую работу полагается поощрение, – заявил он. – Как ты считаешь? Открой рот.

Хаим не хотел бы ничего и никогда брать из рук этого негодяя. Но что было делать? Он открыл рот... и в следующую минуту отшатнулся. Бекман начал лить ему в рот спиртное из своей фляжки.

– Коньячок! – похвалился эсэсовец. – У нас сегодня все французское, не хухры-мухры.

Но Хаим уже закрыл рот, и драгоценный коньячок пролился на пол. Настроение у эсэсовца сразу изменилось.

– В чем дело, еврей? – спросил он тоном обиженного ребенка.

– Да, я еврей... я не могу... – пытался объяснить Хаим. – Не могу пить коньяк... не велит наша вера...

– А ты веришь? – спросил Бекман.

– Мы все верим, – отвечал Хаим. – Поэтому я не могу.

Глаза Бекмана снова загорелись знакомым блеском.

– Давно по жопе не получал? – вкрадчиво спросил он. – Сейчас будет двадцать пять ударов. Твоя норма! Я хотел сегодня обойтись без этого, но ты не можешь по-хорошему!

Хаим обреченно повиновался и снял штаны. Ему и в голову не пришло как-то сопротивляться. Когда он обнажил ягодицы, стало видно, что все они – в красных полосах от ударов плетью.

Бекман размахнулся – и снова начал стегать заключенного.

– Считаю удары! – приказал он. – Собьешься – начну сначала!

После какого-то по счету удара Хаим застонал от боли... и сбился со счета.

– Ну? Сам виноват! – заявил эсэсовец. – Я начинаю сначала.

И снова изо всей силы начал стегать заключенного.

Избиваемый, готовый потерять сознание Хаим вдруг встретился глазами с Сельмой. Своим взглядом девушка постаралась придать ему твердость. Она шевелила губами – помогала ему считать. И Хаим начал считать:

– ...Три, четыре, пять, шесть, семь...

Его голос окреп. Он считал, считал... И досчитал до конца экзекуции. Вот эта экзекуция стала первым их с Сельмой признанием в любви. Признанием – под плеткой эсэсовца...

Глава 15

Печерского в этот вечер также ожидало признание в любви – хотя он об этом еще не знал. У них с Люкой было назначено свидание на знакомом месте, на досках за последним баракком. Люка попросила Александра прийти как можно раньше.

– Постарайся поужинать побыстрее, – шепнула она ему утром, когда они встретились после построения. – Я знаю, ты быстро ешь, я видела. Вот, поешь побыстрее, и приходи. Тогда мы сможем дольше побыть вдвоем.

Александр ничего не ответил, только кивнул. Но сердце его забилось чаще. Он и не заметил, когда, в какой момент встречи с Люкой превратились из привычной части лагерной жизни во что-то совсем другое. Он понял, что девушка перестала быть для него «ширмой», некой частью конспиративного плана. Он ловил себя на мысли, что думает о ней, мечтает о следующей встрече. И даже – странно об этом говорить! – представляет, как могла бы выглядеть его будущая жизнь с этой девушкой. Где? Конечно, у него дома, в Ростове. И что с того, что у него на руках будет маленький ребенок, его Эллочка? Они с Люкой подружатся, обязательно подружатся! Поймав себя на таких мыслях, Печерский крутил головой, называл себя последним идиотом – и переключался на мысли о деле, то есть о подготовке побега. Но отказаться от мыслей о Люке все равно не мог. Поэтому он так обрадовался, когда она назвала час свидания. И весь день ждал его.

Вечером, едва их привели в столовую, он первый кинулся к раздаче, схватил хлебную пайку, сунул ее в карман. Баланду вообще брать не стал. Противно было даже думать об этом пойле, когда впереди его ждали полтора часа счастья. Видеть девушку, целовать ее – это будет все равно как вернуться в прежнюю, довоенную жизнь...

Стараясь сдерживать шаг, чтобы не привлекать к себе внимания, Печерский покинул столовую. Лейтман, а потом Цыбульский пытались его остановить, о чем-то спросить, но он только отмахнулся: «Потом!» Однако возле Бориса все же остановился, шепнул ему:

– Слушай, я вечером могу... немного задержаться. Если капо спросит, скажи, что вышел по нужде, сию минуту вернусь. В общем, извернись как-нибудь.

– Ты что, идешь делать разведку? – спросил Цыбульский. Глаза у него загорелись. – Может, возьмешь меня с собой?

– Нет, не в этот раз, – отвечал Александр.

Больше ничего объяснять не стал. Как он скажет товарищу, что идет вовсе не на разведку, а на встречу с девушкой? В конце концов, эта встреча для него была так же важна, как и подготовка к побегу...

Как Александр ни спешил, а все же Люка пришла раньше его. Еще издали он увидел ее синее платье – совсем не новое, потрепанное, но такое ему дорогое. Он подошел, сел рядом с ней, и они обнялись. Это тоже было впервые – чтобы они вот так, сразу, давали волю своим чувствам. До этого они начинали с разговоров, с обмена новостями, так что это было похоже на встречу друзей. Теперь их свидание не было похоже на встречу друзей...

– Я думал о тебе... – шепнул Александр на ухо девушке.

– И я думала! Я так долго думала о тебе, о нас! – отвечала Люка. – Я скучала о тебе! Все время старалась увидеть тебя из-за своей кроличьей загородки – может, ты выйдешь зачем-то из своей мастерской, пройдешь по двору. Но ни разу не увидела... Жаль... Жаль, что нам так и придется сидеть здесь...

– Как это? – не понял Печерский. – Ты не хочешь здесь сидеть? Ты хочешь, чтобы мы... разошлись? Расстались?

– Нет, ты меня совсем не понял! Наверное, я разучилась говорить по-немецки!

Оба рассмеялись. Да, это была смешная шутка. Ведь для Люки немецкий был родной. И вот она заявляет, что он лучше ее понимает немецкий!

Он не мог больше рассуждать. Обнял девушку, поцеловал раз, другой... Он не мог говорить. Совсем не мог! Да и не нужно было ничего говорить – все происходило помимо слов...

В минском лагере, да и здесь, в Собиборе, некоторые заключенные устраивали себе «любовь». Занавешивали одеялами нары и предавались страсти до отбоя. Немцы смотрели на это сквозь пальцы. Говорили: «Эти евреи совокупаются там, словно тараканы». А что оставалось делать, если мужчин и женщин тянуло друг к другу? Немцев тоже тянуло, и они не брезговали еврейками: то и дело брали какую-нибудь девушку, что привлекательней, на ночь к себе, в офицерские коттеджи. Да, им не нужно было прятаться, занавешивать проход одеялом. Особенно охотно водил девушек в свой коттедж садист Гринхаус. Не брезговали этим и Бекман, и Отто, и сам комендант Первого лагеря Френцель, да и другие эсэсовцы.

Однако Печерский, глядя на эту барачную любовь заключенных, не мог побороть в себе отвращения. И когда в его жизни появилась Люка, он сразу понял, что не сможет с ней вот так, на виду...

– Ты мой хороший, мой лучший! – шептала она, когда вновь обрела способность складывать и произносить слова. – Лучше тебя нет никого, никого!

– Скажи, а раньше... ты была замужем? – спросил он.

– Нет. Но у меня был жених. Его звали Пауль...

– Пауль? Совсем не еврейское имя.

– А он и не еврей, он немец. Я росла среди немцев. Отец ненавидел свое еврейство, отрекся от него. Он не ходил в синагогу, считал себя атеистом. Я немного знала идиш, но в семье у нас говорили по-немецки. И я, в общем, как и отец, считала себя немкой. Пока не настал 1938 год, «Хрустальная ночь»... К тому времени уже вступили в действие расовые законы...

– Так что, твой жених... он отказался от тебя?

– Да. Прекратил все отношения. Попросил вернуть ему кольцо, которое мне подарил.

– И он даже не сделал попытки тебя спасти? Помочь тебе бежать?

– Нет. Отказался сразу. Сделал вид, что мы даже никогда не были знакомы. Вот так. И это было хуже всего. Даже хуже, чем этот Собибор, крематорий, газовая камера. Хуже, чем кролики. Я думала... думала, что моя жизнь кончена. Что никакой радости больше не будет. Но в тот день, когда я увидела тебя – там, на досках... В тот день я поняла, что жизнь продолжается.

– Да, жизнь продолжается. И знаешь... Я тоже в эти дни думал о тебе.

– Вот как?

В неверном свете луны Печерский заметил, что девушка улыбается.

– И что же ты думал обо мне, интересно? Что я приставучая? Прицепилась к тебе, как... ты, наверно, не знаешь этого немецкого слова – это такое растение, колючее...

– Да, у нас тоже есть похожее выражение. Но я думал совсем другое. Думал, что мы с тобой могли бы жить после... после всего этого. После войны. Но только у нас, в СССР.

– Конечно, у вас! Я ни за что на свете не соглашусь снова жить в Германии. Но как мы можем жить вместе? Ведь ты женат...

– Разве я не говорил тебе? Моя жена погибла. Мне сообщили это еще на фронте. Завод, на котором она работала, эвакуировался. Но по дороге эшелон разбомбили. Не осталось в живых ни одного человека из этого эшелона. Меня одно беспокоит – что стало с Эллой. Когда я уезжал, ей было семь лет, а теперь ей уже девять. Как эта жизнь на нее подействует? У меня нет никого дороже дочери, и я твердо решил, что она будет жить со

мной.

– И ты хочешь, чтобы я тоже... чтобы я жила с тобой и твоей дочерью?

– Да, я думал об этом. А что, ты считаешь, что это невозможно?

Улыбка исчезла с лица Люки.

– Трудно сказать... – произнесла она. – Все это так неопределенно...

Давай не будем загадывать так далеко. Надо жить сегодняшним днем. Слушай, а ведь уже был отбой!

– Разве? – удивился Александр.

– Точно, был! Я слышала сирену. Правда, смутно – не до того было, но все же слышала.

– А я нет...

– Был отбой. Нам надо возвращаться в свои бараки. Идем.

Спустя несколько минут они покинули доски и направились в жилую зону. Судьба была милостива к ним: обогнув барак, они увидели часового, который только что прошел это место и теперь направлялся прочь. Подождали, пока он отойдет подальше, и перебежали за угол столярной мастерской. Здесь им нужно было расставаться: ему направо, ей прямо. Он обнял эти плечи, ставшие за этот вечер совсем родными.

– Когда? Завтра? – шепнула она.

– Не знаю, – отвечал он. – Есть кое-что, что может помешать. Многое может случиться. Я тебе скажу.

– Я буду ждать, – сказала она и растаяла в ночи.

Печерскому и дальше везло. Возле дверей барака никого не было, никто не видел, как он вошел – чуть ли не через час после отбоя, как скользнул на свое место. Когда он лег, услышал шепот Бориса.

– Ну, что, ты все разведал, что хотел? – спросил Цыбульский. – Все идет по плану?

– Да, я все разведал, – отвечал Печерский. – Все идет просто отлично. Даже лучше, чем я надеялся.

Глава 16

На следующий день после того, как Печерский объявил товарищам свой план восстания, Лео все время ходил, погруженный в раздумья. Всегда внимательный, следящий за действиями охранников, в этот день он не был похож сам на себя – работал медленно, с огрехами, и за это несколько раз получил плетью от вахмана.

Вечером, едва их привели после работы в барак, Лео отозвал Печерского в сторону. Было заметно, что ему хочется что-то сказать, поделиться сомнениями. За Александром увязался и юный Шломо – со вчерашнего дня он старался не отходить от лейтенанта.

Как только они отошли в сторону, и их не могли услышать посторонние, Лео выпалил:

– Твой план не годится! Он не сработает!

– Почему? – удивился Александр. Ведь вчера Лео ничего подобного не говорил...

– Мои евреи не смогут убивать! – объяснил Лео. – Они мирные люди. Они могут только терпеть!

Он собирался сказать что-то еще, но тут юный Шломо неожиданно перебил своего наставника:

– Неправда, они смогут! Они не будут больше терпеть! Не будут прощать! Ни немцам, ни полякам, никому. Мы это не забудем. Никогда! Нам нужна своя страна, своя родина, тогда мы станем сильными.

Стало понятно, что со вчерашнего дня Шломо успел о многом подумать. У него в голове постоянно шла мыслительная работа. И он больше не пил...

Александр внимательно посмотрел на парня, ответил так:

– Ты и прав, и неправ. Да, евреи больше не будут терпеть и прощать. И они не забудут, как их убивали. Но ты неправ, когда говоришь о родине. Мне не нужна еврейская родина, сынок. У меня уже есть родина. Я живу, чтобы вернуться туда. Я еще приеду в Москву, на парад победы. Мне еще дадут орден, а может, и звезду героя...

Однако Шломо скептически покачал головой:

– Не будет этого, Саша. Ведь ты еврей...

Александр взъерошил волосы на голове парня, сказал:

– Иди и делай ножи, Шломо. Сорок ножей, не меньше. А ты, Лео, скажи своим: нам нужны патроны. Пистолетные патроны. Пусть женщины

постараются их достать. Чем больше, тем лучше. Лишь бы только немцы нас не опередили...

Этот момент стал переломным. Больше никто не заводил разговоров о том, что «евреи мирный народ, они не могут убивать». Больше никто не выражал сомнения в успехе восстания. Все, кому Печерский поручил готовить оружие, упорно занимались этой работой. И с каждым днем, с каждым часом арсенал восставших пополнялся.

Начало положил Шломо – из заточки, что дал ему Печерский, парень сделал замечательно красивый нож – с резной рукоятью, удобно лежавший в руке. И тут же, не останавливаясь, поставил изготовление ножей на поток.

Самым сложным в этой работе было соблюдение секретности. Надо было исключить малейшую возможность того, что немцы или капо догадаются, чем занимаются в слесарной мастерской. Поэтому кто-то из заключенных постоянно дежурил у ворот мастерской, чтобы подать сигнал Шломо или другим слесарям.

Пока что все шло хорошо, и спустя два дня были готовы два десятка ножей и десятков топоров. Заключенные, участвовавшие в подготовке побега – Вайспапир, Юзеф, Шмуэль, Хаим – забирали «готовую продукцию» и уносили ее в жилые бараки, где тщательно прятали.

Придя в очередной раз, Аркадий Вайспапир спросил:

– Саша спрашивает, когда будет готово все?

Шломо подумал и ответил:

– Скажи командиру – все будет завтра к утру.

После него в мастерскую вошел Хаим. Взял приготовленный для него нож, с опаской провел пальцем по острому лезвию. Он никогда не держал в руках оружие! Как он будет убивать человека, даже если это будет эсэсовец? Хаим не представлял, как он сможет это сделать... Впрочем, долго раздумывать было некогда, пора было возвращаться на работу. И Хаим тщательно спрятал под одеждой полученный нож и вернулся в сортировочный барак.

Здесь он встретил вопросительный взгляд Сельмы. Этим взглядом она спрашивала его: получил? Хаим едва заметно кивнул в ответ. И они оба вернулись к работе. Но тут Сельма заметила, что начальник сортировки сержант Бекман задремал, развалившись на стуле. Снятый им китель свалился на пол. Сельма подошла, заботливо подняла китель, отряхнула его от пыли... и словно бы невзначай опустила руку в карман. Как она и надеялась, там лежало несколько патронов. Девушка достала их, и уже собиралась спрятать в стоявший на полке ящик – в нем уже лежали два

десяток патронов, добытых ей за последние два дня.

...И тут дверь барака открылась, и вошел обершарфюрер Френцель. Куда девать патроны? Сельма быстро сунула их себе за пазуху – размер ее груди позволял это сделать. Сунула – и со страхом обернулась на Френцеля.

Эсэсовец по-своему истолковал ее страх. Ну да, ведь вчера утром эта девушка едва смогла встать. Она боится, что ее задушат, как задушили двух других больных девушек. Комендант решил успокоить ее. Он кивнул на лежавшее на разборочном столе дорогое кольцо и произнес:

– Не бойся! Ты хорошо работаешь. Хочешь, я подарю тебе это кольцо?

Взял украшение со стола и протянул девушке:

– На, возьми!

Но она с ужасом качала головой:

– Нет! Нет!

– Брезгуешь? – усмехнулся Френцель. – А если он подарит? – И кивнул на Хаима. Приказал: – Надень ей кольцо.

Хаим был перепуган до смерти. Он не мог не выполнить приказ коменданта! И он надел на Сельму это проклятое кольцо, снятое с кого-то из убитых.

Френцель задумчиво посмотрел на похорошевшую Сельму, сказал:

– Смотри, какая она красивая, правда? Ну, целуй ее, пока живой. Это ведь ты Хаим Битая Жопа, верно? Ну же, не бойся! Вы же все там по баракам совокупляетесь, как тараканы. А ты, Битая Жопа, чего робеешь? Целуй, я сказал! Где страсть?

Хаим выполнил и это приказание обершарфюрера. Он делал то, о чем так мечтал все последние дни, – он целовал Сельму. Он делал лучшее, что мог представить в жизни – и при этом чувствовал себя просто отвратительно! Ужасно! И со страхом думал о том, что чувствует Сельма. Она должна его возненавидеть! Возненавидеть за его покорность, трусость! За то, что он позволяет это делать с ними!

Френцель с мечтательным выражением наблюдал за целующейся парой. Даже облизнулся от удовольствия. Потом скомандовал:

– Больше страсти! Больше!

И Хаим, и Сельма чуть не плакали от унижения. А эсэсовец подскочил к Хаиму и стал щупать его пах.

– О, еврей! – воскликнул он. – Ты хочешь ее! Давай, не стесняйся меня! Я свой!

Заставить их совокупляться! Заставить быть мужем и женой! Пережить с ними это наслаждение! Глаза обершарфюрера горели от возбуждения.

Однако Хаим не торопился исполнять это новое приказание. Нет, он не мог, не мог этого сделать! Лучше умереть! Он ничего не говорил, не протестовал, но стал как каменный. Не мог рукой пошевелить – какая уж там страсть.

Френцель еще минуту смотрел на них. На его лице появилось выражение, какое бывает у обиженного ребенка. Комендант не мог скрыть своего разочарования. Он сморщился и направился к выходу. Хаим вздохнул с облегчением. Все? Неужели все кончилось?

Однако Френцель вдруг остановился, потом повернул назад. Подошел вплотную к ним. На его лице уже не было улыбки. Он заговорил:

– Ты, парень, – как я. Даже похож немножко. А она – как она. Как Берта, моя невеста. Она была еврейка. Понимаешь, Хаим Битая Жопа? Я любил еврейку. Она была моей первой женщиной. Я любил ее больше жизни. И она меня любила. Мы хотели пожениться. Но отец запретил мне. И правильно сделал! Совершенно правильно сделал! Потому что я нарушил бы закон крови! Смешал арийскую кровь с черной кровью неполноценной расы. Берта уехала от меня в Америку. А я теперь убиваю евреев. И люблю это дело. Это моя страсть! Почему у меня такая страсть? Что, у меня уже пистолет вместо члена? А кто в этом виноват? Не ты ли, еврейка?

Он вынул из кобуры пистолет, приставил его ко лбу Сельмы. Стал водить стволом пистолета по ее лицу, губам... Его рука дрожала все сильнее.

– Смотри мне в глаза! – потребовал комендант. – В глаза! Ну? Как тебе мой член?

Хаим запустил руку за пазуху. Ладонь нащупала рукоять ножа. Сейчас, сейчас... Но как он это сделает? Как это вообще делают?

И тут неожиданно проснулся сержант Бекман. Увидел сцену с пистолетом и воскликнул:

– Давай, Карл! В чем дело? Давай, стреляй! Вали жидовку! Чего ты медлишь?

Однако Френцель не собирался стрелять. Он глубоко вздохнул, выпуская охватившее его возбуждение. Сказал осуждающе:

– Не вовремя ты! Все мне испортил, осел...

И вышел из барака.

Глава 17

Карл Френцель не соврал Хаиму и Сельме. В той, прошлой жизни, жизни до войны он действительно любил девушку по имени Берта. И она была еврейкой. Все это было правдой. Но кое в чем обершарфюрер покривил душой. Отец вовсе не запрещал ему жениться на этой девушке, отец не ломал его судьбу. Все это сделал он сам, сам Карл... Только он не хотел в этом признаться...

Когда юный Карл Френцель познакомился с молоденькой и хорошенькой Бертой Зюдвиц, его совершенно не интересовало ее происхождение. Он вовсе не думал о том, что его избранница – еврейка. Тем более что в их городе, Кельне, антисемитизм не был развит. Жители Рейнской области с давних времен отличались веротерпимостью.

Тем более это относилось к семье известного архитектора, владельца строительной фирмы Макса Френцеля – отца Карла. Макс был человек того типа, про которых американцы говорят «сделал себя сам». Совсем молодым юношей, на заре века, он приехал в Кельн, принял участие в конкурсе на постройку большого католического монастыря – и выиграл этот конкурс. Получил выгодный подряд, потом еще, еще... С тех пор семья Френцелей только богатела. Семья жила в особняке, который спроектировал сам Макс. Дом стоял на Мариенгофштрассе, в самом центре города. Карл, его младший брат Юрген, сестра Магда – все они росли в довольстве, окруженные родительской любовью. Макс Френцель не был строгим, деспотичным отцом. Наоборот, он был человеком мягким и покладистым. Он любил принимать гостей, любил музыку и веселье. И в их доме часто звучала музыка, в нем было весело.

Старший Френцель не был сторонником нацистов. Наоборот, он их ненавидел. А вот Карл проникся нацистской заразой. Мысли о превосходстве арийской расы изменили все его жизненные планы. В школе он увлекся изучением обычаев других народов, с интересом читал книги о великих путешественниках, открывателях затерянных миров. К студенческим годам он, казалось, определился с выбором жизненного пути: он станет этнографом, великим путешественником, ученым. Но на площадях, при свете факелов, говорили совсем о другом! Там говорили об особом пути Германии, о величии немецкого народа. А увлекательнее всех об этом говорил сам фюрер. А еще он говорил о том, что Германии нужны солдаты. Много солдат! Они будут покорять соседние страны, они покажут

всему миру мощь немецкого оружия. А этнография? Кому она нужна?

И Карл Френцель отказался от своей мечты. Он полностью сменил все приоритеты. Он вступил в нацистскую партию, а когда стали создаваться войска СС – пошел добровольцем в эти войска.

И тогда во весь рост стал вопрос о его невесте. Карл вдруг осознал, что его избранница не отличается чистотой крови. Ее родители – евреи! Как он мог этого не заметить? И как он может связать свою судьбу с человеком низшей расы?

Вот какие вопросы задавал себе Карл. Это были мучительные, неразрешимые вопросы. Но еще мучительнее все становилось, когда он видел Берту. Она еще не знала о перемене, которая произошла в душе ее возлюбленного, она видела перед собой прежнего Карла – умного, интересного юношу, будущего ученого. И соответственно к нему относилась. А он... Каждый раз, идя на встречу с ней, он готовил целую речь. В этой речи были слова об арийской расе, ее миссии, о фюрере, о новом жизненном пути Карла... И, естественно, о том, что им надо расстаться. Но каждый раз, стоило Френцелю увидеть лицо любимой, и все эти правильные слова застревали у него во рту. И другие слова тоже застревали. Он на время словно делался немым. Берта начала тревожиться.

– Что с тобой? – спрашивала она, стараясь заглянуть ему в глаза. – Может, у тебя что-то с горлом? Может, тебе стоит показаться врачу? Моего папу лечит отличный врач, ларинголог, доктор Блюмкин. Он хороший специалист и друг нашей семьи. Давай я позвоню, и запишу тебя к нему на прием.

Карл только молча мотал головой. Еще чего не хватало! Чтобы он лечился у врача-еврея! Это стало бы полным предательством его идеалов! И он как-то отнекивался, прощался и уходил, чтобы снова наедине с собой готовить новую речь о неизбежном разрыве.

Неизвестно, сколько времени все это тянулось бы, но в Кельне прошел съезд молодежного крыла НСДАП. И Карлу его руководство поручило выступить на этом съезде. Это была большая честь, и Френцель очень ответственно отнесся к этому поручению. Он подготовил выступление о задачах молодых нацистов. В частности, он говорил о том, как они должны бороться с еврейским засильем в разных сферах жизни – в медицине, газетном деле, культуре.

И так случилось, что Берта услышала эту речь. По радио. От начала и до конца. Она слышала слова диктора, когда он назвал выступающего, и она узнала голос Карла. Никаких сомнений быть не могло – это говорил он, ее любимый. Но то, что он говорил, было невозможно, чудовищно!

После этой его речи Берте сделалось плохо, она заболела. Несколько дней она не вставала с постели. Он приходил в их дом, но ему отвечали, что Берта не хочет его видеть. Наконец она выздоровела, и они встретились – в парке на берегу Рейна, там, где часто встречались. Однако Берта не дала ему обнять себя, даже прикоснуться. Она первым делом спросила, что значило это его выступление на съезде. Может быть, его заставили? Ему угрожали? Возможно, ему грозит опасность? Она хотела ему помочь, была готова помочь, только не знала – как.

Ей пришлось узнать горькую правду. Карл рассказал ей о своих новых взглядах. Теперь, когда она сама заговорила на эту тему, его ничто больше не сдерживало. И он говорил, говорил... Он высказал все, что кипело и бродило в нем; все, что он не мог ей сказать прежде.

Когда он закончил, Берта еще некоторое время смотрела на него с непонятым выражением, а потом сказала:

– Но ведь ты понимаешь, что это значит на самом деле? Что это значит для нас? Ты понимаешь, что ты объявил нам всем войну? Мне, моей сестре, папе, маме, всем нам? Что ты хочешь нас уничтожить?

– Нет, вовсе нет! – горячо отвечал Френцель. – Ведь евреи бывают разные. Есть такие, что хотят гибели Германии – писатели, журналисты, банкиры. Их – да, их мы изолируем. А таких, как твой отец, как твой доктор Блюмкин, мы не тронем. Конечно, какие-то ограничения необходимы, тут ничего не поделаешь. Но в целом вам позволят жить, как прежде.

Тогда он и правда так думал. Но даже эти его взгляды – очень мирные, по его мнению, взгляды – возмутили Берту.

– Ах, как ты щедр! – воскликнула она. – Значит, ты милостиво позволишь нам жить? Ходить по некоторым улицам? Не по всем, конечно, но по некоторым. Например, ночью, когда никто не видит. Но знаешь, что я тебе скажу, Карл? Все это ложь! Я слышала, что говорили твои друзья на этом вашем съезде. Это было ужасно, ужасно! Так могли бы говорить людоеды! И ты тоже стал таким. И это означает, что мы не можем быть вместе. Я больше не твоя невеста. Прощай!

И она сняла с пальца кольцо, которое он ей подарил, и бросила ему. Небрежно так бросила – он едва сумел поймать. А она повернулась и ушла.

Вот как было дело. Не он ее бросил, а она. Он был ни в чем не виноват. А отец был-таки виноват. Потому что он принял сторону Берты. Узнав об их разрыве, Макс Френцель заявил, что Берта поступила совершенно правильно. Он сам не хочет больше общаться со своим старшим сыном. И Макс Френцель заперся в своем рабочем кабинете и с того времени почти

не выходил оттуда. И Юрген, младший брат Карла, отвернулся от него. В 1938 году, после «Хрустальной ночи» и Нюрнбергских законов, он уехал в Швейцарию; и с тех пор переписывался только с отцом.

Так Карл остался один. Только сестра Магда разделяла его взгляды. Она поддерживала фюрера, вышла замуж за члена партии. Но сестра никогда не была особенно близка Карлу. Другое дело отец и брат. А еще Берта... В 1937 году она уехала в Америку, и с тех пор он не знал о ней ничего.

Сам он женился, вполне выгодно женился на немке из хорошей семьи. И его Грета родила ему двоих крепких малышек. Но... Если говорить правду – полную правду, – то надо признать, что Карл Френцель не был счастлив в браке. При его должности он мог ездить к жене, в Берлин, хоть каждый месяц. На деле он пользовался этим правом лишь раз в полгода. Остальное время обходился девушками из числа заключенных. Выбирал то одну, то другую, проводил с каждой несколько ночей, дарил ей что-нибудь... А потом отправлял в газовую камеру. Уже несколько девушек проследовали по этой дорожке: через его постель в крематорий. Он не мог оставить их в живых: людей грязной расы, познавших близость с арийцем. И потом, некоторые слышали от коменданта странные признания... Прежде чем идти в постель, Френцель каждый раз напивался. И, пьяный, иногда выбалтывал правду о том, как относится к жене. Как ненавидит ее. Нет, еврейки не должны были этого знать...

Обершарфюрер Карл Френцель, член нацистской партии с безупречной репутацией, крупный руководитель, носил в душе настоящий ад. Он все время жил в этом аду, и не было оттуда никакого выхода, и никакой надежды тоже не было. Только все мучительнее становилось его беспросветное существование, все горячее адская топка...

Глава 18

Когда комендант вышел из барака, Хаим выпустил рукоятку ножа, который продолжал сжимать. Он не смог! Не смог ударить врага ножом – даже для спасения любимой! Грош ему цена!

Бекман, проводив начальника взглядом, пожал плечами и снова задремал. А Хаим и Сельма, не сговариваясь, тихо вышли из барака. Отошли за угол. Теперь Хаим мог обнять любимую уже не под угрозой наказания, не под дулом пистолета, а по желанию, по любви.

– Ты очень красивая! Очень! – шептал он. – Но я... я не могу тебя защитить! Что я за человек?! Что за человек?!

Сельма в ответ гладила его лицо.

– Ты очень, очень хороший, – говорила. – Именно потому, что не можешь убивать...

Однако в этот день им было не суждено остаться вдвоем, хоть на минуту вырваться из-под надзора нацистов. На этот раз их заметил капо Берлинер. Точнее, он заметил колье на шее у Сельмы.

– Украла? – ухмыльнулся он. – Ну, смотри у меня! Впрочем, у меня сегодня хорошее настроение. Иди-ка сюда, госпожа Грудь!

Сельма шагнула к нему, и Берлинер тут же принялся ее грубо лапать. У него, в отличие от коменданта Френцеля, не было никаких комплексов – только грубое животное желание, которое он хотел немедленно удовлетворить. И он тискал, тискал грудь девушки. А она... она изображала удовлетворение, она улыбалась ему – все для того, чтобы он не обнаружил патроны, спрятанные у нее за пазухой.

– Смотри, нравится ей! – заявил Берлинер.

Однако то, чего мы больше всего боимся, зачастую и происходит. Пальцы капо наткнулись на что-то твердое. Миг – и он извлек на свет один патрон, потом второй, третий...

– Что это? – воскликнул он. – Где ты взяла? Как посмела?!

Его лицо исказилось. Он уже не думал о наслаждении.

– Конец тебе, тварь! – заявил Берлинер, извлекая свой знаменитый кнут. – Будешь знать, как оскорблять великий рейх!

Схватил Сельму за волосы, потащил ее к бараку.

– Сейчас разберемся! – зловеще произнес он.

И это были последние слова в жизни капо Берлинера. Неожиданно чьи-то крепкие руки сдавили шею капо, другие руки схватили его и

потащили куда-то в сторону. Он открыл рот, чтобы крикнуть – и тут же его заткнули вонючей тряпкой. Извернувшись, Берлинер разглядел своих недругов – и изумился. Тут был тихоня Шломо, были Юзеф и Ицхак – но также и капо Бжецкий... Именно Бжецкий сдавил крепкую шею бывшего боксера и держал хватку до тех пор, пока Берлинер не дернулся в последний раз – и затих.

Спустя несколько минут Берлинера, уже мертвого, затащили в столярную мастерскую и бросили на пол у стены. Теперь те, кто принимал участие в расправе с капо, могли отдышаться.

– Вот гад! – воскликнул Шломо. – Он чуть не сорвал нам всю операцию!

– Да, если бы он поднял шум... если бы немцы узнали, что мы собираем патроны, они могли догадаться, что готовится побег, – согласился Бжецкий.

– Теперь уже не догадаются! – заявил Юзеф.

А Шломо, обращаясь к толстяку Берлинеру, сказал:

– Ступай в ад, нацистская подстилка!

Бжецкий, самый деловитый и опытный среди них, сказал:

– Пойду, доложу немцам, что толстяку стало плохо и я уложил его на койку. А то как бы не принялись его искать.

Выходя, он в дверях столкнулся с вошедшим в барак Печерским.

– Вот, первый готов, – сказал он, кивая на лежащего у стены Берлинера. – Пришлось придушить – он обнаружил у Сельмы патроны.

Тут же к своему названому отцу поспешил юный Шломо.

– И наша нежность, и наша дружба сильнее страсти, крепче, чем любовь! – пропел он, подражая Вадиму Козину, его песне с пластинки. – Вот, Саша, смотри, первый убит! Правда, не ээсовец, а капо...

Остальные молчали – ждали, что скажет командир. А он оглядел их всех и сказал:

– Ну, что же. Получится чуть раньше, чем я намечал, но пусть так. Завтра.

– Что завтра, Саша? – спросил Калимали.

– Сейчас объясню. Только пусть Бжецкий вернется и сядет на место.

– Но я хотел сказать немцам, что Берлинер заболел! – стал возражать капо. – Как бы они не хватились толстяка...

– Надеюсь, что не хватятся. Но без вас нельзя проводить совещание – у вас очень важная роль в восстании. Так, теперь пусть Аркадий встанет снаружи у дверей и следит за каждым, кто подойдет к мастерской. Лишние уши нам не нужны.

Когда Аркадий Вайспапир занял свой наблюдательный пост и все расселись по местам, Печерский начал излагать план восстания:

– В первую очередь мы должны уничтожить офицерскую группу, управляющую лагерем. Только при этом условии наше восстание имеет шансы на успех. Оставшись без офицеров, охранники и капо будут лишены руководства. Они не будут знать, что им делать. Вряд ли кто-то из охранников возьмет на себя инициативу и станет руководить борьбой с восставшими. Враги будут разрознены. Так что уничтожение офицеров – самая важная задача. Убить их нужно поодиночке, без малейшего шума. И при этом быстро – не более чем за час. Быстрее вряд ли получится, а растягивать на более долгое время опасно – кого-то могут хватиться, поднимут тревогу.

Уничтожение немецких офицеров осуществят самые надежные участники восстания из числа советских военнопленных, по моему выбору. Это будут люди, которых я лично знаю и уверен, что на них можно положиться. Для такого дела потребуются люди отважные, решительные, с твердой рукой. Минута колебания, провал только одного участника операции могут привести к гибели всех.

После обеда, в половине четвертого, Бжецкий отведет во второй лагерь трех человек, по моему указанию. Эти трое уничтожат четверых гитлеровцев. Борух должен пригласить этих четверых – конечно, поодиночке – в помещение, где все и будет сделано. Надо обеспечить, чтобы в это время из лагеря никто не выходил. Кто попытается поднять шум – будет ли это капо, вахман или простой заключенный – надо заставить его замолчать. Любым способом! Это ясно?

Печерский оглядел товарищей; все молча кивнули. Он повернулся к Шломо:

– Шломо, сынок, сколько у нас оружия?

– Готовы тридцать шесть ножей и двенадцать топоров, – отвечал Шломо. – Но патронов мало...

– Придется обойтись тем количеством, которое удалось собрать. Теперь слушайте дальше. В четыре часа специальная группа перережет телефонную линию, которая ведет через второй лагерь к резерву охраны. Руководить группой будет электрик Дунец. Ты как, готов?

– Я давно готов, – отозвался Дунец. – Выберу время, когда часовые смотрят в другую сторону, и мои ребята перережут проводку и телефонный кабель.

– Учти: провод надо срезать с обеих столбов и обязательно спрятать, чтобы немцы не могли быстро восстановить связь, – сказал Печерский. – В

это же самое время, в четыре часа, начинается уничтожение офицеров в нашем, первом лагере. Их, также поодиночке, приглашают в мастерские. В мастерских их будут ожидать те, кто осуществят ликвидацию. До половины пятого все должно быть закончено. Самое трудное – это заманить эсэсовцев в мастерские. Надо это сделать так, чтобы не вызвать подозрений. Кто возьмется?

– Давайте я! – послышался звонкий голос.

Это говорил Тойви – самый юный среди членов группы. Печерский с сомнением посмотрел на него, спросил:

– Сколько тебе лет, Тойви?

Но парень не стал отвечать на этот вопрос. Он тряхнул головой и заявил:

– Я смогу, не сомневайтесь! Они меня не стесняются. Не ждут от меня подвоха. Может, от кого другого и ждут, а от меня – нет. Ведь я такой худой, такой слабый... Я им чищу одежду, ботинки... Я знаю, кому и как сказать, что в мастерских их ждут красивые вещи – сапоги, перчатки, бумажники, шляпы... Они жадные, они сразу пойдут.

– Хорошо, – кивнул Печерский. – Это задание – твое. Троих убьем у портных, одного у шляпника. Семен убьет Френцеля в столярной мастерской – тот должен прийти посмотреть, как делают его сервант. В половине пятого все будет кончено. И тогда Бжецкий строит всех заключенных в колонну, как будто для выхода на работу. В голове колонны пойдут члены нашей группы. Они нападут на оружейный склад, захватят оружие.

– Но ведь их могут увидеть капо и охранники, оставшиеся в лагере! – заметил Лейтман.

– Их прикроют те, кто идет сзади. Итак, передовая группа захватывает оружие и нападает на охрану у ворот, а также на караульное помещение.

– Это без шума сделать не получится, – сказал Цыбульский. Он уже знал, что ему поручено идти в той самой передовой группе, захватывать оружие на складе и уничтожать охрану лагеря.

– Да, с этого момента секретность кончается, – кивнул Печерский. – С этого момента мы действуем открыто. Но к этому времени все задачи будут выполнены. Останется только организовано и без потерь покинуть лагерь.

– Скажи, Саша, а ты не предусмотрел каких-то неожиданностей? – спросил осторожный Лео. – Вдруг кто-то из немцев или капо что-то заподозрит? Или один из наших забудет, что ему надо делать, занервничает и все пойдет наперекосяк?

Печерский кивнул.

– Такое может быть. Даже скорее всего, что будет. Никогда ни один план не удастся выполнить так, как он составлен. Может случиться, что охрана спохватится раньше, чем мы рассчитываем, и откроет огонь из пулеметов. Ведь у них там, возле ворот, есть два пулемета. Если мы к этому времени успеем захватить оружие, то ответ ясен: мы вступаем в бой и все равно уничтожаем охрану. Только с боем.

– А если не захватим? Если у нас будут одни ножи да топоры? – спросил Шмуэль.

– На этот случай у меня тоже есть план, – ответил лейтенант. – Недалеко от нашей мастерской, почти у самого ограждения, находится офицерский дом. Если выглянуть вон из того окна, можно его увидеть.

– Да все мы знаем, где офицерский дом! – воскликнул нетерпеливый Цыбульский. – На что он нам? Мы что, будем там ночевать?

Это было сказано с такой горячностью, что многие невольно улыбнулись. Однако Печерский остался серьезным.

– Нет, Борис, ночевать мы там не будем, – сказал он. – Но меня очень интересует поле за этим домом. Мне кажется, его не должны минировать так же, как остальные участки. Вдруг туда выбежит заключенный, взорвется – и осколки попадут в господ офицеров? Нет, думаю, что поле там заминировано только сигнальными минами, вхолостую.

– Ага, значит, там можно прорваться! – воскликнул Калимали.

– Да, можно! Здесь, у офицерского дома, мы и прорвем проволочные заграждения. Те, кто будут идти впереди, будут нести с собой доски, крупные камни – и бросать их перед собой.

– Зачем? – удивился Лейтман. – Ведь ты сказал, что мины там сигнальные...

– Это только мое предположение. А как на самом деле, я не знаю. Но даже сигнальная мина, взорвавшись под ногами, может оглушить. Лучше предусмотреть худший вариант. Поэтому мы понесем камни и доски. Мины, какие там есть, взорвутся, и дорога будет очищена.

Печерский закончил, оглядел собравшихся.

– Таков мой план, – сказал он. – Лучшего варианта я не вижу. Пусть каждый подумает, сможет ли он как следует выполнить то, что ему поручено.

Он сделал паузу, подождал, не последует ли возражений, замечаний. Особенно он ждал возражений со стороны Лео и его соратников. Может, они опять заведут свою знакомую песню «Мы мирные евреи, воевать не умеем, мы никого не сможем убить»? Но нет, все молчали. Тогда Печерский сказал:

– Завтра вечером встретимся в последний раз. Будет последнее совещание. И послезавтра выступаем. Помните, что никому – ни жене, ни брату, ни кому-то другому – вы не должны и словом обмолвиться о том, что здесь услышите. Сейчас, в последний день, огласка для нас подобна смерти.

И снова никто ничего не сказал. Все стали молча расходиться.

А Печерский в последний день перед выступлением решил проверить еще один важный момент. Он хотел получить ответ на вопрос: есть ли у охранников, не заступивших в караул и сидящих в своей казарме, патроны?

Этот вопрос возник вот отчего. Еще только прибыв в лагерь и присматриваясь к его порядкам, Печерский заметил, что охранникам, когда они заступают в караул, офицер выдает по пять патронов. А затем они передают эти патроны следующему составу караульных. Выходит, у тех охранников, что ходят по лагерю или сидят в казарме, патронов в винтовках нет? Если так, то охранники, сидящие в казарме, для восставших не опасны.

Это надо было проверить. Для этого надо было попасть в казарму, когда там никого не будет, и осмотреть подсумки нескольких охранников. Сделать это можно было под видом какого-нибудь мелкого ремонта в казарме. Тут и мог пригодиться капо Бжецкий, перешедший на сторону восставших.

Печерский изложил ему суть дела. И на следующее утро Бжецкий явился в столярную мастерскую и раскричался на мастера, почему в казарме, где находятся охранники, плохо закрываются двери.

– Откуда мне знать? – оправдывался мастер Янек. – Ведь у нас нет доступа в казарму.

– Всегда у вас найдутся оправдания! – возмутился Бжецкий. – Дайте мне кого-нибудь из мастеровых – да хоть вот этого русского, – и я проведу его в казарму.

И Бжецкий ткнул пальцем в Печерского. Тот послушно взял ящик с инструментами и пошел вместе с капо. Когда пришли в казарму, Бжецкий встал у двери, а Печерский направился в помещение, где хранились винтовки. Взял одну, заглянул в магазинную коробку – пусто. Патронташ, лежавший на полке, был также пустой. И с другой винтовкой была та же картина.

Выходит, его предположение было правильным, и охранники, вернувшиеся к себе в казарму, не представляют угрозы для восставших. Особенно если тем удастся добыть оружие...

Глава 19

Вернувшись в столярную мастерскую, Печерский поднялся на чердак. Оттуда хорошо просматривалась местность рядом с лагерными воротами. Слева от ворот виднелась станция, за ней – полотно железной дороги, дальше лес. Вдоль дороги валялись привезенные недавно бревна. Там работали поляки: грузили бревна на телеги и увозили. Справа местность была пустынной. Стало ясно: бежать надо вправо.

Тем вечером в мастерской прошло последнее совещание. Оно было коротким. Все уже знали свои задания, знали, где они должны находиться и что делать. Печерский заявил, что на следующий день, 13 октября, он назначает выступление. Вопросов никто не задавал, все молча разошлись.

Ночью всем активным участникам восстания были розданы ножи и специально изготовленные небольшие топоры, которые было удобно прятать под одеждой. Всех предупредили, что они с утра должны надеть ту одежду, в которой будут бежать; времени, чтобы переодеться, не будет. Тем, у кого не было никакой теплой одежды, роздали теплые вещи из числа тех, что имелись в сортировочном бараке.

На следующий день Печерский поодиночке переговорил с теми, кому были поручены самые ответственные задания. Первым он пригласил к себе в мастерскую Калимали-Шубаева. Это был высокий стройный парень в возрасте двадцати пяти лет, с черными кудрявыми волосами, малоразговорчивый и решительный. Перед войной он закончил Ростовский институт инженеров транспорта.

– С тобой ведь не надо много говорить, верно? – спросил его Печерский. – Вы с Юзефом идете в швейную мастерскую. Берете с собой рубанок, топор и стамеску. Помни: все должно быть сделано так, чтобы немец и пикнуть не успел.

– Ясно.

– Иди. Желаю успеха. И пришли ко мне Бориса.

Когда Цыбульский пришел, лейтенант обнял его, сказал:

– Борис, я тебя знаю лучше всех. Мы с тобой сидели в том «еврейском подвале» в Минске, и думали, что уже не выйдем оттуда. Тебе поручается самое трудное задание. Бжецкий отведет тебя и еще двух людей во второй лагерь. Захватите с собой топоры. Помни, Боря, твой удар – первый. Своим ударом ты должен показать пример другим. Если кто-нибудь из ребят не сможет убить немца, замени его другим, принуждать никого не нужно.

– Будь спокоен, Саша, – отвечал Цыбульский. – Все только ждут сигнала.

– Не забудьте снять с убитых немцев пистолеты, – напомнил Печерский. – Иди, и чтобы все прошло хорошо.

– Все пройдет отлично! – заверил Цыбульский. – Только бы прошел этот час! Последний час...

Он уже встал, чтобы идти. И тут оба услышали, как снаружи донеслись свистки вахманов. Это была команда на построение. Друзья переглянулись. Что бы это значило? В такое время, в три часа дня, никогда не было построения.

Они вышли из мастерской и направились на плац, где обычно происходило общее построение заключенных. Однако здесь стояли только несколько вахманов, которые гнали подходивших заключенных на перрон. Там, полностью окружив перрон, уже выстроилась лагерная охрана, вооруженная автоматами. Печерский не мог понять, что все это означает. Пришел очередной эшелон с новой партией заключенных? Но зачем тогда строить всех?

Впрочем, долго размышлять не приходилось. Заключенные строились на перроне, капо и охранники бегали вдоль строя, выравнивая его. А вдалеке уже показался приближавшийся к станции эшелон. Вот он подошел к перрону, двери открылись... и из вагонов начали выпрыгивать вооруженные эсэсовцы. Несколько десятков эсэсовцев!

Это могло означать только одно: немцы опередили восставших. Они приняли решение уничтожить Собибор, как уже был уничтожен Белжец. Видимо, этих эсэсовцев специально прислали, чтобы помочь в уничтожении лагеря. Заключенным не хватило одного дня! Если бы они выступили вчера, то уже были бы на свободе!

Им трудно было поверить, что судьба так над ними посмеялась. Лео повернулся к Печерскому; в глазах у него стояли слезы. Столько ждать! Столько готовиться! И что теперь вся их подготовка? Что стоят их ножи и топоры против автоматов эсэсовцев?

Прибывшие пока молчали; не было сказано ни одного слова. Вот они выстроились на перроне напротив шеренги заключенных, подняли свои автоматы... И вдруг произошло невероятное! Немцы подняли автоматы вверх и принялись палить в воздух! Они стреляли – и весело смеялись! Прямо с ног падали от смеха. А потом повернулись и побежали в лагерь. Охрана Собибора радостно их приветствовала; многие встречали своих знакомых, обнимались с ними.

Один из приезжих повернулся к заключенным:

– Эй, жидаы, длинные носы, чего грустим? Берите ваши пиликалки! Играем, танцуем!

Печерский старался понять, что происходит и как на это реагировать. Было очевидно одно: заключенных не собираются уничтожать. Немцы настроились на веселье. Они приехали отдыхать, а не проводить акцию по ликвидации лагеря. Значит, надо оставаться спокойными. Главное – ничем себя не выдать.

Он повернулся к Лео и тихо произнес:

– Передай всем: терпеть. Ничем себя не выдавать. Терпеть, что бы ни случилось. Мы побежим завтра!

И так силен был его авторитет, что Лео мгновенно поверил ему. Его слезы высохли; он стал передавать слова командира другим участникам восстания. И было видно: как только сообщение достигает слуха очередного заключенного, как его лицо оживает, спина распрямляется. Это не конец! Это только отсрочка! Еще одно испытание, которое устроила им насмешница-судьба. Надо вытерпеть этот «дружеский визит» – и потом отомстить за все. И заключенные приготовились терпеть.

А терпения в эту ночь им потребовалось много...

Глава 20

Спустя несколько минут прозвучала команда – всем возвращаться в лагерь. Узников загнали за ограду. Однако не было ни вечернего построения, ни развода по баракам. Вместо этого немцы вызвали всех лагерных музыкантов и велели им играть. Стало ясно, что они действительно намерены веселиться – возможно, не только вечером, но и всю ночь. Правда, для узников немецкое веселье обещало обернуться горем и ужасом...

В начавшейся толчее к Печерскому незаметно подошел капо Бжецкий.

– Я все узнал, – тихо сказал он. – Этот поезд идет из Остовы, из тамошнего трудового лагеря. Их направляют на Восточный фронт, прямо в пекло. Они здесь только до утра. Утром поедут на восток.

Печерский кивнул: чего-то похожего он и ждал. Утром немцы уедут. Значит, надо только дотерпеть до утра. Стиснуть зубы – и терпеть. Что ж, это заключенные сумеют. Чему-чему, а терпению они научились...

– Доживем ли мы до утра? – тихо сказал рядом с ним Лео.

– Доживем! – твердо ответил Печерский. – Есть ради чего.

Однако, как вскоре выяснилось, немцы в эту ночь в мучениях решили превзойти сами себя. Каких только издевательств они не придумывали!

Когда наступила ночь, эсэсовцы включили лагерные прожектора. Территория лагеря была освещена, словно днем. Музыкантам велели играть громче и веселее. Среди немцев были настоящие меломаны, которые могли оценить прекрасное исполнение. А среди заключенных были подлинны мастера.

Обершарфюрер Вольф под эту музыку плакал. Достал фотографию жены и детей, смотрел на нее – и плакал.

А вот заместитель коменданта Нойман плакать не собирался.

– Чего раскис, Франц? – воскликнул он, обращаясь к Вольфу. – Веселись! Смотри: я устроил еврейские полеты! Ну-ка, евреи! На счет «три» – полетели! Раз, два, три!

Он действительно устроил «полеты»: заставил нескольких заключенных залезть на крышу барака и прыгать оттуда с раскрытым зонтиком. Когда-то Нойман видел похожую сцену в кино, и тогда это выглядело смешно.

Но то, что выглядело смешно на экране, в жизни оборачивалось для заключенных тяжелым испытанием. Вот настала очередь прыгать для

грузного кузнеца Реймана. Он неуверенно шагнул с крыши – и тяжело ударился о землю. Нойман навел на кузнеца пистолет.

– Вставай! – приказал он.

Рейман попробовал подняться – и закричал от боли. Шломо кинулся ему на помощь. Но кузнец был слишком тяжел, Шломо не мог его поднять! Тогда, повернувшись к эсэсовцу, он заявил:

– Это кузнец! Он очень ценный работник!

– А я что, мешаю? – Нойман пьяно икнул. – Пусть встанет – и будет жить. Таковы правила сегодня ночью!

И он снова навел пистолет на Реймана. Кузнец еще раз попытался встать – и снова закричал от боли. Он сломал ногу и ничего не мог поделать. Эсэсовец пожал плечами – и выстрелил.

– Сам виноват! – заявил он. – Кто не может подняться – того пристреливают. Теперь твоя очередь!

И он наставил пистолет на Шломо.

– Ну, пошел!

Делать было нечего – Шломо полез на крышу. Раскрыл зонтик... Со страхом взглянул вниз... До земли было метров шесть, не меньше. Разбиться, конечно, не разобьешься, но сломать ногу – это запросто, что и доказал пример Реймана. Но что он может сделать? Надо пережить эту ночь... Саша сказал: надо терпеть...

И Шломо прыгнул. Как видно, он приземлился не очень удачно: когда попробовал встать, скривился от боли. Нога была вроде целая, но жутко болела, скорее всего, он ее подвернул.

Нойман тут же с усмешкой навел на него пистолет. Но Шломо собрал всю волю в кулак – и встал на вывихнутую ногу. Стоял и смотрел в лицо Нойману.

– Кто встанет, тот будет жить, – напомнил он. – Таковы правила сегодня ночью...

И Нойман повернулся и, пошатываясь, направился куда-то прочь...

...Коттедж, в котором разместили до утра прибывших эсэсовцев, тут же окрестили «веселая муха». Здесь тоже царило веселье. Сержант Бекман предавался своей любимой забаве – избивал Хаима. И заставлял того считать удары. На этот раз Хаим не сбивался, считал правильно.

– Молодец, битая жопа! – воскликнул эсэсовец. – Давай... давай выпьем вместе!

И он протянул Хаиму фляжку с водкой. Однако в семье Хаима – пока у него еще была семья – действовал запрет на алкоголь. И Хаим снова отказался пить, хотя и понимал, чем это ему грозит.

Тогда Бекман поднял фляжку – и вылил часть ее содержимого на голову парня.

– Вот, придется мне тебя окрестить, – заявил он. – Теперь тебя зовут не Хаим, а Хайнц. Мы теперь друзья с тобой, Хайнц. Дай я тебя поцелую!

Нет, этого Хаим не мог вынести! Он выронил стакан с водкой, тот упал и разбился. Бекман нахмурился:

– Битая Жопа не ценит чести? А ну-ка вылижи все с пола! Лижи! Тебя, жида, угостил ариец!

Хаим был готов броситься на эсэсовца... Но тут он встретился глазами с Сельмой. Та сделала ему знак: терпи! И он опустил на колени, наклонился и начал вылизывать спиртное. Бекман довольно усмехнулся:

– А говорил – не пьешь! Дескать, ваш еврейский закон не велит... А вон как лакаешь... Ни в чем вам, жидам, верить нельзя!

...Чуть в стороне, возле коттеджа, проходили «скачки». Ими руководил комендант Первого лагеря Френцель. Немцы пригнали сюда десяток заключенных, в числе которых были и оба руководителя восстания – Лео и Печерский. Заставили их встать на четвереньки. Им на спины уселись эсэсовцы – и погнали своих «лошадок» вокруг бараков. Один круг, второй, третий... Вот была потеха! Немцы просто с ног падали от смеха...

...Сержант Отто и его приятель с поезда, такой же здоровяк Георг поспорили: кто больше убил евреев одним ударом кнута. Каждый утверждал свою правоту. Требовалось разрешить спор на практике.

– Только кнутом! – оговорил условия Отто. – Кулаком каждый дурак сможет.

– На что спорим? – деловито спросил Георг.

– Как в тот раз – на большую бутылку водки.

– Идет.

Отто оглянулся, и увидел невдалеке Семена, одного из участников восстания.

– А ну, подойди сюда! – скомандовал немец.

Семен был вынужден подойти. Георг замахнулся – и со всей силы опустил свой кнут на спину заключенного. Семен упал, как подкошенный. Оба немца склонились над ним. И услышали стон узника, его хриплое дыхание. Это привело Отто в неподдельную радость.

– Ты дышишь? Дышишь? Молодец! – похвалил он заключенного.

Затем повернулся к приятелю:

– Проиграл, баварская морда! Продул старику Отто! Еврей-то дышит! Он как огурчик. Вот, смотри, как надо.

И он размахнулся над лежащим Семеном. Но Георг его остановил:

– Ну, нет! Добивать нечестно. Надо с ног свалить.

– Хорошо! – согласился Отто. – Могу и свалить. Учись, сынок, пока я добрый. Кого бы нам...

Его взгляд упал на молодого музыканта – тот, стоя неподалеку, услаждал «арийцев» своей игрой на скрипке. Отто взмахнул бичом... и молодой музыкант упал замертво. Семен, не в силах подняться, с ненавистью смотрел на «умельца»...

...Лейтенант Зигфрид Гринхаус сидел в коттедже «веселая муха» и слушал доносившуюся со двора музыку. Как и все эсэсовцы в эту ночь, он был порядочно пьян. И как всегда, лейтенант рассматривал свои начищенные сапоги. Вычищенные до зеркального блеска сапоги были его фетишем, образцом всего лучшего в жизни, мериллом успеха.

Сапоги, как всегда, были начищены безупречно. Но что-то все же вызвало недовольство лейтенанта Гринхауса, и он сердито посмотрел в сторону стоявшего у дверей Тойви. Это он, Тойви, отвечал за чистоту одежды и обуви лейтенанта.

Если нужно было сделать замечание заключенному, не стоило открывать рот. Можно было сделать это по-другому, эффективнее. Лейтенант достал пистолет и выстрелил в сторону Тойви. И с удовлетворением отметил, как испугался паренек, как присел, пытаясь заслониться руками – словно от пули можно было заслониться.

Гринхаус вскочил и схватил паренька за волосы, приставил пистолет к его голове.

– Ты должен чистить мои сапоги до блеска! – процедил он. – До красоты! Ты знаешь, что такое красота?

Тойви опустил на колени и начал надраивать сапоги эсэсовца. Он был по-настоящему испуган. А Гринхаус наслаждался ситуацией. Возвышаясь над Тойви, он назидательно произнес:

– Евреи лишены чувства прекрасного. Грязные сапоги, грязные руки, грязные уши, грязные мысли...

Он снова навел пистолет на Тойви – прямо ему в лицо! – и спустил курок...

Грянул выстрел... Но Тойви остался жив. Он слышал, как хохочет эсэсовец. И понял, что патрон в обойме был холостым. А еще он чувствовал, как что-то мокрое стекает из его штанов на пол...

Гринхаус погладил паренька пистолетом по голове, сказал сочувственно:

– Бедный малыш!

...«Скачки» наконец закончились, немцы ушли. Узники, предмет их

забавы, остались лежать во дворе. К Печерскому и Лео подошла Люка.

– И ты это вытерпел? – с нежностью и сочувствием спросила она Александра.

– Постарался, – отвечал Печерский.

– Не ожидала от тебя, что теперь ты лошадь, – сказала девушка.

Теперь в ее голосе звучало уже не сочувствие, а скорее разочарование. Кажется, она ждала от человека, которого успела полюбить, более храброго поведения. Даже ценой жизни...

Печерский уловил это ее настроение. Но он не собирался оправдываться, не хотел объяснять, что сдержался не только ради себя. Он не мог рисковать своей жизнью, потому что она принадлежала не только ему, но и другим. Он был руководителем готовившегося восстания, он был надеждой и опорой десятков людей. Но ничего этого он не мог сказать Люке – ведь она до сих пор не была посвящена в планы восставших. Поэтому он отговорился ничего не значившей фразой:

– Чего в жизни не бывает...

Однако Люку трудно было обмануть. Она, с ее душевной чуткостью, улавливала малейшую ложь. Даже не ложь, а простую недомолвку. Вот и сейчас она пытливо поглядела на него, потом легла рядом на траву, положила голову ему на грудь и сказала:

– Что ты задумал, Саша? Скажи!

И он ответил ей то, что должен был ответить. То, что разрешало ему сказать чувство долга:

– Задумал быть с тобой здесь, сколько возможно.

Это была ложь – но приятная для нее ложь. И он решил, что она примет ее. Однако Люка покачала головой:

– И это все?

– Разве это мало? – парировал Печерский.

Их разговор шел, естественно, на немецком – ни на каком другом языке они не могли общаться. Лео, слышавший их беседу, не выдержал и спросил Печерского по-русски:

– Ты ей не доверяешь?

Александр повернулся к нему:

– Девушка сойдет с ума от наших планов.

Люка не понимала, что они говорили, и только переводила взгляд от одного к другому.

– И проговорится? – недоверчиво спросил Лео. – Ты же видишь – она на такое не способна. Она только кажется хрупкой, на самом деле она – сама стойкость. Мне кажется, ей можно доверять. Поэтому я в свое время и

познакомил вас. Ты можешь посвятить ее в план восстания. Помимо всего прочего – видно, что она в тебя влюбилась. Она захочет пойти с тобой после побега.

– Я не могу так рисковать, – настаивал Печерский. – Влюбилась, не влюбилась – какое это имеет значение? Если есть хотя бы маленькая возможность провала – ее надо исключить. И потом, это ведь не значит, что она останется в лагере. Здесь никто не останется. Когда мы уничтожим охрану и вырвемся за ограждение, она тоже пойдет с нами.

– Ну, ты просто железный, Саша, – сказал Лео и покачал головой. – Я бы так не смог.

– Она человек настроения, – настаивал Печерский. – Разве это незаметно? И потом – она слишком хороша для подпольщицы...

И он, словно в подтверждение своих слов, погладил девушку по волосам, по лицу... Она охотно откликнулась на его ласку – поворачивала голову, подставляя ее его ладоням. Потом сказала:

– Мне с этими проклятыми кроликами повезло – я осталась жива. И до сих пор жива. А моему брату не повезло. Нас привезли сюда вместе. Но его тут же отправили в печь. Еще бы – ведь он был не портной, не ювелир – банковский служащий. Такие немцам не нужны. Такие подлежали уничтожению в числе первых. Вот такой был финал у нашей семьи. Теперь я ненавижу кроликов и гусей, вообще весь животный мир. А ты женат, Саша? Да, ты говорил, что женат. Но у вас что-то случилось. Я забыла подробности. Расскажи мне еще раз.

Вряд ли Люка могла забыть такую важную для нее вещь. Наоборот – потому, что это было для нее крайне важно, она хотела еще раз все услышать из уст любимого. Женат ли он, такой замечательный, о котором могла бы мечтать женщина? Хотя вряд ли он скажет правду... Мужчины обычно отвечают, что неженаты. И проверить нельзя...

Однако Печерский сказал другое.

– Моя жена погибла, – сказал он.

– А дети? Дети у вас есть? – спросила Люка.

– Да, у нас есть дочь. Сейчас ей девять лет. Она мне дороже всего на свете. Если, конечно, она еще жива...

– А ты... – начала Люка следующий вопрос. Она хотела знать о нем все, все!

Но тут Печерский внезапно зажал ей рот рукой. И Лео он тоже сделал знак молчать.

– Тише! – прошептал он, прислушиваясь к чему-то.

– Что такое? – прошептал Лео. – Что ты услышал?

И тут вдруг понял – что. В лагере стояла тишина. Не было слышно ни музыки, ни пьяных криков, ни такого же пьяного смеха. Зато был слышен стук колес поезда, подходящего к станции.

Не сговариваясь, они все трое вскочили и побежали за барак, откуда была видна станция. И увидели, как поезд на минуту остановился у перрона. Приехавшие вчера эсэсовцы, пьяные, с трудом держась на ногах, залезали в вагоны. Несколько солдат лагерной охраны помогли им. У офицеров, как видно, не хватило сил проснуться после долгой попойки. Поезд не собирался ждать – он тронулся, еще когда не все сели, и последние из «гостей» залезали в вагоны на ходу. И вот поезд, набирая ход, ушел со станции, и наступила тишина. Лагерная охрана разошлась на свои посты. И больше никто не мог помешать восставшим...

Глава 21

Несмотря на безумную ночь, Калимали проснулся рано, на рассвете. Огляделся – и в утренних сумерках увидел Печерского, стоящего у окна барака. Командир тоже не спал. Ведь наступило 14 октября. Решающий день...

Как был, босиком, горец подошел к лейтенанту. Шепотом спросил:

– В три часа?

– В три часа, – словно эхо, отозвался Печерский. И все так же, не оборачиваясь, спросил: – Ты ведь все сделаешь?

– Все сделаю, – заверил его Шубаев.

...Капо Бжецкий в этот день свирепствовал, как никогда. Он расхаживал с резиновой трубкой от противогаза в руках и лупил ею всех направо и налево. Досталось от него и Янеку – мастеру столярной мастерской, одному из подпольщиков. Комендант Френцель, наблюдая, как Бжецкий охаживает Янека, заметил:

– Что-то вы мне сегодня не нравитесь.

– Что тебе не нравится, Карл? – спросил его Гринхаус. Он стоял рядом в своих начищенных до блеска сапогах.

– С чего этот капо так старается? – отвечал Френцель. – И почему он застегнут на все пуговицы? Я помню, этот капо вечно ходит нараспашку. А этот еврей, – он указал на Янека, – почему он одет так нарядно? Он что, на свадьбу собрался?

– Ну, ты и скажешь, Карл! – рассмеялся Гринхаус. – На свадьбу! Умора! Ха-ха-ха!

Печерский и Лео, со стороны наблюдавшие за этой сценой, напряглись. Ведь Френцель был прав! Бжецкий, обычно ко всему равнодушный, в том числе и к своему внешнему виду, в этот день был собран, сам на себя не похож. А Янек, зная, что переодеться после начала восстания уже не получится, надел самый лучший свой костюм. Действительно, он нарядился, как на свадьбу. Только обручаться он собрался не с невестой, а со свободой. А если не повезет – то со смертью... Что, если Френцель начнет проверять возникшие подозрения, и прикажет обыскать двух-трех участников восстания? Тогда у них найдут ножи и топоры...

Однако положение спас, как ни странно, Зигфрид Гринхаус. Он подозвал к себе Бжецкого:

– Эй, ты! Иди-ка сюда!

Капо послушно подошел:

– Что-то не в порядке, господин обершарфюрер?

Гринхаус покровительственно заметил:

– Очень стараешься сегодня. Всегда бы так!

И похлопал капо по руке. В руке у Бжецкого после этого осталось несколько сигарет. Он поспешил согнуться в поклоне:

– Премного благодарен, господин обершарфюрер!

Печерский и Лео дружно вздохнули с облегчением. Пронесло!

Но спустя час произошел новый инцидент. В Первый лагерь явился унтершарфюрер Рыба, вооруженный автоматом. И увел Бжецкого и еще троих заключенных в северный лагерь. Печерский терялся в догадках. Куда повели капо? Ему отводилась важная роль в восстании. И почему унтершарфюрер взял с собой автомат? Обычно на работу с автоматом не водили. Александр подошел к Янеку и сказал:

– Сейчас же пойд и узнай, куда отвели Бжецкого! Как бригадир, ты можешь свободно ходить по лагерю. Узнай и скажи мне.

Янек вернулся спустя полчаса и сообщил, что Бжецкого отвели в северный лагерь. Он должен был руководить группой лагерников, которые разгружали бревна. Группа должна была работать без охраны, поэтому унтершарфюрер взял с собой автомат. То есть никакой угрозы для Бжецкого не было, он не был раскрыт.

Печерский вздохнул с облегчением. Но перед ним встала другая проблема: если Бжецкий угнан в другой конец лагеря, кто отведет троих опытных участников восстания во Второй лагерь? Этим троим отводилась важная роль: они должны были уничтожить четверых гитлеровцев. Бжецкого надо было заменить.

Особого выбора у Печерского не было. Отвести людей во второй лагерь мог только капо. А среди восставших, кроме Бжецкого, был только один капо – Геник. Александр разыскал его, отвел в сторону и тихо спросил:

– Вы знаете, что Бжецкий должен был отвести несколько человек во Второй лагерь?

– Знаю, – отвечал Геник.

– Бжецкого увели на бревна. Значит, людей поведете вы.

– Это невозможно! – капо был растерян. – Я не имею права туда ходить!

– Придется. Вы должны это сделать! Если немцы вас остановят, объясните им ситуацию. Ничего придумывать не надо. Скажете все как

есть: что Бжецкого взяли на бревна, и вот вы ведете заключенных во Второй лагерь.

– Но зачем? Зачем я их веду?

– Придумайте что-нибудь. Вы лучше меня знаете, какие работы идут во Втором лагере, лучше знаете лагерные порядки. Мне трудно вам подсказать.

– Нет, я ничего не могу придумать! – воскликнул Геник. На него было жалко смотреть. – Давайте отложим на другой день!

Однако Печерский хорошо понимал: ничего отложить нельзя. И так «пьяная ночь» отняла у них целые сутки. Люди находились на пределе напряжения. В любой момент кто-то из них мог не выдержать, кинуться на эсэсовца с ножом или топором. И тогда все пропало: немцы устроят общий обыск, найдут приготовленное оружие и расстреляют большую часть тех, кто собрался бежать. К тому же со дня на день могло начаться уничтожение лагеря. Вдобавок на днях в Собибор должен был вернуться еще один эсэовец, Гомерский. Он уезжал к семье, в отпуск. А это был изверг почище Френцеля и Ноймана.

– Нет! – твердо сказал лейтенант. – Для нашего дела завтра может быть поздно, все должно произойти сегодня. Люди ждут. Мы договорились, вы дали свое согласие. Отступить поздно, отказаться в таком деле невозможно. Делайте, что я говорю.

Бледный и растерянный, Геник отошел. Однако он нашел в себе силы, собрался с духом. И в три часа двадцать минут Печерский увидел, как он зашел в столярный барак и вышел оттуда, ведя с собой Цыбульского, Аркадия и Якуба. План восстания начал осуществляться...

Однако ликвидация эсэсовцев началась не со Второго лагеря, а с портняжной мастерской. Дело спутали не заключенные – дело спутал унтершарфюрер Эрнст Берг. Видимо, немцем владело нетерпение – хотелось как можно скорее примерить кожаный редингот, который ему накануне обещал Тойви. И немец, не дождавшись Тойви, сел на лошадь и поехал к мастерской. Не было еще и трех часов, назначенное Печерским время начала восстания еще не пришло...

Внутри в это время горец Александр Шубаев учил портного Юзефа пользоваться топором. Портной взял новый для него инструмент, стал примеряться, как ударить.

– Не так, – объяснил ему горец. – Бей обухом.

– Что такое обух? – не понял Юзеф. – Я не понимаю!

Шубаев взял у него из рук топор, чтобы показать... и тут вдруг услышал донесшийся снаружи стук копыт. Это мог быть Берг! Шубаев тут

же принял решение – и скользнул за вешалку с готовой одеждой. Юзеф обернулся, не обнаружил напарника – и пришел в настоящий ужас.

– Куда ты делся? – почти закричал он. – Не мучай меня!

– Тише, – отозвался Шубаев. – Не бойся, я с тобой. И успокойся, а то немец сразу обо всем догадается.

В это время Берг подъехал к мастерской, слез с лошади. Привязывать ее он не стал, а сразу вошел в помещение. Вслед за ним вошел Тойви – он издали увидел, что немец без него направился в мастерскую, и испугался, что портные, не будучи предупреждены, не справятся с визитером.

Почти так и вышло. Юзеф, увидев немца, запаниковал и воскликнул:

– Вы слишком рано! Я еще ничего не понял!

Он чуть было не сказал: «Я не понял, как держать топор». Если бы он выговорил эти слова – все могло сорваться. Но, к счастью, Юзеф удержался. А Тойви поспешил исправить его огрех. Он объяснил:

– Господин унтершарфюрер смог только сейчас. Без десяти три.

И при этом он выразительно посмотрел на Юзефа. Этим взглядом он хотел передать портному как можно больше уверенности, успокоить его.

И, как ни странно, это ему удалось.

– Вот, господин унтершарфюрер, тот редингот, о котором вам говорили, – угодливо произнес он, указав на отдельную вешалку, где висела «приманка».

Берг взглянул на редингот и улыбнулся.

– Вагнер и Бекман лопнут от зависти! – заявил он.

– Да, да, прекрасная вещь! – зачастил Юзеф. – Извольте примерить. Вам нужно будет снять китель...

Эсэсовец снял пояс с кобурой, положил их на стол. Снял китель. Юзеф тут же подскочил к нему с рединготом и стал примерять. Краем глаза он увидел Шубаева – тот бесшумно вышел из-за вешалки и приблизился к немцу.

– Вот так, повернитесь к свету, господин, чтобы рассмотреть лацканы, – попросил Юзеф, поворачивая немца спиной к Шубаеву.

Унтершарфюрер повернулся... и в этот момент Шубаев ударил его топором по голове. Он бил обухом, как учил Юзефа – чтобы убить, но не раскрыть череп и не обрызгать себя и пол кровью. Однако удар, как видно, был недостаточно сильный. Берг не был убит – он даже не был оглушен. От боли эсэсовец заорал так, что его было слышно за стенами барака. К счастью, никого из немцев поблизости не было. Крик Берга услышала только его лошадь. Животное испугалось, наострило уши и рванулось с места.

Если бы лошадь ускочила и стала бродить по лагерю, это могло привлечь внимание охраны. Положение спас Тойви – он как раз в этот момент вышел из барака, чтобы идти за следующим «клиентом». И когда лошадь заржала, Тойви схватил ее за уздечку, успокоил и привязал. А сам отправился за начальником общелагерной охраны обершарфюрером Хельмом.

Между тем в швейной мастерской еще не покончили с Бергом. Не помня себя от боли, тот шарил пальцами по столу, ища снятую кобуру. Но Шубаев успел раньше немца вытащить пистолет. Он навел оружие на эсэсовца и скомандовал:

– На колени! Руки за голову!

Берг не мог заставить себя встать на колени перед евреем. Не мог, и все! Но тут раздался щелчок – Шубаев взвел курок. Он сказал:

– А этот будет «хороший выстрел»? Помнишь, гад, как ты убил того парня из Белжеца? Так я убью и тебя.

Эти слова подействовали – Берг опустил на колени. Но все еще пытался командовать:

– Еврей, отдай оружие! Оно не для тебя! Не стреляй!

– Не буду, – пообещал Калимали. – Патроны надо беречь...

Быстро отложил пистолет, схватил топор и нанес новый удар – теперь уже лезвием. Берг рухнул на пол. Теперь он замолк навсегда. Труп задвинули под кровать, прикрыли тряпками. А за дверью уже слышались новые шаги – входил обершарфюрер Хельм. Но, пока он не вошел, Шубаев успел шепнуть Юзефу:

– Все-таки встал на колени, собака! И никакой арийской гордости! А ты молодцом, Юзеф!

Портной, который очень нуждался в этой похвале, расправил плечи, ответил:

– У меня были жена и четверо детей. Были...

Трудно описать ту перемену, которая произошла в эти минуты в душе тихого портного. Это кровавое, отвратительное дело – убийство человека – подействовало на него, словно очистительная гроза. Ему вдруг стало легче дышать. Ощущение невыносимой боли, утраты, с которым он жил последние месяцы, после того как узнал о гибели своей семьи, стало слабее. У Юзефа словно сил прибавилось. Он помог убить немца! Их, оказывается, можно убить! И Юзеф поверил в себя, в свои силы. Теперь он мог сражаться, мог смело смотреть в глаза врагу.

Это умение потребовалось ему незамедлительно – обершарфюрер Хельм, полный мужчина с безгловым выражением лица, уже входил в

мастерскую. С похмелья он был мрачнее и злее обычного.

Юзеф тут же склонился в поклоне чуть не до земли:

– Вот и вы, господин обершарфюрер! Вот, господин обершарфюрер, только для вас – кожаный редингот, дорогая вещь, из Парижа! Я его как раз почистил, подновил...

Хельм взглянул с интересом:

– А у Бекмана нет такого?

Юзеф глянул на него, как хороший, знающий себе цену портной на знакомого клиента:

– Что вы! Это штучная вещь! Оставил специально для вас...

– Для Бекмана хорошие кожаные вещи – это фетиш, – заметил немец.

Юзеф тут же сделал вид, что отнесся к его замечанию с повышенным вниманием, и спросил:

– Так мне что, предложить эту вещь господину Бекману?

Начальник лагерной охраны нахмурился:

– С какой стати? Я забираю этот редингот с собой.

И он собрался уходить. Нет, этого Юзеф не мог допустить! «Рано ты собрался, дружок, – подумал он. – Задержись у нас немного...» А вслух сказал:

– Погодите, господин обершарфюрер! Примерьте, а я подгоню. Пару выточек, чтобы эта вещь сидела как влитая на вашей фигуре. Всего пара выточек – и все просто попадают от восторга!

– Ну, пожалуй, только быстро, – согласился начальник охраны.

Юзеф почтительно взял его за плечи, развернул спиной к вешалке, как накануне разворачивал Берга. Подал немцу редингот, помог вдеть руки в рукава... И вдруг дернул Хельма на себя, опрокидывая его, лишая возможности сопротивляться. Юзеф больше не хотел играть только пассивную роль! Он хотел сам, своими руками убить кого-то из палачей своей семьи.

Шубаев выскочил из-за вешалки, взмахнул топором...

И тут произошло неожиданное. Обершарфюрер сумел увернуться. Он оказался ловким человеком, этот обершарфюрер Хельм. Он сбил с ног Шубаева – и тут же полез за пистолетом.

И тогда Юзеф выхватил топор у упавшего Шубаева и сам ударил немца. Ударил так, как учили – обухом. Хельм грузно свалился на лавку, а Юзеф продолжал бить – еще, и еще, и еще... Калимали начал отбирать у него топор, и тут Юзеф неожиданно вскочил и двинулся на товарища. Глаза у него были совершенно безумные.

Калимали с трудом вырвал топор у него из рук. Заметил:

– Это ты слишком, герой.

Из Юзефа внезапно словно выкачали весь воздух. Пошатываясь, он направился в угол барака, согнулся – и его вырвало. Эта кровь... ошметки мозга... это двойное убийство... Это было для него слишком...

Глава 22

Шубаев выглянул из мастерской – никого. Ему хотелось выполнить еще одно поручение Печерского – поскорее отнести руководителю восстания добытое в бою оружие. А заодно похвастаться хорошо выполненным заданием.

Он вытащил пистолет Хельма из кобуры, затолкал труп эсэсовца туда же, где был Берг – под нары. Взял второй пистолет, Берга, и сказал Юзефу:

– Я мигом, до столярной мастерской. Надо Сашу увидеть.

И побежал к столярке. Он испытывал удивительное ощущение: он передвигался по территории лагеря, будучи вооружен. Он шел не потому, что ему так приказали эсэсовцы, а потому, что его вела логика боя. Это было потрясающее ощущение!

В столярке был один Печерский. Увидев друга, он обрадовался. Спросил:

– Ну, как прошло?

– Замечательно! – отвечал Шубаев. – На, возьми.

И протянул командиру два пистолета.

– Это Берга и Хельма, – объяснил он. – Начало положено! Теперь, даже если кто-то раздумает, захочет отыграть назад, то уже поздно.

– Да, назад дороги нет, – кивнул Печерский. – Спасибо тебе, Калимали.

Он крепко обнял горца, и они расцеловались. Они оба понимали, что означает эта минута...

– Ну, я побежал, – сказал Шубаев. – Скоро должен Вульф прийти.

– Беги, беги, – сказал Печерский. – Как держались остальные ребята?

– Юзеф просто молодец, – отвечал Шубаев. – Его прямо не узнать. И Тойви тоже все делает, как надо.

И он поспешил вернуться в мастерскую. Он сделал это вовремя – Тойви уже провожал к ним Генриха Вульфа. Тот, как и Берг, ехал верхом. Услужливый Юзеф встретил его на крыльце:

– Вот, только для вас, господин офицер! Дорогая кожаная вещь, только что из Парижа!

Глядя на Юзефа, никак нельзя было представить, что он уже дважды за сегодняшний день примерял эту «дорогую вещь из Парижа» на своих врагов и обоих уничтожил. Минута слабости у Юзефа прошла, он снова был готов к бою.

– Прямо из Парижа? – уточнил Вульф.

Он слез с лошади, кинул Тойви уздечку и вошел в барак. Первый вопрос, который он задал, был такой же, как у Хельма:

– А у Вагнера есть такой?

Каждому из них хотелось выделиться перед сослуживцами, показаться значительней, круче. В этом был смысл их жизни.

Тойви проследил, как эсэсовец скрылся в мастерской, и стал ждать. Через несколько минут изнутри послышался сдавленный крик, звук удара... Еще крик... И все стихло. Вот и третий готов! Тойви просто распирало от гордости. Чувство достоинства, которое эсэсовцы так старательно в нем вытапывали, было полностью восстановлено.

Тойви взглянул на лошадь, которую держал. Он умел ездить верхом – в прежней, мирной жизни ему приходилось это делать. И он не смог преодолеть искушения. Сегодня все было не так, как в обычные дни! Так почему нельзя позволить себе и это удовольствие?

Он вскочил на лошадь, ударил ее пятками в бока – и помчался по территории лагеря! Он забыл, что это лагерь, забыл, что он еврей – то есть ничтожное, угнетенное существо, которое должно быть послушным...

Но тут кто-то схватил лошадь под уздцы. Тойви глянул – и обмер. Он увидел перед собой своего мучителя – обершарфюрера Зигфрида Гринхауса.

– С чего это ты сидишь на лошади Вульфа? – спросил немец.

– Господин офицер попросил прогулять его лошадь, пока он занят, – объяснил Тойви. – Чтобы не застаивалась...

– А с каких это пор ты слуга Вульфа? – Гринхаус начал сердиться. Он хотел быть монопольным распорядителем судьбы этого еврея!

Тойви тут же прикинулся испуганным и растерянным.

– Я вас искал... искал... – пролепетал он. – Хотел спросить приказаний... Вчера я был виноват... вы меня наказали...

– По-моему, тебе понравилось, когда я тебя наказывал, – сказал Гринхаус. – Или ты мне зубы заговариваешь?

– Нет, что вы, господин офицер! – воскликнул Тойви.

Чтобы выглядеть более униженно, он соскочил с лошади, склонился в поклоне.

– Я хотел показать вам новые сапоги! – сообщил он. – Новые, очень хорошие сапоги! Настоящий хром! Таких у нас в лагере еще не было! Только для вас! Идемте в сапожную мастерскую, там вас уже ждут...

Действительно, в сапожной мастерской Зигфрида Гринхауса давно ждали. Борис Цыбульский, который был там за старшего среди

подпольщиков, прежде чем уйти во Второй лагерь, провел со своими товарищами, Аркадием и Якубом, занятие – как бить топором. Аркадий Вайспапир уверенно заявил, что он все знает. Но когда Цыбульский вышел, он поспешил спросить Якуба:

– Так скажи, какой стороной бить – острой или обухом?

– А я знаю? – отвечал Якуб. – Нашел специалиста по топорам...

Тут на крыльце послышались шаги, и в мастерскую вошли Гринхаус и Тойви. Аркадий, который не работал в сапожной мастерской, тут же отошел к табуретке, делая вид, что занят ее починкой. Однако эсэсовец его заметил.

– Эй, ты! – окликнул он. – Ты же вроде не отсюда? Что ты здесь делаешь?

Вайспапир от волнения не мог сказать ни слова. Гринхаус заметил испуг заключенного, но истолковал его по-своему.

– Знаешь, кто я? – спросил он, довольно ухмыляясь.

Все заключенные в лагере знали Гринхауса как одного из самых жестоких садистов.

– Знаешь и боишься?

Тут Аркадий наконец справился с волнением и дал заготовленный ответ:

– Капо Бжецкий велел мне починить эту табуретку.

Гринхаус тут же потерял к нему интерес, отвернулся и спросил у сапожника Якуба:

– Ну, где эти хваленые сапоги?

– Пожалуйста, примерьте, – ответил Якуб и с поклоном подал эсэсовцу сапоги.

А Тойви, встав на колени, помогал Гринхаусу снять его прежнюю обувь. Тут немцу что-то не понравилось в выражении лица парня, и он медленно наступил ему сапогом на руку. Тот скривился от боли, а эсэсовец с улыбкой произнес:

– Только не обмочись на этот раз, жиденок!

Потом повернулся к Якубу. Как всегда, проявив жестокость к заключенному, обершарфюрер находился в хорошем настроении. Ему захотелось поговорить.

– Сегодня солнечный денек, солнышко греет хорошо, верно? – спросил он.

– Так точно, господин офицер, – ответил Якуб.

– Слушай, ты, Якуб, – продолжал обершарфюрер. – Через пять дней я еду в Германию. К этому времени ты должен пошить для моей жены пару туфель. Но помни...

– Надеюсь, ваша жена останется довольна, – прерывая его болтовню, сказал Якуб и мигнул Тойви. А тот внезапно распрямился – и толкнул стул вместе с сидящим на нем эсэсовцем назад. Туда, где уже стоял Аркадий с занесенным топором. Вайспапир, так и не разобравшись, какой стороной надо бить, ударил острым концом. Топор рассек немцу лоб и застрял в нем. И тут произошло невероятное, нечто такое, чего никто не мог заранее представить: Гринхаус взревел, встал и как был, с топором в голове, двинулся на своих врагов.

– Я сам вас убью! – сипло пообещал он. – Я смерть!

Аркадий на секунду растерялся. И немец схватил его за горло, сдавил, так что Вайспапир стал хрипеть, а потом, полузадушенного, отбросил его в сторону и двинулся дальше, на поиски Тойви.

Как видно, удар топором в лобную долю рассек у эсэсовца глазной нерв – он ничего не видел. Поэтому он расставил руки и искал Тойви на ощупь.словно в прятки играл. Только проигравший в этой игре должен был заплатить за проигрыш жизнью.

– Мальчик, мальчик, где ты? – звал обершарфюрер. – Иди сюда, я тебя накажу...

Тут в дело вступил Якуб. Он схватил табуретку, которую так и не починил Аркадий, и с размаху ударил немца по голове. Гринхаус свалился на пол, захрипел. Тойви подошел, склонился над ним.

– Больше не накажешь, – сказал он, глядя в остановившиеся глаза эсэсовца.

И наступил ботинком на красивое лицо арийца. Раз, другой... Он топтал это красивое лицо, делая его безобразным.

– Вы правы, господин офицер, – сказал он. – Я ненавижу красоту!

Аркадий пришел в себя, поднялся с пола. Он и Якуб подошли к мертвому эсэсовцу. Якуб вытащил у него из головы топор, вытер тряпкой лезвие.

– Я же говорил – обухом надо было бить, – наставительно сказал он. – Но вы, молодежь, разве кого слушаете...

В начале пятого в столярную мастерскую к Печерскому пришел Цыбульский. Он был весел.

– Готовы, все четверо! – доложил он. – И телефонная связь уже перерезана там, где нужно. Из Второго лагеря Лео никого не выпускает. Он поддерживает там полный порядок, не хуже, чем немцы. Он просил вовремя сообщить ему, когда надо будет выпустить народ.

– А где пистолеты? – спросил Печерский.

– Один у меня, один у Лео, двое остались у ребят.

– Хорошо, – сказал Печерский. – Возвращайся к Лео. Когда придет срок, я пошлю к вам связного.

Цыбульский ушел. Спустя короткое время в мастерскую вошла Люка. Александр вызвал ее заранее – он решил, что пришло время рассказать девушке о том, что происходит в лагере.

К удивлению лейтенанта, Люка вошла, неся с собой какой-то сверток.

– Что это? – спросил Печерский.

– Это тебе, – сказала она. – На, возьми.

Печерский развернул пакет. Это была мужская рубашка, сделанная из хорошей ткани.

– Это рубашка моего отца, – сказала Люка. – Немцы его убили. Теперь я хочу, чтобы ты ее носил. Можно сказать, что это подарок. И она принесет тебе счастье.

– Эта рубашка – мне? – не мог поверить Печерский.

– Да, мой подарок, – кивнула Люка. – Самое дорогое, что у меня есть. Надень ее. Вдруг не подходит?

Печерский молча снял гимнастерку; показалось тело, покрытое шрамами от ранений. Надел рубашку – она пришлась ему впору. А сверху снова надел гимнастерку.

– А зачем гимнастерка? – спросила Люка. – Ходи пока так...

– Нет, нельзя так, – Печерский покачал головой. – Надо надеть все лучшее, чтобы идти в нем. Вот Якуб надел свой парадный костюм...

Люка не понимала, о чем он говорит.

– Идти? Куда идти?

– В лес. В город. К партизанам. Туда, где ты сможешь спастись.

– Ты... вы... Вы задумали побег?

– Не только задумали, а уже начали осуществлять свой план. Пока мы с тобой разговариваем, в лагере полным ходом уничтожают нацистов. Мои друзья уже убили семь человек. Нужно убить еще нескольких – и тогда гитлеровцы лишатся руководства, и мы можем идти на прорыв.

Люка глядела на него во все глаза. Покачала головой:

– И ты молчал! Вы давно все это готовили, и ты не сказал мне ни слова!

– Не обижайся! – он взял ее за руку. – Я не мог рисковать. Вдруг бы ты неосторожно проговорила какой-нибудь подруге? Одно неосторожное слово могло нас погубить. Но теперь уже нечего скрывать. Иди в свой барак и оденься в мужскую одежду. В лесу в юбке тебе будет холодно и неудобно. Это надо сделать быстро – через полчаса будет общее построение, и мы пойдем на прорыв. Мы должны выжить, и то, что мы

делаем, – это единственный путь к жизни. Мы должны жить, чтобы мстить.

Но девушка все еще не двигалась.

– Не могу поверить! – повторяла она. – Ты ничего мне не говорил! Ты мне не доверял...

– Люка, дорогая, не трать времени на пустые разговоры, – убеждал он ее. – Почти все офицеры уже перебиты. Никаких колебаний не должно быть!

Наконец она встряхнулась.

– Хорошо, я пойду, переоденусь. И знай: я не боюсь. Смерть так долго стояла перед моими глазами, что я перестала ее бояться. Есть вещи и похуже смерти. Но... что будет потом? Что ты будешь делать после того, как вырвешься из лагеря? Что мы будем делать?

На этот счет у него не было колебаний; этот вопрос он давно решил.

– Мы с моими друзьями пойдем на восток, навстречу фронту. Навстречу Красной армии. Постараемся перейти фронт и соединиться со своими.

– А я?

– Ты... ты тоже можешь идти с нами. Если захочешь... Но это будет трудный путь. Опасный путь!

– Я не боюсь! – заявила она. – Если и боюсь, то не за себя, а за тебя. Ты представляешь, что эти палачи сделают с тобой в случае провала?

– Не надо думать о будущих несчастьях, – сказал Печерский. – Надо надеяться на лучшее. Всегда надеяться! Пока что иди и переоденься.

Она пошла, но, сделав два шага, обернулась. Спросила с улыбкой:

– Скажи, а Тойви с вами? Малыш Тойви тоже участвует в подготовке побега?

– Да, участвует, и он уже убил двух немецких офицеров, – отвечал Печерский. – Видишь, мы стали с ними рассчитывать. И это только начало.

– Какой Тойви молодец! – сказала она. – И какие вы все молодцы!

И пошла, больше не оборачиваясь.

Он проводил ее взглядом, в котором грусть мешалась пополам с нежностью. Верил ли он сам в то, что сказал? Сможет ли она идти с ними? Как она, выросшая в Германии, будет чувствовать себя среди советских солдат? Вопросы, вопросы...

Глава 23

В половине пятого из северного лагеря вернулся Бжецкий со своей группой. В это время во дворе возле столярной мастерской показался унтершарфюрер Гаульштих. Лейтман побежал ему навстречу:

– Господин унтершарфюрер! Нам приказали закончить нары, но точных указаний не дали. Какой ширины, какое расстояние между нарами делать? Столяры стоят без дела. Может, вы на минутку зайдете?

Гаульштих направился к бараку. За ним последовал капо Шмидт. Это грозило срывом покушения: Шмидт мог помешать Лейтману расправиться с эсэсовцем, и тот мог успеть выхватить пистолет. Достаточно было прозвучать одному выстрелу, и остальные гитлеровцы сразу бы поняли, что происходит что-то неладное. Поэтому Печерский подбежал к Бжецкому и прошептал ему на ухо:

– Забери Шмидта! Он не должен войти в барак!

Сказал – и сам быстро вернулся в мастерскую, чтобы подстраховать Лейтмана, если понадобится.

Бжецкий подошел к Шмидту, взял его за руку.

– Не ходи туда, – сказал негромко.

Капо со страхом взглянул на коллегу. Он понял, что происходит что-то чрезвычайное. Шмидт не был посвящен в планы восставших. Он не отличался особой жестокостью; таких восставшие не планировали убивать; смерть ему грозила только в случае активного выступления на стороне гитлеровцев. Теперь он понял, что смерть стоит с ним рядом.

– В чем дело? – спросил он Бжецкого осипшим голосом.

У Бжецкого не было выхода – чтобы остановить капо, надо было или говорить ему правду, или немедленно, тут же, во дворе, убить.

– Если хочешь остаться в живых, не вмешивайся, – сказал Бжецкий. – Почти все офицеры уже перебиты. Наши люди следят за каждым твоим шагом. Не вмешивайся, говорят тебе!

Шмидт с дрожью выслушал слова Бжецкого; губы его тряслись, он не мог вымолвить ни слова. Нет, он не хотел умирать за дело рейха! Он и в капо пошел, только чтобы сохранить себе жизнь. Он остался стоять во дворе...

А Гаульштих, ничего не подозревая, вошел в барак. Лейтман пропустил его вперед, дал подойти к нарам. А потом достал из-за пазухи топор и нанес сильный и точный удар. И хотя Лейтман не отличался

большой силой, удар был так точен, что второго не потребовалось. Эсэсовец был мертв.

Но еще оставался в живых комендант Первого лагеря Карл Френцель. Он почему-то медлил – никак не приходил для осмотра приготовленного для него серванта. Некоторое время назад он проходил по территории лагеря, но в мастерскую не зашел. Руководство лагеря не было обезглавлено. Шли последние минуты перед решающим этапом восстания...

Обершарфюрер Нойман, второй человек в нацистском руководстве концлагеря Собибор, сидел за столом в коттедже «веселая муха». Неожиданно на него упала чья-то тень. Нойман обернулся, ожидая увидеть кого-то из своих – ведь заключенным категорически запрещалось входить в офицерский коттедж. Но, к своему удивлению, увидел еврея Шломо.

– Пришел поздороваться с вами, господин обершарфюрер, – сказал заключенный.

В том, что он сказал, не было ничего подозрительного. Слова были правильные, но что-то глубоко неправильное было в тоне заключенного. И что-то незнакомое было в выражении его лица. Поэтому Нойман нахмурился и сказал:

– Ты что здесь делаешь? Ты же ювелир?

– Да, я ювелир, господин обершарфюрер, – сказал Шломо. И вдруг улыбнулся и продолжил: – Я ювелир, и я пришел за твоим золотым зубом. У тебя же теперь во рту много золотых зубов?

Это была неслыханная дерзость! Это был бунт! Нойман потянулся за пистолетом, но сообразил, что кобура висит на спинке другого стула, в нескольких метрах. Тогда он схватил телефонную трубку. Однако она почему-то молчала...

– Связь перерезана, господин Нойман, – сказал Шломо, наблюдавший за движениями эсэсовца. – И семеро ваших уже убито. Трое у сапожников, четверо у портных.

Нойман попытался вскочить, но Шломо, более молодой и сильный, опрокинул его на стол и сел немцу на грудь. В его руке откуда-то появился нож. И он приставил его к горлу обершарфюрера.

– Что ж, вы научили евреев убивать, – сказал он. – Теперь я это умею. Открой рот.

Нойман было пискнул, но острие ножа вонзилось ему в кожу, по шее потекла тонкая струйка крови. И Нойман затих, открыл рот. Тогда Шломо отложил в сторону нож и достал ювелирные щипцы.

– Ты требовал у меня запонки? – ласково спросил он. – Что ж, я их

сделаю. Сделаю из твоих зубов. Или ты хочешь золотую булавку для галстука, как у Вагнера?

Он наложил щипцы – и вырвал у эсэсовца зуб. Тот заорал от боли, задергался.

– Покажешь, как умирают арийцы? – спросил Шломо. – Давно хотел посмотреть...

И он воткнул нож в горло обершарфюреру.

После этого слез с тела, спрятал нож и направился в казарму вахманов. Здесь было пусто. Шломо открыл винтовочный ящик, достал одну винтовку, вторую... Проверил патронташи – во всех были патроны. Большая удача! Примерил винтовку на себя, передернул затвор... Однако хватит играть. Надо было доставить оружие туда, где собрались основные силы восставших.

Шломо взял заранее присмотренный отрезок жестяной трубы и начал прятать туда винтовки. Поместились шесть винтовок. Труба стала тяжелая, но сердце у Шломо пело, и ему все было нипочем. Он чувствовал себя, словно библейский великан Самсон. Или как царь Давид, вышедший на бой с Голиафом.

Он взвалил трубу на плечо и направился к выходу. Но тут он встретил неожиданное препятствие: вход в казарму был перекрыт подъехавшим автомобилем, из которого заключенные под присмотром одного эсэсовца выгружали какие-то ящики.

Тогда Шломо бегом (время уже поджимало) направился к другой двери, которая вела в следующий барак – охраны. Здесь, к его счастью, тоже никого не было – если не считать двух заключенных, мывших полы. Они с удивлением уставились на парня, выскочившего из барака охраны с какой-то трубой на плече. Но Шломо им ничего говорить не стал, только погрозил пальцем – молчите, мол! – и направился к выходу.

Первый, кого он увидел во дворе, был вахман Отто. Он стоял с винтовкой наперевес и бдительно осматривал всех проходящих. И, конечно, он сразу же увидел Шломо. Но у парня был такой уверенный, даже веселый вид (он даже что-то насвистывал!), что вахману даже не пришло в голову его в чем-то заподозрить.

Шломо беспрепятственно пересек территорию лагеря и вошел в столярную мастерскую. Здесь его уже ждали товарищи. Они быстро разобрали винтовки и патронташи. Тут же подошла Сельма и с ней еще несколько женщин. Они принесли патроны к пистолетам.

Калимали, разглядывая винтовку, одобрительно заметил:

– С этим мы точно прорвемся через часовых!

– Да, и патронов хватает! – добавил Печерский. Он как раз заряжал свой пистолет.

Шломо приник к нему. После напряжения боя, после чувства одержанной победы у него вдруг наступила минута слабости. Печерский заметил его состояние, спросил:

– Что с тобой, парень?

И Шломо объяснил:

– Их можно убивать, Саша! Они не бессмертны...

Тут он заметил, что почти все принесенные им винтовки обрели новых хозяев. И схватил одну из них.

– Это мое! – заявил он.

Лейтман рассмеялся:

– Зачем тебе, мальчик? Ты же не умеешь стрелять.

– Смогу, когда надо будет, – гордо заявил Шломо.

И забрал винтовку, да еще и патронов прихватил.

– Какой жадный мальчик! – рассмеялся Шубаев.

Однако Лейтман был чем-то недоволен.

– Все идет слишком хорошо! – объяснил он свое недовольство. – Так не бывает! Обязательно что-то случится...

– Перестань, еще накаркаешь! – предупредил его Калимали.

Тут в мастерскую вошел возбужденный Лео.

– Слушайте, что я вам скажу! – заявил он. – Мои евреи все время говорили, что они не могут убивать, что они не солдаты. И что же получилось? Когда дошло до дела, они таки оказались солдаты!

– Объясни толком, что произошло! – попросил Цыбульский.

– Вы знаете Арона Лифшица, слесаря из Лодзи? Тихий такой, никогда даже глаз на немца не поднимет. Так вот, он работал сегодня в гараже, чинил что-то в грузовике. И тут в гараж вошел обершарфюрер Вальтер Рыба. Ну, вы знаете Рыбу? Такой грузный здоровяк, вроде Берлинера – чтоб ему в аду гореть, скотине. Так что я хочу вам сказать? Нашему Арону никто не поручал убивать Рыбу. Он вообще не был среди тех, кто должен убивать немцев. Но дело в том, что Рыба вошел в гараж с автоматом. Это показалось Арону подозрительным – ведь немцы обычно не ходили с автоматами, только в чрезвычайных обстоятельствах. Вот Арон и решил, что наступили такие чрезвычайные обстоятельства – что наш заговор раскрыт и сейчас немцы будут всех расстреливать. И что же он сделал, наш тихоня Арон?

Задав этот вопрос, Лео обвел всех взглядом. В этом взгляде читалось такое торжество, что ответ напрашивался сам собой.

– Убил немца, я думаю, – сказал Шубаев.

– Точно! Убил без всякого топора или пистолета. Ударил два раза большим разводным ключом – и наповал.

– А где тело? – спросил Печерский.

– Тело? Да там же, в гараже. Арон спрятал его где-то под машинами.

– Это очень опасно! – сказал Александр. – Рыбу могут хватиться в любую минуту. Надо начинать второй этап восстания. Надо строить людей и идти на прорыв. Но как это делать, если Френцель еще жив?

– Ну и черт с ним, с Френцелем! – заявил Лейтман. – Он получит свою порцию свинца и без нас. Пора убираться отсюда, время не ждет.

Печерский кивнул:

– Хорошо. Идите все во Второй лагерь. Скажете всем нашим, что мы начинаем. И пусть Бжецкий подаст сигнал на построение.

– погоди! – остановил его Цыбульский. – Ты забыл про Бекмана. Он еще жив, и он может нам все испортить.

– А кто должен был убить Бекмана? – спросил Печерский, оглядывая соратников.

И тут один из них, Моисей, вдруг начал громко рыдать.

– Это я, я! – восклицал он между рыданиями. – Я должен был убить эту собаку! Но я не могу! Не могу! Простите! Лучше убейте вы меня! Убейте!

С ним началась настоящая истерика.

Лео склонился к своему товарищу, что-то сказал, и тот стал рыдать тише. А Лео поднял голову и произнес:

– Парень не может. Боится крови. Кто пойдет вместо него? Осталось десять минут, чтобы все сделать. Ну, кто пойдет к Бекману? Кто?

И тут вперед вдруг выступил Хаим.

– У меня есть доступ в тот барак! – заявил он. – И я смогу. Я убью Бекмана! Сельма, скажи, что я смогу.

Сельма вместо ответа протянула любимому нож – как обещание своей любви...

– Хорошо, – согласился Печерский. – Пусть Хаим идет. А вы идите и готовьте Второй лагерь к сигналу на построение. Только Семен пусть останется со мной. А Тойви пусть попробует найти и привести сюда Френцеля. Мне все-таки хочется с ним покончить.

Глава 24

Хаим, спрятав нож за ремень брюк, направился к административному барaku, где дежурил унтершарфюрер Бекман. Сельма следовала за любимым. И лишь подойдя к барaku, куда у нее не было доступа, остановилась.

Там, стоя в отдалении, она видела, как Хаим предъявил часовому пропуск и решительно вошел в барак. Прошла минута, другая... И вдруг из барака донесся нечеловеческий крик, даже визг. Часовой сорвался с места и вбежал в барак. Сельма в ужасе закрыла лицо руками. Она была ни жива ни мертва. Все пропало! Даже если Хаим убил Бекмана, с вооруженным часовым ему точно не справиться. Тут изнутри барака донесся еще один вопль, перешедший в стон. Наверно, это был ее Хаим... Девушка сделала шаг к двери...

И тут дверь распахнулась. На пороге стоял Хаим. Он был весь в крови, и в руке держал нож. Увидев полный ужаса взгляд Сельмы, он поспешил объяснить:

– Это их кровь. Их было двое. Я убил обоих.

Сельма подбежала и обняла его...

...Комендант Первого лагеря Карл Френцель сидел под яблоней. Что-то с ним случилось в этот день. Не было никаких сил встать и заняться привычным делом – следить за порядком в лагере, бить нерадивых, встречать новый эшелон... Ни сил, ни желания. Кстати, вспомнилось пожелание рейхсминистра Гимmlера: «Больше праздника в душе, партайгеноссен, больше праздника!» Да, обершарфюреру Френцелю праздник в душе сегодня бы не помешал. Но никакого праздника и в помине не было. В душе у него пылал ад.

Тут комендант заметил мальчика Тойви, который робко приближался к нему. Френцель усмехнулся. Поднял с земли яблоко, кинул в мальчишку. Промaxнулся, конечно, – ему ничто сегодня не удавалось. И он пожаловался:

– Видишь, парень, я совсем сегодня вышел из строя!

– А как же шкаф? – обратился к нему Тойви. – Ведь вы давали поручение, господин офицер. Сделать шкаф с деревянной резьбой. Русский солдат Саша сделал все, как вы приказали. Разве вы не хотите взглянуть?

Но Френцель и не думал вставать. Он все еще хотел шутить.

– Русский солдат? – переспросил он. – Русский солдат сидит в танке.

Быстро едет сюда...

– Но вы заказывали шкаф с резьбой! – настаивал Тойви. – Чтобы послать вашей супруге в Берлин. Вы сказали, что это очень важно, господин обершарфюрер!

Френцель вздохнул и поднялся с земли.

– Откуда ты знаешь, что для меня важно, уродец? – пробурчал он.

Извернувшись, он схватил Тойви за ухо, но тут же выпустил. Ничего сегодня не хотелось, даже мучить евреев.

– Ладно, идем в твою мастерскую, – согласился он.

И по дороге, пока они шли, он все бормотал:

– Жена... шкаф... Берлин... Разве все это существует? Как ты думаешь, парень?

А в это время в столярной мастерской ждали Френцеля. Семен Розенфельд и Печерский оба взяли по топору.

– Ты готов? – спросил Печерский товарища.

Тот уверенно ответил:

– Готов, конечно.

Потом всмотрелся в Александра и сказал:

– Не бойся, он придет. Тойви приведет. Тойви уговорит...

– Да я не боюсь, – ответил Печерский. – Ладно, займи свое место, как договорились.

На крыльце послышались шаги, и Розенфельд поспешно спрятался за шкаф. Дверь распахнулась, и в мастерскую вошла... Люка. Увидев Печерского, она улыбнулась, обняла его...

– Саша, я не могу без тебя... – шепнула.

Александр растерялся – он не мог оттолкнуть девушку, и не было времени объяснить ей, что она не вовремя.

И тут дверь снова открылась, и на пороге показался тот, кого они ждали – обершарфюрер Карл Френцель. За его спиной виднелся Тойви. Увидев Печерского в обнимку с девушкой, комендант зашелся в хохоте.

– Я думал... думал, ты лошадь... – сквозь смех выдавил он из себя. – Думал, ты лошадь, а ты, оказывается, человек!

И захохотал еще сильнее. И так, смеясь, шагнул обратно, так и не войдя в мастерскую. Они остались вдвоем – Печерский и Люка. Нет, втроем – Розенфельд, которому не было нужды больше прятаться, вышел из-за шкафа с топором в руках. Тут Люка поняла, что произошло что-то неладное; улыбка исчезла с ее лица. Но она все еще не понимала, что наделала...

– Ты спасла Френцеля, – объяснил Печерский. – Ты спасла

коменданта, понимаешь?

Он едва удерживался, чтобы не сказать ей что-то злое, обидное, что-то такое, о чем он сам будет потом жалеть... И тут до их слуха донесся резкий свисток. Это Бжецкий подал сигнал на общее построение. Восстание вступало во вторую фазу.

Заранее было договорено, что семьдесят заключенных – в основном бывшие солдаты Красной армии – будут идти во главе колонны и нападут на оружейный склад. Однако сотни людей, которые ничего не знали о планах восставших, но теперь поняли, что в лагере происходит нечто необычное, тоже устремились вперед. Они напирали, толкались, и вся толпа заключенных бурлила, шумела. Каждый боялся остаться позади и стремился вперед. Никакого порядка наладить не удавалось.

В таком виде заключенные подошли к центральным воротам Первого лагеря. Навстречу им вышел немец, начальник караула.

– Вы же слышали свисток! – резко сказал он. – Так чего вы толкаетесь, как стадо баранов?

Он заметил, что заключенные возбуждены, но еще не догадывался о причинах этого возбуждения. Он по привычке выхватил кнут и стал стегать заключенных направо и налево, выстраивая их по пять человек в ряд.

За начальником караула, как полагалось, следовал капо Бжецкий. Однако, кроме капо, тут же были еще несколько человек – ударная группа восставших. Начальник караула заметил это.

– Смотри, капо, как я заставлю этих скотов построиться! – воскликнул он и схватился за кобуру.

Но в этот момент Семен Розенфельд и еще несколько человек одновременно пустили в ход свои топоры. Мертвый начальник караула рухнул на землю. Тут уже все поняли, что началось восстание. Сдерживать толпу дальше было невозможно. Тем более что к первой колонне присоединилась еще одна, из Второго лагеря. Там было много женщин. Увидев, что происходит, они совсем потеряли голову, некоторые кинулись бежать в другую сторону...

В это время Карл Френцель, счастливо избежавший смерти в столярной мастерской, явился к себе в административный барак. И здесь он услышал разнесшийся по лагерю свисток, зовущий заключенных на построение.

– Построение? – удивился он. – А кто разрешил – Бекман? Эй, Бекман, ты где?

Ему никто не отвечал. Обершарфюрер открыл одну дверь, вторую... И увидел лежащего на полу Бекмана, залитого кровью. Рядом с ним лежал

часовой.

Трезвея на глазах, Френцель схватил трубку телефона – и убедился, что связи нет. Тогда он кинулся в свой кабинет и включил сирену. Над всей территорией лагеря разнесся протяжный вой. По этому сигналу часовые у ворот схватились за пулеметы, все охранники взяли за оружие.

Услышали сигнал и руководители восстания.

– Это Френцель! – воскликнул Лейтман.

– Что будем делать, Саша? – Розенфельд обратился к Печерскому. – Какой новый план?

– Не все готовы бежать, – заявил Лео. – Надо им все объяснить. Надо, чтобы все люди собрались...

– А доски? – вспомнил Калимали. – Мы же хотели кидать доски на мины, помните? А ни одной доски не взяли!

– Решай, Саша! – торопил своего командира Цыбульский. – Надо сказать слово к народу!

И Печерский подчинился призыву своих друзей. Он сложил ладони рупором и крикнул, обращаясь ко всем:

– Товарищи, братья! Бежим прямо сейчас! Прорываемся к офицерскому дому! Режьте проволочные заграждения, впереди свобода!

Ему ответили громкие крики других лагерников. Толпа разделилась. Часть людей послушалась Печерского и кинулась к офицерскому дому. Другие решили прорываться через ворота и бросились туда. Но были и третьи – те, кто не захотел участвовать в побеге. Эти люди решили, что побег – это слишком опасно, почти верная смерть. Они поверили обещаниям гитлеровцев, которые то и дело говорили о том, что умелые заключенные им нужны, их оставят в живых. И они предпочли эти пустые обещания врага свободе. В выборе между свободой и рабством они выбрали рабство.

Один из руководителей восстания, Лео, пытался вразумить своих братьев-евреев. Он кричал им: «Хватит молиться, бежим, бежим!» Но все было напрасно. Тут выстрел с вышки убил Шмуэля, друга Лео. Тогда Лео махнул рукой и побежал вслед за Печерским. Эти люди, четыреста с лишним человек, измученные, истосковавшиеся по свободе, ринулись вперед...

Лишь теперь охранники на вышках спохватились, что в лагере происходит что-то чрезвычайное, и открыли стрельбу. Прозвучали ответные выстрелы – из винтовок, которые заключенным удалось захватить. Завязалась перестрелка. Группе, кинувшейся к воротам, удалось уничтожить охранников, стоявших рядом с воротами. Те, у кого не было

винтовок и даже топоров, кидали в фашистов камни, песок, дрались кулаками...

Наконец ворота были сломаны, и толпа заключенных вырвалась на свободу. Однако здесь, за центральными воротами, дорога вела на станцию, она находилась под пулеметным огнем. А поле за дорогой, за которым находился лес, было заминировано. Многие кинулись туда – и нашли свою смерть на минном поле.

Другая группа, руководимая Печерским, бросилась штурмовать оружейный склад. В этой группе было много советских военнопленных; это были опытные солдаты, умевшие воевать. Они хотели не просто убежать из лагеря, но выйти на свободу с оружием в руках.

Однако к этому времени гитлеровцы опомнились от неожиданности и кинулись защищать склад. Здесь был и комендант Первого лагеря Карл Френцель. Печерский несколько раз стрелял в него, но так и не попал. Видимо, коменданту было не суждено умереть в этот день...

А вот бывший капо Бжецкий погиб в этот день. Так получилось, что возле ворот он нос к носу столкнулся с вахманом Отто. Тот, мастерски орудуя бичом, валил заключенных с ног. Увидев, что Бжецкий на стороне восставших, он кинулся к нему, сбил на землю и застрелил. Но тут упал сам под ударами топоров...

В бое за склад принимал участие Шломо. Укрывшись за ящиками, он раз за разом стрелял в гитлеровца на вышке – тот расстреливал восставших из пулемета. И наконец, чуть ли не последним патроном, свалил его, пулемет замолк. Лишь тогда Шломо направился к лесу. Вслед за ним бежал и юный Тойви. Правда, он чуть не запутался в колючей проволоке, но все же сумел выбраться.

Бой за склад был упорным. Однако оказалось преимущество врага в вооружении. У восставших было мало патронов, да и винтовок не так много. Поэтому захватить склад им в итоге не удалось.

...Сельма бежала вместе с Хаимом. Они уже достигли дыры в ограде, которую проделали бежавшие впереди. И тут откуда ни возьмись появился обершарфюрер Френцель. Он окликнул девушку:

– Сельма! Ведь тебя так зовут? Подожди, остановись.

И так велика была привычка Сельмы слушаться коменданта, что она, как загипнотизированная, остановилась и повернулась к нему.

– Прошу тебя, иди ко мне! – звал Френцель. – Не бойся!

И девушка, как зачарованная, сделала шаг к нему... Другой...

Тут Хаим опомнился, схватил девушку за руку и изо всех сил потянул прочь, к лесу. Они побежали. Тогда Френцель пробормотал: «Вот глупая...»

Вытащил пистолет, прицелился... Ему так нравилась эта девушка, так напоминала его невесту... Он выстрелил.

Как раз в этот момент Сельма споткнулась о пенек и полетела на землю, увлекая за собой Хаима. Пуля прошла мимо. Они вскочили и побежали дальше. Френцель уже не решился их преследовать...

Печерский приказал заключенным прекратить штурм склада и отходить к ограде за офицерским домом. Ограду перерезали сразу в нескольких местах, и люди побежали к лесу. Догадка Печерского оправдалась – здесь были заложены только сигнальные мины, которые не приносили людям вреда. Правда, несколько человек погибли во время отхода от пуль немцев – те, хотя и не сразу, догадались, что складу больше ничто не угрожает, и перенесли огонь на поле.

И вот уже большая группа беглецов, больше ста пятидесяти человек, добралась до вырубке. Здесь Печерский и его друзья – Цыбульский, Розенфельд, Вайспапир – задержались, чтобы прикрыть отход остальных. Надо было пройти вырубку и достичь основного леса – только там заключенные могли чувствовать себя в безопасности.

Внезапно Печерского кто-то окликнул:

– Товарищ командир! Пора отходить!

Какой радостью наполнили его сердце эти простые слова! «Товарищ командир!» Давно к нему так не обращались...

Они стали отходить. Лагерь теперь виднелся вдалеке, по ту сторону минного поля. Но пока они еще были на вырубке и были видны гитлеровцам. Это доказывали и пули, свистевшие между деревьев. А вот одного заключенного задело, он был ранен. И тут же упал и Лейтман, бежавший рядом с Печерским. Борис Цыбульский склонился над другом, подхватил его на руки.

– Оставь меня, Боря, не надо... – попросил Лейтман.

Губы у него быстро синели.

– Хлопец, ты чего? – уговаривал его Цыбульский. – Не дури, брось эти фокусы!

Так он нес друга до самого леса. Лишь тут опустил его на землю, и Лейтман напоследок пошутил:

– Ну вот, я накаркал...

И замолк навсегда.

И вот наконец они очутились под защитой деревьев. Здесь можно было остановиться, передохнуть. Они вырвались на свободу! Они победили!

В тот момент они еще не знали, что им удалось сделать великую, небывалую вещь: осуществленный ими побег стал единственным удачным

восстанием и крупным побегом из гитлеровских лагерей смерти за все годы войны.

Глава 25

Все время, пока они прорывались из лагеря, Печерский искал глазами Люку. И нигде не мог найти! Это было горько. Он и не представлял, насколько успел привязаться к этой девушке, которая не знала ни одного слова по-русски. Да что там привязаться. Надо было признаться самому себе: он успел полюбить ее.

И вдруг... Внезапно Александр увидел Люку – она шла по лесу, направляясь к нему.

– Последний раз мы плохо с тобой расстались... – сказала девушка, подходя к нему.

– Мы не расстались! – заявил Печерский, беря ее за руку. – Ты мне нужна.

Люка улыбнулась, сказала с загадочным видом:

– Тебе нужна другая женщина...

– Вот как? – удивился он. – Какая же?

– Ее зовут свобода! – заявила она и рассмеялась.

Они вместе двинулись в глубину леса. Но тут откуда-то сзади, со стороны лагеря, снова поднялась плотная стрельба. Печерский велел Люке укрыться за деревьями, а сам вместе с Цыбульским выдвинулся вперед, в ту сторону, откуда велся огонь. В течение нескольких минут они отстреливались и заставили охранников, устремившихся за ними в погоню, отступить. После этого они вернулись на то место, где оставили Люку. Однако девушки здесь уже не было. Напрасно Печерский бегал по лесу, звал ее – ему никто не откликнулся. Что случилось? Почему она ушла? Или она не ушла сама, а ее заставили? Но кто? Он так и не узнал этого.

Александр никак не хотел уходить с места, где он потерял Люку. Наконец товарищи чуть ли не силой увели его оттуда. Да он и сам понимал: оставаться вблизи лагеря было нельзя. В течение ближайшего часа немцы восстановят телефонную связь, вызовут подкрепление, и за беглецами будет организована погоня по всем правилам. Немцы никогда не оставляли без внимания ни одного побега, всегда старались найти беглецов и наказать их – так, чтобы был пример для других узников. Так что Печерский и его товарищи, бывшие советские военнопленные, стремились как можно скорее уйти от лагеря. Их было около тридцати человек – целый взвод.

...Они углубились уже на несколько сотен метров в лес, когда из кустов перед ними внезапно вышел человек с винтовкой наперевес. Это

был Шломо.

– Сразу понял, что вы от нас сбежите, – заявил он.

– Мы не сбегаем, – ответил Цыбульский. – Мы возвращаемся.

– Перейдете линию фронта, переплывете Западный Буг – и к своим? – уточнил Шломо.

– Откуда такие познания, сынок? – спросил Печерский.

– Я видел карты в кабинете у Ноймана. Еще тогда понял, почему вы забрали у нас все винтовки и все деньги.

– Ты тут на своей земле, сынок, а нам еще далеко, – объяснил Печерский.

Однако Шломо упрямо покачал головой:

– У меня нет своей земли, Саша. И у тебя нет – ведь мы евреи...

Печерскому на это было что возразить. Он понимал, что хочет сказать Шломо – что евреям нужно вернуться в Палестину и восстановить собственное государство. Печерский был знаком с этими взглядами, но не разделял их. Но он не хотел затевать спор сейчас, когда им предстояло попрощаться – может быть, навсегда.

Молчание нарушил Шломо.

– Это ошибка, Саша, – сказал он.

– Что?

– Что ты возвращаешься. Ты пожалеешь.

Печерский покачал головой:

– Тебе бы сейчас ремня, сынок!

И тут же, без паузы, обнял парня, прижал его к груди. Приставил палец к его голове и прошептал:

– Я всегда буду у тебя здесь, сынок.

– И здесь, отец, – добавил Шломо, показав себе на грудь.

Затем он обнялся по очереди с каждым, кто уходил с Печерским, и они попрощались. Они пошли на восток, а Шломо постоял и двинулся на юго-запад... Он не был одинок. Десятки польских евреев шли в том же направлении. Они надеялись добраться до Хелма, а оттуда уже направиться в родные места и там укрыться. Что же – они знали язык, знали местность, у них были здесь знакомые. Поэтому у них был шанс здесь укрыться. Хотя они должны были опасаться не только немцев, но и местного польского населения: зачастую поляки выдавали евреев нацистам. Были те, кто спасали, и были, которые выдавали.

Правда, не все польские евреи хотели остаться в Польше. Такие, как Шломо, уже тогда задумались над тем, как пробраться в Палестину и попытаться создать там собственное еврейское государство. И, как мы

знаем, после войны им это удалось...

Ну, а бывшие советские военнопленные дружно направились на восток, в сторону фронта. Шломо и здесь оказался прав: Печерский и его товарищи хотели переправиться через Западный Буг и соединиться с Красной армией.

В самом тяжелом положении среди беглецов оказались евреи из Западной и Центральной Европы – из Голландии, Франции, Германии. Нигде на территории в сотни километров они не могли ни с кем объясниться...

Группа Печерского быстро шла через лес на восток. Компаса у них не было. Некоторое время ориентиром для них служила продолжавшаяся возле лагеря ружейная пальба. Она говорила о том, что охрана активно преследует бежавших и добывает тех, кто не успел далеко уйти. Вскоре немцы должны были наладить телефонную связь, и тогда начнется настоящая погоня.

Беглецы остановились на несколько минут, устроили небольшое совещание. Печерский предложил идти всю ночь, делая только короткие привалы.

– Нам надо уйти как можно дальше, – объяснил он. – Когда придут подкрепления, они постараются окружить территорию вокруг лагеря и потом будут стягивать это оцепление. Важно оказаться за пределами этого кольца.

– Как ты думаешь, какой будет у этого кольца радиус? – спросил Вайспапир.

– Думаю, километров двадцать, вряд ли больше. И эти двадцать километров мы обязаны пройти. Идти будем без дорог, прямо через лес. Скорость движения при этом уменьшается. Так что нам потребуется пять-шесть часов. Но к утру, я уверен, мы выберемся из этого опасного круга. Идти будем цепочкой, друг за другом. Я пойду первый, за мной Цыбульский, потом остальные. Аркадий пойдет замыкающим. Не курить, не разговаривать. Когда первый ложится отдыхать, следом ложатся все остальные. Если немцы запустят ракету – сразу ложатся все. Ни в коем случае не поддаваться панике.

И они пошли. В первый час к группе несколько раз прибывали другие люди, бежавшие из лагеря. Они охотно вставали под команду Александра – ведь у русских был ясный план, у них имелся командир. А значит, у них было больше шансов уцелеть.

Спустя два часа группа вышла из леса. Впереди лежало открытое поле. Прошли по нему километра три. Печерский в душе радовался, что все еще

стояла ночь – днем на этом поле их было бы видно издалека.

Внезапно дорогу идущим преградил глубокий ров, наполненный водой. Ширина рва была метров шесть – не перепрыгнешь. Надо было искать переправу. Повернули, пошли налево. И вдруг... Впереди они услышали чей-то разговор. Кажется, говорили по-русски. Но это могли быть немецкие прислужники, власовцы. Аркадий Вайспапир вызвался пойти в разведку. Он по-пластунски пополз вперед и вдруг различил, что кто-то говорит по-русски с кавказским акцентом. Кто мог в этих краях так говорить, если не Шубаев-Калимали? Аркадий сделал еще несколько шагов... Так и есть! Шубаев вел целую группу. И они уже успели соорудить плот и переправиться через ров.

Произошла радостная встреча. Группа Печерского тоже переправилась на ту сторону, и вместе они двинулись дальше. Во время коротких остановок Печерский расспросил людей из группы Шубаева, не видели ли они Люку. Но нет, никто не видел девушку. Ее исчезновение так и осталось необъясненным.

Теперь в объединенной группе было пятьдесят семь человек. Это было очень много – целых два взвода. В такой большой группе труднее было поддерживать порядок, труднее было добиться тишины. Труднее найти удобную площадку для отдыха, труднее переходить дороги... Но разделяться пока не хотелось.

Вдруг одна женщина, шедшая с Печерским, раскричалась.

– Мойше, ты где? – звала она мужа. – Где ты? Мойше, отзовись!

Кричала она не во всю силу – так, чтобы услышал ее ненаглядный Мойше, который тоже был здесь, с группой. Но все равно в ночной тишине ее крик разносился, наверное, на несколько километров. Ну, и что с такой делать? Если бы с ними был Лейтман, самый авторитетный человек для Печерского, он бы, наверно, сказал, что придется терпеть, что нельзя выгнать женщину из группы. Но Лейтмана с ними не было – он остался там, на опушке леса, убитый шальной пулей. Какая нелепость! Вырваться из лагеря – и умереть, уже оказавшись на свободе!

Прошли примерно пять километров после рва с водой. Впереди слышался шум поезда. Перед глазами беглецов предстала открытая местность, кое-где поросшая кустарником. Близился рассвет, и соваться туда, на открытое место, было нельзя. Надо было найти ночлег здесь, в лесу. И пока основная часть группы спит, провести разведку.

Впрочем, в лесу тоже убежище не слишком надежное – лес в этом месте был редкий, он просматривался во всех направлениях. Три руководителя – Печерский, Цыбульский и Шубаев – собрались и устроили

совещание. Цыбульский стоял за то, чтобы вернуться немного назад. Ему казалось, что в километре отсюда они проходили густо заросший лесок. Там можно было бы спрятаться.

Однако Шубаев возразил:

– Помню я этот лесок. Не лес, а пятачок. Хватит взвода эсэсовцев, чтобы прочесать его насквозь. Да и зачем ходить взад-вперед? Нет, прятаться надо здесь!

– Где это – здесь? – не понял Цыбульский. – Вот тут, на открытом поле?

– Да, вот тут! Оно совсем не открытое. Вон сколько кустов, овражков. Надо рассыпаться по этому полю и спрятаться по одному – по два человека под каждым кустом. Немцам и в голову не придет искать нас здесь, совсем рядом с дорогой.

Предложение Калимали было на первый взгляд странное, даже нелепое. Но именно этим оно понравилось Печерскому. Действительно, немцы и не подумают искать беглецов в таком опасном месте. И он отдал приказ группе рассыпаться и прятаться в поле.

– Только так прячьтесь, чтобы вас и в двух шагах не было видно! – напутствовал он людей. – Вон в лесу сколько листьев нападало. Натаскайте побольше этих листьев, заройтесь в них. И до ночи не шевелитесь. Постарайтесь хорошенько выспаться, отдохнуть. Потом снова придется долго идти.

Люди разошлись и начали укладываться. Спустя полчаса уже никого не было видно: пятьдесят семь человек словно ушли под землю.

Печерский заранее оставил возле себя Цыбульского, Шубаева и Вайспапира. Они разбились на пары и отправились в разведку. Шубаев и Печерский вышли в открытое поле, за которым виднелась железная дорога. Идти по полю они не рискнули.

Цыбульскому и Аркадию повезло больше. Вернувшись, они рассказали, что примерно на расстоянии километра от того места, где остановилась группа, находится железнодорожная станция. Там на путях работают поляки, без охраны. Немцев нигде не видно.

Глава 26

Начался мелкий дождик. А у беглецов не было никакого надежного укрытия. Но приходилось терпеть: лучше было мокнуть в поле под дождем, чем сидеть в сухом и теплом бараке и ждать, когда придут эсэсовцы и начнут над тобой издеваться, а потом убьют.

Перед тем как лечь спать, Печерский назначил двух часовых. Они должны были выдвинуться к станции и следить за тем, что там происходит. Вдруг на станцию прибудет поезд с немецкими карателями? Часовые должны были меняться каждые два часа. Лишь приняв все эти меры предосторожности, он позволил себе уснуть. Уснул сразу – ведь он не спал почти двое суток.

Проснулся он, уже когда стемнело. Товарищи рассказали ему, что весь день над полем летали немецкие самолеты. Было похоже на то, что немцы с воздуха высматривают беглецов. Однако все люди из их группы хорошо замаскировались, так что с воздуха ничего нельзя было разглядеть.

Проснулся не только командир – повсюду под кустами происходило движение, люди вставали после отдыха. Было уже темно, немцев можно было не опасаться, и Печерский решил немного подбодрить людей. Он собрал возле себя два десятка человек и обратился к ним:

– Товарищи! Вы знаете, какой сегодня день? Сегодня 15 октября. Для нас это очень важный, знаменательный день. Это первый день нашей свободы! Мы сумели уйти на хорошее расстояние от лагеря. Если будем вести себя правильно, не делать ошибок, то проживем на свободе еще много дней.

Печерский решил двигаться чуть севернее, чтобы обогнуть станцию, и перейти железную дорогу вдали от нее. Кто их знает, этих поляков, которые работают на путях, как они отнесутся к беглецам. На станции должен быть телефон, и кто-нибудь мог позвонить в Хелм, сообщить немцам, что здесь видели бывших заключенных.

Они уже собрались двинуться в путь, как заметили неподалеку двух человек, которые осторожно пробирались в обратную сторону – на юг. Судя по тому, как они прятались, это тоже могли быть беглецы.

Так и оказалось: это были собиборовцы. Они рассказали, что уже побывали у Буга и теперь идут обратно.

– Почему же вы не переправились? – удивился Цыбульский.

– Потому что нам все рассказали местные жители!

– Что рассказали?

– Вчера утром мы вышли к хутору неподалеку от реки, – начал рассказывать один из беглецов. – Поляки, живущие там, отнеслись к нам, в общем, хорошо. Они рассказали, что еще ночью к реке прибыло много немецких солдат. Они разошлись вдоль берега и спрятались в кустах. Особенно много немцев там, где есть переправы через реку. Все переправы тщательно охраняются. Нет, здесь перейти нельзя! Поэтому мы решили пробираться южнее – там меньше дорог, хуторов, там можно будет перейти на восточный берег.

Это были очень важные сведения. Двое встреченных беглецов предупредили Печерского и его людей от большой ошибки.

Но вслед за этим эти двое сообщили Печерскому нечто еще более важное. Когда он спросил, не видели ли они Люку, один из беглецов сказал, что знает эту девушку по лагерю. И что действительно видел ее вчера.

Печерский так и подскочил на месте!

– Видел? – воскликнул он. – Где? С кем? Куда она направляется? Что думает делать?

– Видел я ее далеко отсюда, там, возле лагеря, – сообщил парень. – Она была с группой польских евреев. Кажется, они собирались идти в обход Хелма, а потом повернуть на запад. Больше я ничего не знаю.

Итак, Люка жива! Она на свободе! Какое-то время Александр мог думать только об этом. Она жива! Немцы ее не схватили! Но почему она тогда ушла от него? Почему ничего не сказала на прощание? Увы, ответов на эти вопросы не было. И он понимал, что вряд ли судьба подарит ему еще одну такую счастливую встречу, вряд ли он получит еще одну весточку о судьбе Люки.

Медлить больше было нельзя, пора было пускаться в путь. Было ясно, что надо идти так, как планировали эти двое беглецов, – на юг, в глухие места, и там искать переправу. И группа, насчитывавшая теперь почти шестьдесят человек, двинулась на юг.

Километров пять шли по открытому полю. Ночью это было не страшно – в нескольких шагах ничего не было видно. И вот впереди раздался шум деревьев, и беглецы вступили в лес. Здесь Печерский остановил группу. Дело в том, что еще там, на месте ночлега, он принял решение ее разделить. И он обратился к людям:

– Товарищи, продолжать идти дальше всем вместе, такой большой группой неразумно. Такое скопление людей слишком заметно, да и с жизнеобеспечением трудно. Мы разобьемся на шесть небольших групп, по девять-десять человек в каждой. Пусть каждая группа сама выберет себе

командира, сама наметит маршрут и порядок движения. Желая вам всем счастливого пути. Будьте счастливы и живите!

Никто не стал протестовать, возмущаться. Все понимали разумность этой меры. Беглецы начали делиться по группам, выбирать себе командиров. С Печерским остались восемь человек: Цыбульский, Шубаев, Вайспапир и еще пятеро. Они все по очереди обнялись с остальными. То и дело слышались слова, адресованные Печерскому:

– Спасибо тебе, Саша! Мы тебя никогда не забудем!

И собиборовцы разошлись. Группа Печерского двинулась прямо на восток, к Бугу. Направление беглецы определяли по Полярной звезде. Ночь стояла звездная, поэтому выбрать нужное направление было нетрудно.

К утру вышли в открытое поле. Решили залезть в стог и поспать, но перед этим выставить часового. Часовые должны были меняться каждые два часа (к счастью, у одного из беглецов имелись часы).

К вечеру, когда все выспались, напомнил о себе голод. Все продукты, какие успели прихватить с собой из лагеря, они к этому времени съели. Вспаханное поле говорило о том, что где-то неподалеку должен находиться хутор. Там наверняка можно было найти еду. Но можно ли доверять хуторянам? Не донесут ли они на беглецов? Может, лучше украсть потихоньку, что плохо лежит, и уйти незамеченными?

Об этом разгорелся нешуточный спор. Печерский выслушал мнения и тех и других и сказал:

– Думаю, мы можем заглянуть на хутор, поговорить с хозяевами. Бояться их не стоит – мы вооружены, а они нет. А если они на нас донесут – мы ведь не будем им сообщать точно наш маршрут. Даже если донесут, большой беды не будет. Но мне кажется, крестьяне натерпелись от немцев, ненавидят их так же, как мы.

И группа отправилась искать хутор. Долго искать его не пришлось – беглецы увидели постройки хутора сразу за перелеском. Подошли к хутору открыто, не таясь. И, как выяснилось, правильно сделали. Хозяева, польские крестьяне, встретили их, в общем, доброжелательно. Конечно, не как родных, но и не враждебно. Дали молока, яиц, несколько краях хлеба, картошки. Беглецы наелись, и еще на сутки или двое еды должно было хватить.

Хозяева рассказали, что в этом месте Буг поворачивает к востоку, так что идти до него придется долго. Они подтвердили, что немцы охраняют все переправы, и нужно быть осторожными.

– Вблизи от нас к реке лучше не соваться, – сказал хозяин, крепкий высокий крестьянин. – Вы ведь ночью идти будете, верно? Ну, вот ночь

пройдете, выйдете к другому хутору, называется Ставки. Вот там можете попробовать перейти. Хозяин там Петро. Парень он еще молодой, но хозяин хороший. Немцев он не любит, как и я. И, кстати, дальше к югу немцев меньше. Удачи вам!

Было понятно, что хозяин в гости не приглашает, ночевать не предлагает. Да беглецы на это и не рассчитывали. Двинулись на юго-восток. К утру вышли к маленькому хутору. Видимо, это и были Ставки, о которых говорил крестьянин. И хотя теперь они знали имя хозяина – Петро – и даже имели о нем что-то вроде рекомендации, сразу на хутор они не пошли. Кто его знает, этого Петро! Стараясь остаться незамеченными, они подобрались поближе к хутору и стали наблюдать.

Возле Ставок они провели весь день 18 октября. Наблюдали, смотрели, нет ли на хуторе посторонних людей. Хутор был совсем маленький – всего один двор. И ничего подозрительного не было видно. Когда стемнело, решили идти на хутор вчетвером: Цыбульский, Шубаев, Вайспапир и сам Печерский. Пятеро должны были остаться в лесу и продолжать наблюдение, а в случае необходимости прийти на помощь товарищам.

Подошли к хутору, постучали в окно. Занавеска отодвинулась, выглянуло молодое лицо. Спустя пару минут дверь открылась. В проеме стоял высокий молодой парень. Видимо, это и был Петро.

– Добрый вечер. Можно войти? – сказал Печерский.

Сказал, естественно, по-русски – не по-немецки же здесь говорить! А другого языка он не знал.

– Входите, – откликнулся парень на чистом русском языке.

– О, вы русские!

– Нет, мы украинцы, но русский знаем.

Беглецы вошли в хату. Под потолком горела подвешенная керосиновая лампа. В ее свете они смогли лучше разглядеть хозяина. На вид ему было около тридцати лет, волосы были длинные и светлые – таким рисуют былинного богатыря Алешу Поповича. Он был в расстегнутой рубахе и широких украинских шароварах. Кроме него, в хате были еще три человека. У печи сидел старик, он резал табачные листья. А в углу у подвешенной к потолку люльки сидела молодая женщина. Она укачивала ребенка и одновременно прядла.

– Хозяйка, будьте так добры, занавесьте окно, – обратился к ней Цыбульский.

Было совсем не нужно, чтобы кто-то мог незаметно подкрасться к дому и увидеть беглецов.

– Можно и занавесить, – откликнулась женщина и поднялась от

люльки. А старик предложил:

– Садитесь, чего стоять.

Гости сели на лавку. Хозяева молчали, словно воды в рот набрали. Видно было, что они не из говорливых.

Наконец Шубаев задал вопрос, который больше всего интересовал беглецов:

– Не скажете ли нам, где можно переправиться через Буг?

Парень, похожий на Алешу Поповича, угрюмо поглядел в пол и ответил:

– Не знаю.

Да, от избытка гостеприимства этот Петро явно не страдал! Надо было попробовать по-другому.

– Вы, отец, наверное, давно живете здесь? – обратился Шубаев к старику. – Уж вы-то должны знать, где тут река. Старики всегда все знают. Говорят, что возле вашего хутора где-то есть неглубокое место, и там можно вброд перейти Буг.

Однако старик оказался не более приветливым, чем его сын. Он ответил:

– Раз вам так сказали, то переходите. Мы не знаем, что это за неглубокое место. Мы к Бугу не ходим и даже не имеем права ходить – немцы не разрешают.

Сказал – и замолчал. Печерский искоса взглянул на Шубаева: дескать, имеет ли смысл дальше расспрашивать? Может, уже пора уходить? Однако Калимали не вставал; он сидел и упорно смотрел на старика – словно ожидал, что тот скажет что-то еще.

И старик неожиданно заговорил:

– Посидите еще, отдохните. Мы вас не гоним, а вы, наверно, устали.

Это уже обнадеживало. Старик помолчал еще немного и снова заговорил:

– Сейчас у нас беспокойно. Немцы так кругом и шныряют. Вот третьего дня были, спрашивали, не проходил ли кто мимо.

– А кого они ищут? – спросил Печерский.

– Да тут такие слухи ходят... – сказал старик. – Говорят, что из печей, где немцы людей сжигают, вдруг стали выскакивать живые трупы и за ними, за немцами то есть, гоняться. Кого поймают, схватят за горло и душат его. Еще говорят, что там недалеко стоял полк немецкий. Так сперва солдаты взяли за оружие, а потом, как мертвецов увидели, побросали со страху автоматы и разбежались куда глаза глядят. А еще говорят, что в том лагере из людей мыло делали. А теперь все эти люди разбежались и бродят

по лесам.

Печерский и его товарищи весело переглянулись. Вот как преобразились в народном сознании события их восстания! На их глазах рождалась новая легенда. Было хорошо, что старик рассказал эту легенду. Он как бы пригласил гостей рассказать правду о себе. Надо было это сделать.

– Наверно, это о нас рассказывают, – сказал Печерский. – Потому что это мы сбежали из того лагеря, где людей сжигали в печах. И когда мы прорывались на свободу, и правда положили немало нацистов. Кое-кого и за горло хватили, а кто-то топором по голове получил за свои зверства. Только мы никакие не мертвецы. Мы из России – кто из Донбасса, кто из Ростова. И сейчас хотим вернуться к себе на родину. Так что бояться нас вам нечего.

– А мы и не боимся, – ответил молодой.

И разговор пошел своим чередом. Беседовали больше часа. Хозяева постепенно проникались к гостям все большим доверием. И в конце разговора Петро сказал:

– Вот что, ребята. Место это, переправу через Буг, я вам покажу. Но близко к реке с вами не пойду. Дорога сама вас выведет. А то немцы уж больно сейчас свирепствуют, переворачивают все вверх дном, сбежавших из лагеря ищут. Если вам удастся переправиться – ваше счастье. Но если вас поймают – не губите нашу семью, не говорите, что мы вам помогли.

– Будь спокоен, друг, – отвечал Печерский. – Мы вас ни за что не выдадим. Большое тебе спасибо.

Хотя в таких условиях сказать «спасибо» – это ничто. Слова в этом случае мало что значат.

И, повернувшись к своим товарищам, сказал:

– Что ж, пошли, пока луна не взошла.

Но тут женщина поднялась с места, сказала:

– Подождите, я вам хлеба дам на дорогу.

Она завернула беглецам краюху хлеба, старик перекрестил их на прощание, и Петро повел их к реке.

В ту же ночь с 19 на 20 октября беглецы благополучно переправились через Буг. Теперь они были на родине, в Белоруссии! Двое суток они бродили по белорусским лесам, искали партизан. И нашли. 22 октября в районе Бреста они встретились с партизанами отряда Котовского. И все были включены в состав отряда.

Однако Печерский попросился в другой отряд. Он хотел войти в состав подрывной группы, взрывать немецкие поезда. Его просьба была

выполнена – его включили в отряд имени Щорса.

Лишь много позже, уже после войны, Печерский узнал о том, как развивались события в лагере Собибор после их бегства...

Глава 27

Не все заключенные лагеря Собибор участвовали в побеге. Некоторые работали в Третьем лагере, обслуживали газовые камеры, их не могли предупредить, а другие были больны и физически не могли бежать. Но были те, кто сознательно отказались бежать. Они надеялись, что немцы учтут их покорность и сохранят им жизнь. Некоторые даже надеялись на освобождение. Всего из шестисот узников в лагере остались 130 человек.

Напрасные надежды! Уже на следующий день все сто тридцать оставшихся были уничтожены. Они отправились в газовую камеру, а затем были сожжены в печах. И они стали последними жертвами собиборовской мясорубки.

Еще вечером того же дня, когда Печерский и его товарищи бежали из лагеря, из Берлина в Хелм пришла срочная телеграмма: «Немедленно направить все имеющиеся войска и догнать сбежавших из лагеря». Правда, исполнение этого приказа удалось задержать на четыре часа: телеграфистка в Хелме, рискуя жизнью, столько времени не передавала пришедшую депешу немецкому коменданту.

Когда немецкое командование получило приказ, была организована карательная операция. В течение двух недель после побега командование устроило настоящую охоту на беглецов, в которой участвовало более тысячи немецких солдат и полицейских. Каратели прочесывали леса, проверили все села, хутора, все заброшенные постройки, старые шахты, горные выработки. В радиусе двадцати километров от лагеря ни один кусок пространства не остался не осмотренным.

80 заключенных погибли еще во время побега. А в результате этой двухнедельной охоты немцам удалось поймать еще 170 человек. Все они были тут же расстреляны. В начале ноября карательная операция была завершена. Однако беглецы продолжали гибнуть и после этого. В основном потому, что их выдавали или убивали предатели из числа местного населения. До конца войны дожили лишь 57 участников восстания.

Одновременно шла другая операция немцев – по уничтожению самого лагеря. Для этого из Варшавы по приказу Гимmlера прибыла специальная саперная команда. Саперы динамитом взорвали все помещения лагеря и сторожевые вышки. Столбы ограды вырвали из земли, колючую проволоку смотали и увезли. Также вывезли танковые моторы, подававшие газ в камеру, и бульдозеры, которыми рыли ямы для захоронения трупов. Даже

гусей и кроликов, которых выращивала Люка, забили. Ни одна живая душа не должна была остаться живой в Собиборе! Нацисты заботились о том, чтобы никто не мог рассказать об их преступлениях, о том, как они за полтора года уничтожили здесь четверть миллиона человек. Земля на месте лагеря была вспахана, и по приказу немецкого командования ее засадили капустой.

Однако 57 узников все же остались в живых, и они вовсе не собирались молчать. Уже в 1944 году бывший заключенный лагеря Дов Фрайберг рассказал все, что знал, военным следователям. Его показания были записаны, с ними смогли ознакомиться писатели Вениамин Каверин и Павел Антокольский. Их очерк был опубликован в журнале «Знамя». Так мир узнал о преступлениях нацистов в Собиборе. Позднее этот очерк вошел в «Черную книгу», которую составляли Илья Эренбург и Василий Гроссман.

А как сложилась судьба тех, кто поднял восстание в Собиборе, кто помог сотням людей вырваться на свободу?

Важную роль в ходе восстания сыграл Борис Цыбульский. Этот здоровяк, бывший биндюжник помог убить четверых эсэсовцев; благодаря ему у беглецов появилось оружие. Казалось, судьба хранила Бориса: находясь во время прорыва из лагеря в самых опасных местах, он не получил ни одного ранения. Вместе с друзьями переправился через Буг, добрался до партизан. Однако здесь, уже в партизанском отряде, он заболел воспалением легких. Видно, даже его могучий организм не выдержал холодных ночевок и купания в ледяной воде во время переправы. Партизаны оставили Цыбульского в одном из сел, которые находились под их контролем. Но это не помогло. Позже Печерский узнал, что Борис умер спустя несколько дней.

Тогда же, в конце 1943 – начале 1944 года в одной из партизанских операций погиб другой активный участник восстания – Александр Шубаев по прозвищу Калимали. Александр был из Дагестана. Жил в Хасавюрте, работал инженером на железной дороге. Свое странное прозвище – «Калимали» – он придумал себе сам. Дело в том, что он любил в свободное время напевать горские песни, которые, естественно, никто не понимал. Ну, и кто-то из лагерников назвал это занятие «поет свое калимали». Шубаев был очень храбр, всегда первый шел навстречу опасности. Вот и погиб одним из первых...

Аркадий Вайспапир, уроженец колонии Бобровый Кут на Херсонщине, воевал в партизанском отряде, потом вступил в ряды Красной армии и дожил до победы.

Также дожили до победы и другие собиборовцы – Ефим Литвиновский, Наум Плотницкий и Борис Табаринский. До этого Борис успел повоевать в партизанском отряде имени Фрунзе, был там пулеметчиком.

Самая драматическая история была у Семена Розенфельда. Во время побега из Собибора он был ранен в ногу и не поспевал за основной группой восставших. Поэтому он не смог присоединиться к Печерскому и его группе. Вместе с двумя мальчишками, братьями Моником и Юзекком, он направился не на восток, а на юг, в Савнинские леса. Местные крестьяне рассказали беглецам, что в этих местах действует партизанский отряд. Две недели трое беглецов блуждали по лесу, пока не наткнулись на недавно погашенный костер. А неподалеку от костра нашли и хорошо спрятанный блиндаж. В нем жили пятеро собиборовцев и три еврея, бежавших из другого лагеря. Вот это и был весь «партизанский отряд»! Даже одной винтовки у них на всех не было, лишь несколько патронов, заваливавшихся в кармане у Розенфельда.

И можете себе представить – эти патроны спасли им жизнь! В начале декабря, когда выпал снег и на нем легче стало видеть следы беглецов, блиндаж обнаружила группа предателей, которые помогали немцам ловить бежавших. Бандиты были вооружены. Они убили всех, кто находился наверху, и стали разбирать блиндаж, чтобы прикончить и тех, кто нашел в нем укрытие. Что было делать? Розенфельд вытащил свои патроны, связал их веревкой и положил на бревна возле входа. А под ними пристроил горящую свечу. И представьте себе – патроны выстрелили! Бандиты решили, что люди в блиндаже вооружены, и ушли. Так Семен спас жизнь себе и еще троим товарищам.

Еще семь месяцев беглецы скрывались на хуторах у добрых людей между Люблином и Хелмом. В июле 1944 года Красная армия освободила Хелм. И Розенфельд немедленно явился к советскому коменданту города, рассказал свою историю и буквально потребовал немедленно отправить его на фронт. Комендант заметил, что Семен хромот, и заявил, что он не сможет нести службу наравне с другими солдатами. Однако Розенфельд настаивал на своем, и комендант согласился.

Семен был зачислен в часть и двинулся с ней дальше на запад. Освобождал Лодзь, Познань. Здесь он стал сержантом. И здесь же был снова ранен, и опять в ногу. Залечил рану и снова в строй. Когда в мае 1945-го Рейхстаг еще был окутан дымом, вместе с тысячами других солдат у его стен стоял Семен Розенфельд – бывший узник лагеря Собибор. В неполные двадцать три года его голова была вся убелена сединой, а лоб

покрыт глубокими морщинами. И на стене Рейхстага, где многие оставляли автографы, он тоже оставил свою надпись. Осколком снаряда он выцарапал: Барановичи – Собибор – Берлин!

И, наконец, осталось рассказать о судьбе главного героя этой истории. Александр Печерский попал в партизанский отряд имени Щорса. Его желание исполнилось – он стал подрывником, пускал под откос немецкие поезда. Так он воевал, пока к тем местам не подошла Красная армия. Он рассказал свою историю и попросил зачислить его в какую-либо из частей.

Однако зачисление Александра в состав армии прошло не так гладко, как у Розенфельда или Вайспапира. Поскольку он попал в плен, будучи офицером, его отправили на проверку в фильтрационный лагерь, а потом в штурмовой батальон.

В штурмовом батальоне, как известно, долго не живут. Вот и Печерский в одном из боев был тяжело ранен. Долго лечился и снова был направлен в строй, на этот раз в обычные части.

Закончилась война, страна возвращалась к мирной жизни. Печерский вернулся в Ростов, стал работать. Но больше всего на свете ему хотелось рассказать людям правду о происходившем в Собиборе, о героизме восставших заключенных. Рассказ об этом должен был войти в «Черную книгу» о преступлениях нацистов, об уничтожении ими евреев. Но сборник, подготовленный Василием Гроссманом и Ильей Эренбургом, так и не увидел свет. В СССР вообще долгое время на тему холокоста был наложен запрет. За свой героизм, за спасенные им жизни Александр Печерский не получил ни одной награды.

Между тем нашлись выжившие узники, которые рассказали о том, что пережили. О произошедшем в Собиборе сообщалось и на Нюрнбергском процессе. Воспоминания бывших узников публиковались в Израиле и в других странах. Во всех этих статьях и выступлениях не раз с благодарностью упоминалось имя Александра Печерского. Но на родине, в СССР, его имя было не слишком известно.

И только сейчас, когда Печерский уже ушел из жизни, его подвиг стал достоянием общества. Выходят книги, посвященные герою, снят фильм. Память возвращается...

* * *

14 октября 1943 года в Собиборе произошло единственное в истории успешное восстание в нацистском лагере смерти. Во главе восстания стоял

лейтенант Красной армии Александр Аронович Печерский с группой советских военнопленных.

Вся послевоенная жизнь Печерского была посвящена преследованию нацистских преступников, служивших в лагере, поиску участников восстания и побега, которые к тому времени разъехались по всему свету, сбору и распространению информации о подвиге и трагедии узников Собибора.

К сожалению, долгое время подвиг собиборцев не получал должного признания в мире. Ситуацию не изменил даже вышедший в 1987 году англо-югославский фильм «Побег из Собибора» с Р. Хауэром в главной роли. Лишь через два десятилетия после смерти Печерского (1990 г.) посвященная восстанию в Собиборе поэма «Люка»^[1] российского поэта и общественного деятеля М. Гейликмана дала старт международной кампании по увековечению памяти организатора восстания и его товарищей. В феврале 2016 года усилия общественности увенчались успехом – указом Президента РФ Александр Печерский был посмертно награжден орденом Мужества.

Герои Собибора получили наконец официальное признание: они награждены орденами нескольких государств, их именами названы поезда и улицы, в том числе в российской столице, информация о восстании включена в школьные учебники истории. Для координации этой деятельности был создан Фонд Александра Печерского. На наших глазах восстание в Собиборе становится одним из символов несокрушимости человеческого духа, его готовности и на краю бездны сопротивляться злу.

В 2018 году на экраны России и мира выходит художественный фильм «Собибор», созданный продюсерским центром «Синема продакшн» при поддержке Фонда Александра Печерского. Роль самого Печерского исполнил К. Хабенский, для которого эта картина стала и режиссерским дебютом. Начальника лагеря эсэсовца Френцеля играет знаменитый голливудский актер К. Ламберт, в других ролях заняты звезды российского и европейского кино. Фильм базируется на подготовленной главой Фонда И. Васильевым книге «Александр Печерский: прорыв в бессмертие», где под одной обложкой собраны поэма «Люка» и воспоминания Александра Ароновича. Именно его воспоминания и стали документальной основой романа, который вы держите в руках и который представляет собой вольную обработку сценария фильма «Собибор».

Иллюстрации

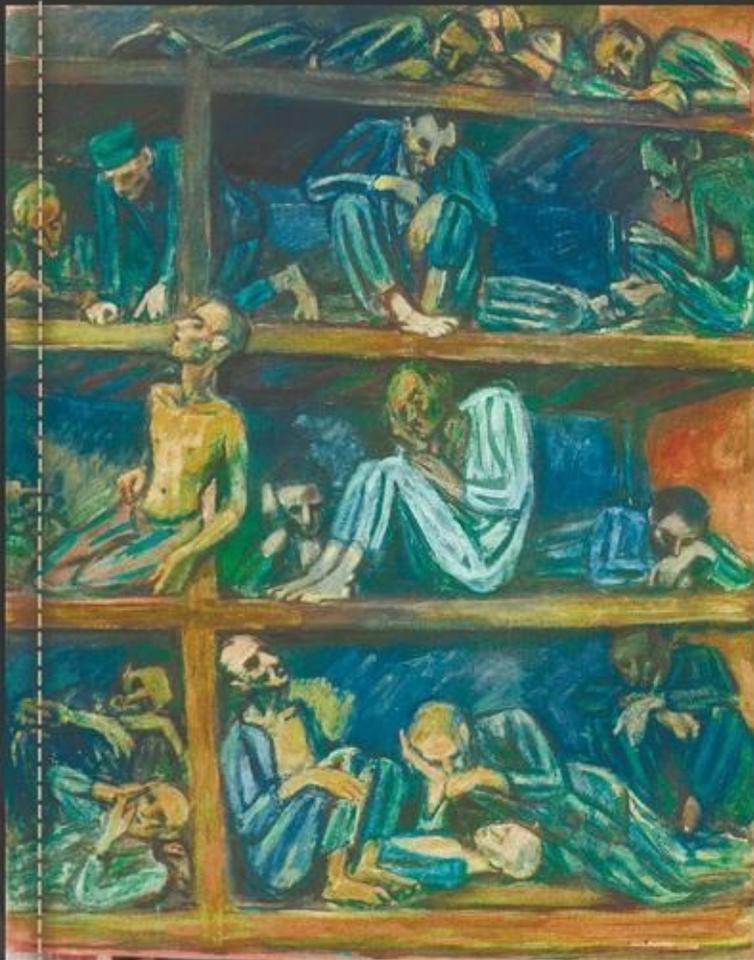

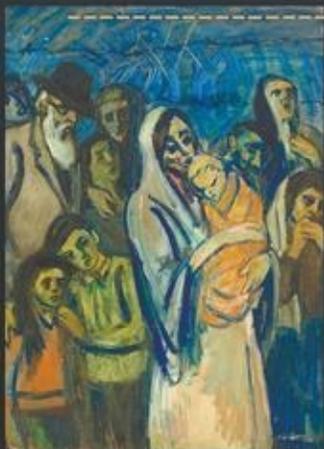

«В фашистском лагере»
картон, темпера, 100X80, 1969

«Старики. Женщины. Дети»
картон, темпера, 81X61, 1964

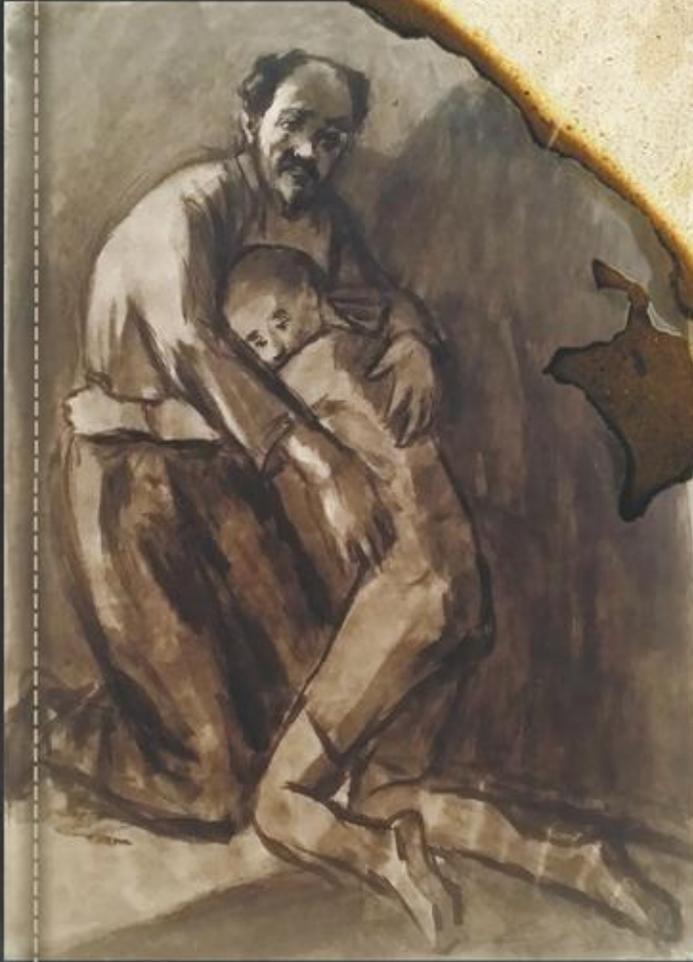
«Узник. Портрет
Александра Печерского»
картон, темпера, 75X50, 1969

«В укрытии»
картон, темпера, 100X80, 1965

«Дети, прячущиеся в лесу»
бумага, гуашь, 44X30,5, 1945

«Прощание»
бумага, гуашь, 43,5X31, 1946

Иллюстрация к книге
М. Лева «Партизанские тропы»
1958

Иллюстрация к книге
М. Лева «Партизанские тропы»
1958

Эскиз к иллюстрации
к книге Ривки Рубиной «Рассказы»
1978

Иллюстрация к книге Г.Смоляра
«Мстители гетто»
1946

Эскиз к картине
«Старики. Женщины. Дети»

Иллюстрация к книге Н. Дурье «Лесная тишина»
1957

Эскиз к картине
«Старики. Женщины. Дети»

«За колючей проволокой» иллюстрация к
книге М. Лева «Партизанские тропы»,
1958

«Прощание»

Иллюстрация к книге Г.Смоляра
«Мстители гетто»
1946

Иллюстрация к книге Г.Смоляра
«Мстители гетто»
1946

Набросок к картине «В женском лагере»

«У костра» иллюстрация к книге
М. Лева «Партизанские тропы»

«Дети, прячущиеся в лесу»

notes

Примечания

1

Названа по имени девушки из Голландии, которую Печерский называл «музой восстания».